

**Россия в эпоху
политических и культурных
трансформаций**

Выпуск II

Брянск 2016

Брянский государственный университет
им. академика И. Г. Петровского
Факультет истории и международных отношений
Кафедра отечественной истории

**РОССИЯ
В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ
И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ**

Выпуск II

Материалы всероссийской научной конференции
«ПЕЧАТЬ И ЦЕНзуРА В ИСТОРИИ РОССИИ»
14 марта 2016 г.

Брянск – 2016

ББК 63.3(2Р)
И-90

РЕДАКЦИОННАЯ КОЛЛЕГИЯ:

д. и. н. В. Ф. БЛОХИН

Брянский государственный университет
(научный редактор);

д. и. н. Е. В. ПЕТРОВ

Санкт-Петербургский государственный университет;

д. и. н. И. В. АЛФЕРОВА

Брянский государственный университет;

д. и. н. В. В. ШЕВЦОВ

Национальный исследовательский Томский государственный университет;

к. и. н. А. А. ЧУБУР

Брянский государственный университет.

И-90 **Россия в эпоху политических и культур-**
ных трансформаций. Выпуск II: Материалы все-
российской научной конференции «ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА
В ИСТОРИИ РОССИИ». 14 марта 2016 г. – Брянск:
«Курсив», 2016. – 198 с.
ISBN 978-5-89592-303-0

Материалы конференции, организатором которой выступила кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского, затрагивают важные вопросы истории печати и цензуры в России.

Для преподавателей научных работников, студентов.

ББК 63.3(2Р)
И-90

ISBN 978-5-89592-303-0

© Коллектив авторов, 2016.

© Издательство «Курсив», 2016.

СОДЕРЖАНИЕ

Петров Е. В., Алферова И. В., Блохин В. Ф. IN MEMORIAM DR. KIRSTI EKONEN	5
Шевцов В. В. ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА	9
Воскресенская М. А. РОССИЙСКАЯ МЕДИАСФЕРА И КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ	28
Блохин В. Ф. «ГЕРОИЧЕСКОЕ» НА СТРАНИЦАХ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «ЛУКОМОРЬЕ» 1914–1917 гг.	37
Куликова С. А. ДОЛГИЙ ПУТЬ К ОТМЕНЕ ЦЕНЗУРЫ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕЧАТИ В XX ВЕКЕ	61
Жилякова Н. В. ОТ «КОЛОКОЛЬЦЕВ» – К «УТРУ СИБИРИ»: ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОДНОЙ ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГАЗЕТЫ	80
Чубур А. А. «Я ХОТЕЛ БЫ НАПИСАТЬ О ТОМ, ЧТО ПЕРЕЖИЛ СРЕДИ СОСНОВЫХ ЛЕСОВ И ВОЛНИСТЫХ ПОЛЕЙ...» ПУБЛИКАЦИИ К. М. ПОЛИКАРПОВИЧА В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	90
Ромащенко В. А. ЦЕНЗУРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ. 1865–1880-е гг.	105
Малютина Т. П. СТАНОВЛЕНИЕ Н. И. КОСТОМАРОВА КАК ИСТОРИКА: МАГИСТЕРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ И ЦЕНзуРА	117
Устинова Ю. Н. ЗАМЕТКИ О НЕМЕЦКОМ ГЕРОИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «SIMPLICISSIMUS»)	122

Соловьев Р. А. НОВОЧЕРКАССКИЕ СОБЫТИЯ 1962 ГОДА В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ	127
Петров Е. В., Криницына Т. С., Коньков В. И. «ЦЮРИХСКОЕ ДЕЛО» РУССКИХ СТУДЕНТОК 1873-1874 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ	134
Новикова А. В. ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ НА СТРАНИЦАХ «ОРЛОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ». 1862-1864 гг.	144
Петрова И. Е. К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО АКТОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ВНЕШНИЙ ОБРАЗ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА	155
Фролова Е. А. «ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЖУРНАЛ» – ВЕДОМСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ: ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИЗУЧЕНИЯ	165
Мамрова Ю. А. ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА»	174
Чувилев Н. П. КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1917 г.	179
Криницына Т. С., Петров Е. В. ДИСКУССИИ О ПОСЛЕВОЕННОМ РАЗВИТИИ г. ВЫБОРГА В 1945-1946 гг.: ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС (ЦГА ИПД СПб.)	186
dii minores	
Денисова Е. РОССИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ В 1991-2003 гг. В ПУБЛИКАЦИЯХ ИНСТИТУТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА	192

In Memoriam Dr. Kirsti Ekonen

Во время подготовки материалов сборника к печати редакция получила печальное известие из университета Турку о безвременной кончине нашего финского друга и коллеги Кирсти Эконен. Считаем своим профессиональным долгом выразить искренние слова соболезнования родным и близким, коллегам Кирсти по университетам, где она училась и работала в Хельсинки, Турку, Тампере и Ювяскюле, понесшим невосполнимую утрату. Ушёл из жизни человек высоких духовных качеств, объединяющий вокруг себя исследователей-славистов не только в Финляндии, но и в России. Настоящей публикацией редакция сборника считает своим долгом сказать последние слова о специалисте, который до последнего момента дышал наукой и многое сделал для развития нынешних российско-финских славистических исследований.

Многим из нас довелось в последние годы возвращаться в круг профессиональных интересов и инициатив Кирсти Эконен. Наши научные пути пересеклись впервые в 2009 г. во время подготовки совместной заявки на Международный конгресс историков стран Центральной и Восточной Европы в Стокгольме 26-30 июля 2010 г. (International Council for Central and East European Studies – ICCEES VIII World Congress. Stockholm, 2010). Тогда благодаря харизматичной натуре Кирсти Эконен удалось в короткие сроки сплотить команду единомышленников и совместными усилиями успешно организовать и провести заседание российско-финской секции в Стокгольме. В тот момент Кирсти Эконен взяла на себя не только рутинную работу по оформлению заявки, в качестве председателя секции, но и благодаря хорошему знанию русского языка максимально постаралась настроить участников на дискуссию о трансграничных проблемах сотрудничества северных европейских столиц. Все из нас тогда почувствовали на себе свойственную почерку Кирсти Эконен академичность и универсальность. Всех нас в ней подкупала открытость, компетентность и стремление быть преданным академическому ремеслу.

После Стокгольмского конгресса нам представилась возможность продолжить сотрудничество в рамках международного гранта РГНФ – НАН Финляндии № 10-01-00632 а/Ф «Взаимовлияние европейских столиц. Петербург-Хельсинки на рубеже XIX–XX вв.» В рамках работы по совместному гранту мы имели возможность лишний раз убедиться в высокой репутации Кирсти Эконен как учёного и специалиста. Её выступления заставляли соразмьшлять и двигаться вперёд в изучении разнообразных тем от истории комплектования славянских коллекций и собраний в Финляндии до изучения вопросов русской эмигрантской периодики в Финляндии, от биографии финских славистов начала века до вопросов истории финской русистики и др. Отнюдь не случайно совместный сборник трудов с одноимённым названием открывался именно статьёй Кирсти Эконен. См.: Гельсингфорс – Санкт-Петербург. Страницы истории (вторая половина XIX – начало XX века): сборник статей / Под. ред. Т. Вихавайнена, С. Кащенко. – СПб.: «Нестор-История», 2012.

В рамках данного проекта российские и финские историки получили уникальную возможность работать сообща. На протяжении нескольких лет ими велась кропотливая работа с материалами архивных фондов и собраний. По итогам работы совместными усилиями с К. Эконен была подготовлена рукопись коллективной монографии Барон С. А. Корф (1876–1924 гг.): Санкт-Петербург, Гельсингфорс, Нью-Йорк / Под ред. Е. В. Петрова, К. Эконен, А. В. Павлова – СПб: Изд-во «Гегемон», 2013. – 296 с. Монография была посвящена исследованию жизни и творчества одной из ключевых фигур в развитии российско-финских отношений в 1917 году и малоизвестном в России помощнике генерал-губернатора – бароне Корфе.

Сотрудничество с Кирсти Эконен позволило уточнить обстоятельства пребывания С. Корфа в Александровском университете в Гельсингфорсе с 1905 по 1918 гг., изучить обстоятельства складывания академической карьеры Корфа в Финляндии в качестве учителя в 1905 г, преподавателя в 1906 и сотрудника славянской коллекции в 1911–1914 гг. Консультации с Кирсти Эконен, состоявшиеся за это время в Институте Финляндии в СПб., в университетах СПбГУ и Хельсинки помогли разобраться с материалами, объясняющими сложные перипетии политической карьеры Корфа на посту помощника генерал-губернатора в 1917 году и годы эмиграции в США. Кирсти Эконен как соавтора всегда отличала природная деликатность и такт. Как интеллектуал она в самые трудные моменты в работе брала в свои руки инициативу и взваливала на свои хрупкие плечи ответственность. И вот теперь её не стало с нами.

Она как педагог умела делиться своими знаниями со студенческой аудиторией. В каждый свой приезд в СПбГУ старалась выступать с аудиторными лекциями и предоставляла такую же возможность на заседаниях русского кружка в университете Хельсинки всем нам. Её лекции на русском языке заканчивались массой вопросов и весьма часто, благодарная аудитория не отпускала лектора. Кирсти Эконен как славист выступала на «хорошем русском». Она была подготовленным экспертом и входила в редакционную коллегию трудов Института Истории СПбГУ. Её запомнили друзья и товарищи как небезразличную, внимательную, знающую и глубоко понимающую историю российско-финских отношений. Каждое её посещение России, как правило, ознаменовывалось новыми проектами, новыми идеями и новыми публикациями. Она не без гордости и радости ставила нам дарственный автограф на русском издании своей книги о женском письме (Кирсти Эконен. Творец, субъект, женщина: стратегии женского письма в русском символизме. – М.: Новое литературное обозрение, 2011.)

Она дышала академической работой. В её расписании один проект шёл за другим. Как творческий человек она умела вовлечь в работу не только единомышленников, но и учеников. В 2013 году в сотрудничестве с Юсси П. Хаккарайнен и Я. Кругликовой и при поддержке фонда «Niilo Helander Foundation» она инициировала проведение в Национальной Библиотеке Финляндии международного colloquium по истории академических сообществ в пореволюционной России (Imagined Interregnum: Disintegration and Re-Establishment of Russian Academic Networks in 1917–1924). Во время его проведения в Хельсинки собрались историки-русисты из Германии, Эстонии, Чехословакии, Финляндии, России. По итогам его проведения Кирсти Эконен много времени и сил отдавала редактированию рукописи сборника.

Кирсти Эконен была частным гостем в России и когда она приезжала, никогда не отказывалась от встреч с коллегами, аспирантами и студентами. К сожалению, теперь только в отчётах по научной работе можно увидеть сухие анонсы её выступлений в Институте Истории СПбГУ на кафедре источниковедения истории России, где она последний раз выступала с аудиторной лекцией на тему: «История формирования и развития славянской коллекции Александровского императорского университета в Гельсингфорсе». У неё всегда хватало времени и силы консультировать не только коллег, но и студентов. Многие из них помнят её наставления при подготовке библиографического справочника «Финляндия в судьбах учёных петербургской академии наук и Санкт-Петербургского университета». Достаточно много совместных усилий с Кирсти Эконен в это время было

положено на оформление очередной заявки по международным грантам. В 2014 году историки университета Хельсинки и СПбГУ подготовили заявку «Европейское сознание» и «евразийский менталитет» в формировании «исторической памяти» и «идентичности» России и Финляндии («Memories, Identities and Mind of Eurasia – Examining of Changing Identities in Russia and Finland») поданной на очередной международный конкурс РГНФ-НАН Финляндии. Она как могла до последнего стремилась популяризировать результаты совместных трудов и исследований российских и финских историков. В рамках книжной ярмарки в Хельсинки (Helsinki Book Fair – 2015) она выступала с коллегами на площадке Национальной библиотеки Финляндии и искренне радовалась её успеху.

Ещё полгода назад она продолжала делиться со всеми нами планами относительно поездки в Россию для того чтобы принять участие 4-5 декабря 2015 года в работе международного семинара по истории зарубежной русистики в Смоленском государственном университете. Но всему этому уже не суждено было сбыться. Однако даже вопреки заключениям врачей, Кирсти Эконен продолжала работать и не оставляла до последнего надежду участвовать в работе международного конгресса историков стран Центральной и Восточной Европы в Японии (IX Congress International Council for Central and East European Studies – ICCEES. Chiba. Japan 2015). Она многое сделала для организации работы совместной российско-финской исторической секции «Slavic and East European studies collections» и только в самый последний момент по состоянию здоровья вынуждена была отказаться от уже зарезервированных билетов.

Последнее её академическое детище с российскими коллегами было посвящено обсуждению работы совместной секции на европейском конгрессе исторической урбанистики в Хельсинки в августе 2016 года (The European Association for Urban History, «Reinterpreting of Meanings of the Town Space»). Теперь это мероприятие, а точнее секция «Adapting city in the world of changing boundaries» уже состоится без неё, но обязательно будет приурочено в память о нашем финском коллеге и друге. Ушёл из жизни известный финский специалист в области русской литературы и культуры, гендерных исследований, постоянный член профессиональной ассоциации финских славистических исследований (Association for Finnish Slavic Studies Suomen – Slavistipiiri) доктор философии **Kirsti Ekonen**. «Requiem aeternam dona eis» («Вечный покой даруй им»).

Е. В. Петров, И. В. Алфёрова, В. Ф. Блохин

ГУБЕРНСКИЕ ВЕДОМОСТИ СИБИРИ В УСЛОВИЯХ СОЦИАЛЬНО-ПОЛИТИЧЕСКИХ ТРАНСФОРМАЦИЙ НАЧАЛА XX ВЕКА¹

В. В. Шевцов

В статье рассматривается издание «Иркутских», «Енисейских» и «Томских» губернских ведомостей по расширенной программе в условиях общественно-политических и экономических изменений в Сибири начала XX века.

Ключевые слова: *губернские ведомости, Иркутск, Красноярск, Томск, революция 1905–1907 гг., губернское управление, провинциальная печать.*

К началу XX века в Российской империи выходило более 70 наименований губернских и областных ведомостей [1]. Несмотря на существенные ограничения в их программе, эти издания развивались и видоизменялись. Цензура никогда не была непреодолимым препятствием для дореволюционной российской печати как по причине ее ограниченных возможностей, так и в виду зарегламентированности ее деятельности, не успевающей за быстро меняющейся общественно-политической обстановкой в стране [2; 3]. Губернские ведомости не только «как в лучших, так и в худших своих образцах послужили прототипом новых форм губернской периодики» [4, с. 29], но и сохранили свое значение в период социально-политических трансформаций начала XX века, когда самодержавная власть в условиях революционных потрясений использовала сеть своих региональных изданий для влияния на общественное мнение и противостояния частным оппозиционным изданиям.

Губернские ведомости Сибири, как и во всей Российской империи, развивались асинхронно, в зависимости от личности редактора, авторского вклада, переменчивой позиции по отношению к «своей» газете местной администрации, расширения законодательных рамок ее программы. О различном уровне содержания официальных газет Азиатской России узнаем из сведений, собранных «Комиссией для пересмотра действующих правил

¹ Статья подготовлена при финансовой поддержке гранта Правительства РФ П 220 Но 14.В25.31.0009 (проект «Человек в меняющемся мире. Проблемы идентичности и социальной адаптации в истории и современности»). Использованы результаты, полученные в ходе выполнения проекта «История изучения и освоения Сибири» исследовательского центра ТГУ «Транссибирский научный путь».

об издании губернских и областных ведомостей» 1901 г. Обращает на себя внимание, что самыми бледными среди старейших официальных газет зауральского региона выглядели «Томские губернские ведомости». Ведомости «второй волны», разрешения которых долго добивались местные власти, были содержательнее и выходили за рамки официальной программы.

Таблица 1. Губернские и областные ведомости Сибири, Дальнего Востока и Средней Азии в 1901 г. [5. Оп. 14. Д. 44. 1901 г. Л. 35–41.]

Наименование	Год издания	Периодичность	Подписная цена	Содержание	Заметки на полях документа
Енисейские губернские ведомости	1857	4 раза в неделю	Для обязательных подписчиков 5 руб.; для необязательных – 5 руб. 50 коп., с пересылкой	Телеграммы, театр и музыка, корреспонденции, сибирская хроника. Внутренние и внешние известия. Среди газет и журналов. Смесь. Фельетон	Материал большею частью занимательный
Иркутские губернские ведомости	1857	Ежедневно	7 руб. с пересылкой	Телеграммы, местная и общая хроника. Сельскохозяйственные статьи. Разные известия. Обзор периодической печати. Судебная хроника	Материал занимательный
Тобольские губернские ведомости	1857	Еженедельно	4 руб.	Телеграммы. Происшествия по Тобольской губернии. Местная хроника (не в каждом номере). Отдел сельского хозяйства и кустарной промышленности в виде прибавлений (довольно объемистых). Объявления	
Томские губернские ведомости	1857	Еженедельно	Для обязательных подписчиков – 3 руб.; для необязательных – 7 руб. с пересылкой	Объявления	
Забайкальские областные ведомости	1865	3 раза в неделю	Для обязательных подписчиков – 4 руб.; для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Местная хроника. По Сибири и Европейской России. На Востоке. Телеграммы. Среди газет и журналов. Иностранное известия. Фельетон	

Туркестанские областные ведомости	1870	2 раза в неделю	Для обязательных подписчиков – 7 руб.; для необязательных – 7 руб. 80 коп.	Передовые статьи. Текущие новости. Среди газет и журналов. Статьи по разным вопросам. Телеграммы. Местные известия. Корреспонденции. Фельетон (всегда серьезного содержания). Объявления (весьма обильны)	Газета поставлена вполне солидно. Посвящена всецело интересам края, дает много оригинального материала
Семипалатинские областные ведомости	1871	Еженедельно	Для обязательных подписчиков – 6 руб.; для необязательных – 6 руб. с пересылкой	Отчеты сельскохозяйственных обществ, статистического комитета и т.п. Объявления	
Семиреченские областные ведомости	1884	2 раза в неделю	5 руб. Неофициальная часть издается отдельно от официальной части	Телеграммы. Разные известия. Справочный отдел. Корреспонденции. Объявления	
Якутские областные ведомости	1892	2 раза в месяц	Для обязательных подписчиков – 6 руб. 50 коп.; для необязательных – 6 руб. 50 коп.	Городская хроника и объявления	
Приамурские ведомости	1894	Ежедневно	Для обязательных подписчиков 7 руб.; для необязательных – 9 руб.	Городская хроника. Областная хроника. Корреспонденции. Беллетристика. Самостоятельные статьи по разным вопросам. Театрально-музыкальный отдел. Телеграммы. Судебный отдел. Объявления	Много оригинальных статей и корреспонденций. Вообще газета ведется солидно

С 1 июля 1900 г., по ходатайству в Главное управление по делам печати иркутского губернатора И. П. Моллериуса, по расширенной программе с ежедневной периодичностью стали выходить «Иркутские губернские ведомости». В передовой статье причинами изменениями облика газеты редактор А. И. Виноградов называл начало работы Транссибирской железной дороги, приток в Сибирь капиталов и рабочей силы, изменения патриархального крестьянского уклада, проведенные и готовящиеся административные и судебные преобразования.

Структура номера выглядела следующим образом: официальная часть, телеграммы Российского телеграфного агентства, передовая статья, общероссийские события, рубрика «По Сибири», обзор столичных газет, местная хроника, корреспонденции, театральная хроника, научный отдел

(изобретения, проекты, статистика; прекратился в 1901 г.), судебная хроника, сельскохозяйственный отдел (с середины 1903 г. стал выходить отдельным приложением), смесь, справочный отдел, объявления, реклама. С № 72 от 1 апреля 1901 г. газета дополнилась литературным отделом, выделенным «в подвал», в котором помещались географические и этнографические очерки, театральные воспоминания, фельетоны о нравах промышленников, ссыльных, дамах полусвета, актрис, певиц и других лиц «свободных профессий», чья жизнь была полна приключений, возбуждавших читательский интерес. Место действия и сюжеты фельетонов, а также топонимические псевдонимы («Влад. Ангарский», «Саянов», «Кот Сибирский», «Сибирский Панглос» и т. д.) указывают на то, что их авторами были местные литературные силы.

Основным автором передовых был сам А. И. Виноградов. Их корректуру просматривал лично И. П. Моллериус, предоставив редакции «возможную свободу в выборе тем» [6, 1905, № 4013, 16 марта]. В рубрике «Местная хроника» события приводились в порядке их важности и значения – праздники, торжественные богослужения, благотворительные мероприятия, концерты и вечера, чрезвычайные происшествия и преступления, наложенные губернатором штрафы на жителей, разнообразные бытовые зарисовки. Широко была представлено коммунально-бытовая тема – состояние тротуаров, освещение улиц, цены на рынках, работа ассенизаторов, появление в городе первых автомобилей и другие события повседневной жизни. Частым объектом для критики в 1900–1902 г. выступала иркутская городская управа. В серии статей «Несо-Гласного» рассказывалось о знакомых каждому россиянину коммунально-коррупционных схемах: завышении сметных расходов при ремонтных работах, приписке количества рабочих в табелях о выдаче зарплаты, получении подрядов родственниками и знакомыми депутатов, сдаче в аренду городских лавок и кладовых «для своих» по заниженным ставкам, формальных ревизиях, при которых «обращается внимание на то, есть ли к каждому расходу оправдательный документ, не вникая по существу ни в одну из фигурирующих там цифр» [6, 1902, № 187, 23 авг.; № 215, 26 сент.; № 216, 28 сент.].

В адрес обновленных «Иркутских губернских ведомостей» Главное управление по делам печати высказало ряд серьезных претензий. За передовую «Иркутск, 19 февраля 1902 г.» [6, 1902, № 41, 19 фев.], посвященную 50-летию отмены крепостного права, А. И. Виноградов едва не был лишен своей должности. Цитата из сочинения некоего «немецкого ученого», считавшего основной задачей современной России устранение особого словного положения крестьянства и уравнивание всех слоев общества в гра-

жданских правах, была оценена цензурным ведомством как «отголосок мнений частных лиц либерального направления», не соответствующих правительственной политике.

Министр внутренних дел Д. С. Сипягин высказал согласие по поводу освобождения Виноградова от редакторских обязанностей и только заступничество И. П. Моллериуса предотвратило его увольнение. Иркутский губернатор оправдывал своего подчиненного «совершеннейшей случайностью поступка», его «полной благонадежностью» и невозможностью найти подходящую кандидатуру на эту должность. Сам Виноградов в рапорте сообщал, что «неуместная» передовая принадлежала одному из постоянных сотрудников газеты (состоящему на службе чиновнику) и была пропущена им по причине ослабления здоровья: «на дело редакции, независимо от работы по должности советника губернского управления, мною затрачивается не менее семи часов ежедневного труда и ни одна заметка в газете не проходит без предварительного личного моего просмотра перед набором и после набора» [5, Оп. 13, Д. 64, 1900 г., Л. 20–23 об].

Всего за 1901–1903 гг. Главное управление по делам печати направило иркутскому губернатору двенадцать замечаний, касавшихся содержания «Иркутских губернских ведомостей». Нежелательными в официальном органе признавались следующие публикации: судебный отчет по делу пристава Нижнеудинского уезда Ю. Антипова, обвиненного в должностном преступлении [6, 1901, № 119, 3 июня]; о своеволиях со стороны солдат и матросов по отношению к китайскому населению в Порт-Артуре [6, 1902, № 174, 6 авг.; перепечатка из «Нового края» и «Восточного вестника»]; о «бесцеремонном обращении» администрации и учебного начальства на Дальнем Востоке с учителями народных школ [6, 1902, № 243, 1 нояб.]; о недостойном поведении одного из начальников Забайкальской железной дороги [6, 1902, № 258, 20 нояб.]; о разгроме крестьянами маслобойного завода [6, 1902, № 259, 21 нояб.]; о подношении начальнику подарков подчиненными в день 35-летнего юбилея [6, 1902, № 281, 20 дек.]; о росте преступности и бездействии властей в Харбине [6, 1903, № 13, 17 янв.]; о грабежах, убийствах и насилиях в городах Сибири [6, 1903, № 26, 1 фев.]; о нарушениях в порядке надзора за казенными лесами [6, 1903, № 36, 13 фев.]; о бессилии красноярских властей в борьбе с конокрадами из ссыльных [6, 1903, № 3391, 28 марта]; о несостоятельности торгового дома П. А. Бадмаева [6, 1903, № 3450, 15 июня]. То, что появлялось в частных газетах, по мнению Главного управления по делам печати, не могло быть допустимо в официальных, даже в виде перепечаток и «смягчения выражений» (как оправдывался иркутский губернатор) газет приамурского генерал-

губернаторства, прошедших предварительную цензуру – «Восточного вестника» и «Нового края» [5, Оп. 14, Д. 147, 1901 г., Л. 34, 38–43; Оп. 13. Д. 64. 1901 г. Л. 17, 26, 30, 33].

Международная тематика «Иркутских губернских ведомостей» была представлена российско-китайскими отношениями, в связи с участием России в подавлении восстания ихэтуаней. В специальных рубриках «Внешние известия», «Вести с Дальнего Востока», «К событиям в Китае» рассказывалось о действиях войск коалиции, предложениях русской дипломатии об урегулировании «китайского вопроса», положении христианских миссионеров, русских экономических и военно-политических интересах в регионе. Размещались в газете и статьи о жителях «Серединной империи», их характере, истории, религии, вооруженных силах. С началом русско-японской войны жанр военной хроники и аналитики стал преобладающим. Собственные передовые, перепечатки из центральных газет, телеграммы Торгово-телеграфного (Санкт-Петербургского) агентства позволяли читателям уже через день-два узнавать о происходящем в Порт-Артуре и Маньчжурии. С апреля 1904 г. в газете, с периодичностью в среднем два раза в неделю, стали печатать фотографии русских крепостей и боевых кораблей, героев обороны Порт-Артура, а также подробные карты театра военных действий.

Значительное место уделялось влиянию военных действий на положение населения в ставших прифронтовыми восточносибирских губерниях и областях – первоначальные сообщения о народных манифестациях, молебнах о скорой победе, записях добровольцами и торжественных проводах призывников сменились списками убитых и раненых, тревожными публикациями о нехватке рабочих рук в деревне, росте цен на продовольствие, борьбе со спекулянтами, проблемах с расквартированием прибывающих воинских частей, раненых и больных. Регулярными стали сообщения о сборе средств на нужды армии и Красного Креста (в том числе и редакцией «Иркутских губернских ведомостей»).

Оптимистическая оценка перспектив военных действий оставалась преобладающей на протяжении всего 1904 г. Сдача Порт-Артура, поражение под Мукденом и разгром Цусимской эскадры вскрыли искаженный характер «образа врага», в котором «вместо смешного полудикаря, по обезьяньи копирующего внешние формы европейской цивилизации, пришлось увидеть прекрасно организованного, вооруженного всеми усовершенствованиями современной боевой техники и сильного духом противника» [6, 1905, № 3945, 1 янв.]. Гнетущая атмосфера приближающегося поражения оттенялась сообщениями о героических подвигах русских солдат

(и особо – солдат сибирских губерний) в кровопролитных и неравных сражениях. В общем отношении к войне произошла смена идеологемы от «победоносной» к «трагичной», «злосчастной», «несчастной» для России.

О падении Порт-Артура «Иркутские губернские ведомости» известили своих читателей в начале января [6, 1905, № 3947, 4 янв.], описание обстоятельств и причин сдачи «неприступного оплота» на Дальнем Востоке смешалось с тревожными сообщениями из столицы. О столкновениях рабочих с полицией в Иркутске стало известно 12 января [7, с. 72], в этот же день «Иркутские губернские ведомости» вышли с соответствующими телеграммами «С-Петербургского телеграфного агентства», напечатанными без каких-либо комментариев [6, 1905, № 3954, 12 янв.].

В официальной газете слово «революция» не упоминалось. «Беспорядки», «преступления», «бунт», «мятеж», «безумие», «нравственная эпидемия» – так в телеграммах Российского и Санкт-Петербургского телеграфных агентств, передовых статьях и перепечатках из консервативно-охранительных газет («Нового времени», «Киевлянина», «Харьковских губернских ведомостей», «Южного края» и др.) квалифицировались характер и содержание происходивших событий.

С сентября 1905 г. с позиций умеренного монархизма «Иркутские губернские ведомости» стали уходить вправо, приобретая черносотенное звучание. В организации революции (которая называлась таковой уже без эвфемизмов) обвинялись евреи и сторонники «жидовствующего либерализма». Рубрика «Наша внутренняя смута» (с № 4152 от 4 сентября 1905 г.) стала наполняться оценочными и аналитическими статьями из «Русского знамени», «Русской земли» и «Московских ведомостей». Однако такое направление не было стабильным. Манифест 17 октября 1905 г., изменявший самодержавный строй страны оценивался положительно, давались разъяснения понятий «свобода слова» и «избирательное право», а автор Манифеста С. Ю. Витте нарекался «надежным кормчим» для «заливаемого волнами государственного корабля» [6, 1905, № 4206, 12 нояб.; № 4214, 23 ноября].

4 марта 1905 г. иркутский губернатор И. П. Моллериус получил назначение в члены Совета министра внутренних дел [6, 1905, № 4006, 9 марта]. Исполнять обязанности начальника губернии стал вице-губернатор В. А. Мишин, который повел решительную борьбу с революционерами (что стало причиной покушения на него 23 декабря 1905 г.) и стремился усилить значение местной правительственной газеты для противостояния радикальным настроениям.

В начале сентября 1905 г. А. И. Виноградов оставил редактирование неофициальной части. Редактором вместо него был назначен заведующий губернской типографией У. И. Горайский [6, 1905, № 4153, 6 сент.]. Он, в отличие от либерально настроенного Виноградова (уже подавшего прошение об издании «прогрессивной» ежедневной газеты «Иркутский вестник»), более соответствовал требованиям вице-губернатора (27 ноября 1905 г. союз иркутских типографских рабочих объявил Горайскому бойкот). 21 октября 1905 г., в самый разгар забастовочного движения в Иркутске, Виноградов, по распоряжению нового иркутского губернатора М. Н. Кайгородова, вновь вступил в должность редактора неофициальной части [6, 1905, № 4187, 21 окт.], однако менее чем через месяц его вновь сменил У. И. Горайский [6, 1905, № 4210, 17 нояб.], выступивший с критикой «Иркутского вестника», возглавляемого своим бывшим начальником.

В период нарастания революции, в ноябре-декабре 1905 г., неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» посредством, главным образом, читательских писем вступила в полемику с «Восточным обозрением», которое редактор-издатель ссыльный народоволец И. И. Попов фактически сделал легальным органом иркутских эсеров и социал-демократов. 22 января 1906 г. «Восточное обозрение» было закрыто, «в виду проявляемого ею вредного для общественного спокойствия направления» [8, Оп. 10, Д. 423, Л. 1].

Основной политической темой местного раздела «Иркутских губернских ведомостей» в 1906–1907 гг. были выборы депутатов в Государственную Думу. Газета выступала в поддержку «Союза 17 октября» и монархических организаций – «Братства святого Иннокентия» и «Русского собрания». С середины 1906 г. в Иркутске стали выходить специализированные правомонархические газеты – «Русский черносотенец» и «Сибиряк». Выборный представитель от Иркутской губернии был избран только во II Думу – основная борьба развернулась между кадетами и социал-демократами. В результате право поехать в Петербург получил меньшевик В. Е. Мандельберг [9, с. 107].

С февраля 1908 г. по распоряжению и. д. иркутского губернатора А. Н. Югана «Иркутские губернские ведомости» стали выходить с сокращенным неофициальным отделом, два раза в неделю. Редактором газеты и заведующим губернской типографии был назначен чиновник особых поручений А. А. Ольшанский.

До Февральской революции «Иркутские губернские ведомости» лишь единожды обратились со своих страниц к населению – 21 февраля 1913 г. по всей стране праздновался юбилей дома Романовых и газета рассказывала об

основных действующих лицах Смутного времени, возникновении правящей династии и ее роли в истории Сибири. В этот день газета вышла большим форматом (73 × 43,5 см), на плотной бумаге, с цветной шапкой и огромным тиражом – 12 тысяч экземпляров для бесплатного распространения среди населения [6, 1913, № 5616, 21 фев.; № 5617, 27 фев.].

В 1900 г. по расширенной программе стала издаваться вторая официальная газета Восточной Сибири – «Енисейские губернские ведомости», но этот период, в сравнении с «Иркутскими губернскими ведомостями», был очень кратким – до начала 1902 г. В конце 1899 г. енисейский губернатор М. А. Плец обратился через иркутского генерал-губернатора А. Д. Горемыкина в Главное управление по делам печати с ходатайством о расширении неофициальной части «Енисейских губернских ведомостей» до размеров ежедневной газеты.

По мнению губернатора, она не представляла интереса «ни для читающей публики, по своему содержанию, ни для торговых фирм, – в качестве рекламатора», а в Красноярске назрела потребность «иметь такую газету, которая явилась бы правдивым отражением, нужд текущей местной жизни» [5, оп. 12, д. 37, 1895 г., л. 3 об–4]. Под этой формулировкой имелась в виду необходимость противостояния издаваемой с 1894 г. либеральной оппозиционной газете «Енисей» Е. Ф. Кудрявцева (с 1889 г. – «Справочный листок Енисейской губернии»). А. Д. Горемыкин, присоединил к ходатайству свое мнение о том, что «неодобрительные статьи о местных правительственных учреждениях делают своевременным и желательным создание в Красноярске в лице расширенных и возможно больше распространенных в публике “Енисейских губернских ведомостей”, авторитетного противовеса сенсационному направлению местной частной прессы» [5, оп. 12, д. 37, 1895 г., л. 4 об].

Первые изменения коснулись периодичности и структуры «Енисейских губернских ведомостей» – неофициальная часть стала выходить отдельно три раза в неделю, а с 1901 года – четыре. Редактором обновленных «Енисейских губернских ведомостей» стал Н. Ю. Шильдер-Шульднер. Газета выходила без герба (как и частные газеты), а слово «губернские» было набрано самым мелким шрифтом между заголовком, так, что внешне это выглядело как «Енисейские ведомости».

Газета содержала следующие регулярные рубрики: последние известия, передовая статья на местную тему («Красноярск, дата»), «Из жизни губернии», «По Сибири», «Политические известия», «Среди газет и журналов», «Сельскохозяйственный отдел», «Смесь», «Справочный отдел», казенные и частные объявления. События самого разнообразного масштаба

и значения становились предметом внимания передовых и корреспонденций – о необходимости организации весенних экскурсий для учеников [10, 1900, № 44, 9 мая], о сборе пожертвований на постройку красноярского народного дома-театра [10, 1901, № 36, 8 марта] и о его открытии [10, 1902, № 28, 19 фев.], о необходимости организации общества взаимного страхования [10, 1901, № 174, 20 нояб.], о посещении Красноярска его уроженцем В. И. Суриковым [10, 1902, № 60, 11 июня] и т. д. В «подвале», в разделе фельетон, печатались анекдоты, бытовые зарисовки, статьи по экономическим, историческим, этнографическим или научно-популярным сюжетам (например, «Возможна ли жизнь на Марсе» [10, 1900, № 108, 5 окт.]. Тематический выпуск, на бумаге лучшего качества, был посвящен 100-летию упокоения великого русского полководца А. В. Суворова [10, 1900, № 43, 6 мая].

В освещении международных событий «Енисейские губернские ведомости», как и большинство русских газет, внесли свой небольшой вклад в поддержании англофобских настроений как реакции русского общества на англо-бурскую войну, в которой все симпатии были на стороне «мужественных» и «отважных» буров, а англичане упрекались в бессердечии, жестокости и приверженности во внешней политике грубой силе капитала. Также как и в «Иркутских губернских ведомостях», в «Енисейских» присутствовал интерес к непосредственным дальневосточным соседям Сибири. Восстание ихэтуаней, интервенция европейских держав, ввод русских войск в Маньчжурию освещались с помощью телеграмм Русского телеграфного агентства, перепечаток из центральных газет и собственных передовых. Для наглядной иллюстрации описываемых событий приводилась карта Дальнего Востока [10, 1900, № 61, 17 июня].

«Енисейские губернские ведомости» в своих передовых выполняли функцию опровержения ложных слухов (как, например, о разгроме «китайскими бандами» Благовещенска [10, 1900, № 80, 1 авг.] и информационной поддержки проводимых мобилизационных мероприятий, разъясняя их общегосударственное значение и приводя примеры патриотического подъема среди населения. Предстоящие тяготы для гражданского и военнообязанного населения в походе на Восток, изображались как своеобразная плата за распространение правительством на территорию Сибири новых форм экономической и общественной жизни, как путь слияния интересов сибиряков с интересами жителей других губерний: «Обновленная Сибирь, получившая новые учреждения, гласный суд, железный путь, заселенная и широкими шагами ступающая по пути прогресса не испытывала еще никогда со времен ее покорения того подъема энергии и духа, которые проявляются только во время войны. Настал и ее черед. Бодро и

самоотверженно выступает сибиряк в поход и возвратившись домой <...> он сольется плотью и кровью с родными своими братьями и будет продолжать медленную, но верную работу укрепления повсеместно коренных русских начал, а самое название Сибирь исчезнет в архивах преданий» [10, 1900, № 77, 25 июня].

27 ноября 1901 г. енисейский губернатор М. А. Плец вошел к новому иркутскому генерал-губернатору А. И. Пантелееву с просьбой вновь возбудить ходатайство перед Главным управлением по делам печати, но уже об ограничении программы «Енисейских губернских ведомостей». Причины этого были, прежде всего, финансовые – «по проществу почти двух лет издания газеты, как показала практика, надежды, возлагавшиеся на широкое распространение местных губернских ведомостей, не оправдались и, вместо ожидаемых барышей, типография едва успела свести концы с концами» [5, оп. 12, д. 37, 1895 г., л. 8об–9].

С № 29 от 22 февраля 1902 г. газета стала выходить с сокращенной неофициальной частью, два раза в неделю. Редактором ее стал заведующей губернской типографией и газетным столом Ф. И. Дмитриев. Однако на период русско-японской войны, в связи с интересом к ее событиям, непосредственно касавшимся Сибири, неофициальная часть, с 1 июля 1904 г. по 25 октября 1905 г., вновь издавалась самостоятельно от официальной части. Программа газеты была следующая: правительственная политика, агентские телеграммы, деятельность российского общества Красного креста, газетная хроника о войне, биографии и некрологи «деятелей настоящей войны, в особенности местных уроженцев и жителей» [10, 1904, № 1, 1 июля]. С конца 1905 г. неофициальная часть «Енисейских губернских ведомостей» уже не выходила за рамки информационно-рекламного приложения к официальной части и в таком виде встретила 1917 год.

В самый разгар революционных событий в стране были обновлены «Томские губернские ведомости. С № 43 от 23 ноября 1905 г. редактором неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стал статский советник П. Т. Виноградов. Впервые с 1857 г. увеличивалась периодичность издания – два раза в неделю. «Разные вопросы жизни и особенно Томского края будут освещаться и обсуждаться правдиво и беспристрастно <...> Читатели неофициального отдела, особенно крестьяне, найдут много полезных сведений и могут знать о том, что делается на белом свете» [11, 1905, № 43, 23 нояб.]. В условиях дарования гражданских свобод и объявления о выборах в Государственную Думу необходимо было разъяснять эти новые основания общественной жизни и особенности избирательного закона для местного населения. Предлагаемые читателю материалы разделялись на рубрики

«Передовая статья» (как правило, их было несколько), «Правительственные сообщения», «По России», «Последние новости», «Вести и слухи», «За границей», «Местная хроника», «По губернии», «Сибирские вести», «Смесь».

В конце 1905 – начале 1906 г. были устроены погромы в 150 городах империи, по неполным данным было убито 3,5–4 тыс. человек, ранено более 10 тыс. [12, с. 14]. 20 октября 1905 г. в Томске произошло столкновения монархически настроенных горожан, организовавших «патриотическую манифестацию» с революционной милицией (фактически конфликт был спровоцирован действиями городской думы, попытавшейся взять власть в городе в свои руки). 21 октября были разграблены ряд еврейских магазинов и дом городского головы А. И. Макушина, подозревавшегося манифестантами в руководстве «революционной партией».

Власть, в лице губернатора В. Н. Азанчевского-Азанчеева, не смогла совладать с самим стихийным антиреволюционным выступлением и противодействовать спровоцировавшим его с обеих сторон информационным поводам – томский комитет РСДРП распространял по городу листовки с призывами к свержению деспотизма, а среда обывателей питалась слухами о захвате власти в городе евреями). Возможно, что наличие местного официального «внепартийного» органа, способного дать внятные разъяснения по текущей ситуации, способствовало бы ее корректировке или, по меньшей мере, внесло бы ясность в позицию властей. 8 ноября В. Н. Азанчевский-Азанчеев был отправлен в отставку [11, 1905, № 45, 30 нояб.], а 22 ноября 1905 г. исполнять эту должность стал вице-губернатор, председатель губернского управления С. И. Бирюков. 23 декабря 1905 г. в губернии было введено военное положение и назначен военный генерал-губернатор – барон Карл фон Нолькен, служивший до этого обер-полицмейстером в Варшаве.

Событиям 20–23 октября 1905 г. была посвящена одна из первых статей обновленных ведомостей – корреспондент «Нового времени» в «кратком отчете о пережитых ужасах» сообщал основные факты происшедших столкновений без видимого сочувствия как манифестантам, так и милиционерам [11, 1905, № 43, 23 нояб.]. Спустя три месяца в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» появилась статья «Лучше поздно, чем никогда», в защиту томского архиепископа Макария, которого «Сибирская жизнь» и «Сибирский вестник» рассматривали в качестве соучастника октябрьского погрома. Автор, подписавшийся как «Священник» (возможно, им был протоиерей о. Сергей Дмитриевский), обращал внимание на то, что Макарий «не побоялся урагана страстей, не утратил смелости и лично пытался успокоить манифестантов, остановить убийц и

грабителей чужого имущества. В качестве же причин, толкнувших «чернь» к насилию, называлась не губернаторская или духовная власть, а оппозиционная пресса: «Газеты кричат об умиротворении страны, но слишком часто едкое печатное слово их обильно подливает в мятежную среду, как масло в огонь. <...> У нас пресса взбудоражила умы, разожгла страсти» [11, 1906, № 10, 5 фев.]

Основными темами неофициальной части «Томских губернских ведомостей» в период редакторства П. Т. Виноградова стали Манифест 17 октября 1905 г. как документ, обновляющий весь государственный уклад страны, и выборы в Государственную Думу как умиротворяющее гражданское учреждение. Первоначальные надежды правительства на крестьянство как оплот монархии в борьбе с революционной интеллигенцией определяли стилистику статей – обращение властей к крестьянам, обращение к крестьянам от их же представителей или рассуждения по поводу крестьянского «мировоззрения»: «Старайтесь, братцы, на общих губернских собраниях выбирать членов в Думу из крестьян» [11, 1905, № 44, 27 нояб.]; «Под грубой оболочкой нашего мужика бьется сердце горячего патриота, бьется сердце, не чуждое братства, любви и стремления к свету цивилизации» [11, 1905, № 45, 30 нояб.; перепечатка из «Сибирских известий»] и т. д.

При описании забот самодержавия о благосостоянии народа применялось подражание народному стилю речи: «И видит Царь, что народ обеднел, что жить народу тяжело стало и помощи народу нет ниоткуда» [11, 1905, № 43, 23 нояб.; перепечатка из «Воронежских губернских ведомостей»]; «Такие люди – мы, мужички. Мы лучше всякого знаем свою жизнь, мы пьем ее горе, дышим ее радостью» [11, 1906, № 21, 19 марта; из приговора крестьян Покровской волости Барнаульского уезда и Прокудинской волости Томского уезда].

Революционные силы и их деятельность описывались исключительно в негативных тонах: «мятежники», «бунтари», «безумцы», «революционные банды», «изменники», «разбойники», «крамольники», «смутьяны», «лихие люди», «волки в овечьей шкуре», «негодяи», «легкомысленные и испорченные люди», «враги отечества», «враги нашего народа», «беспорядки», «анархия», «кровавая смута», «бунт», «антиправительственные речи», «коварные воззвания» и т. д.

Из местных газет в качестве источника заимствования для рубрик «По губернии» и «Местная хроника» выступали либеральная «Сибирская жизнь», являвшаяся неофициальным органом кадетской организации в Томске, и «Сибирские известия» (с 1906 г. – «Время») – орган томского отдела «Союза 17 октября». При этом из «Сибирской жизни» глав-

ным образом брались сообщения, лишенные политической окраски (об открытии библиотек-читален, необходимости судебной реформы, о положении жителей Нарымского края и т. д.), из октябристских «Сибирских известий» («Времени») заимствовались проблемные статьи для собственных передовых.

Официальные ведомости публиковали программные положения «Союза 17 октября» [11, 1905, № 47, 7 дек.; № 51, 21 дек.], сообщали об образовании томского отдела партии и его заседаниях [11, 1905, № 50, 18 дек.; 1906, № 6, 22 янв.; № 32. 3 мая], открытии отделов «Союза» в Барнауле, Бийске, Каинске, селах Спасском и Камень [11, 1906, № 11, 8 фев.; № 13, 19 фев.]; печатали предвыборные разъяснения относительно функций будущего народного представительства [11, 1906, № 6, 22 янв.]. Сам редактор Виноградов входил в бюро томского отдела «Союза 17 октября».

Оппозиционно-революционный характер Государственной Думы стал причиной смещения акцентов в оценке перспектив деятельности первого народного представительства по «умиротворению России». Расчеты на патриархальность и монархизм крестьянства не оправдались и в Сибири. В I Думу из 15 избранных депутатов (до роспуска Думы выборы состоялись лишь в трех губерниях – Тобольской, Томской, Енисейской и Акмолинской области) по партийной принадлежности 1 являлся октябристом, 1 – сторонником партии демократических реформ, 9 – кадетами, 2 – трудовиками, 1 – социал-демократом и 1 был беспартийным [9, с. 87]. Из пяти депутатов-крестьян по Томской губернии, о которых «Томские губернские ведомости» сообщали, что они «не принадлежат и не принадлежали ни к какой партии» и «искренне преданы своему царю» [11, 1906, № 40, 4 июня], четверо поддерживали конституционных демократов и только один – «Союз 17 октября».

Вслед за центральными газетами правого направления в неофициальной части «Томских губернских ведомостей» стали размещаться критические материалы по отношению к Думе и положительные оценки ее роспуска. В сентябре 1906 г. произошла смена редактора неофициальной части «Томских губернских ведомостей», вызванная попыткой консолидации в Томске правых монархических сил и их отмежеванием от «Союза 17 октября».

Вначале газету повел чиновник особых поручений при губернаторе К. С. Нолькене И. Е. Бицюк – подпоручик запаса и казначей губернского управления (участник русско-японской войны), а затем непрременный член томского губернского управления по крестьянским делам, действительный статский советник А. В. Дуров – один из первых среди учредителей «Русского народного общества за веру, царя и отечество». «Общество», устав которо-

го был утвержден губернатором 12 сентября 1906 г., было образовано лицами, отошедшими от томского отделения партии октябристов.

С середины 1907 г. редактором неофициальной части стал томский вице-губернатор В. Э. Мейер. Новое руководство неофициальной части «Томских губернских ведомостей» повело газету резко вправо. Основными источниками заимствования оценочных и аналитических статей стали черносотенные «Русское знамя», «Русская земля», «Московские ведомости», а также примыкавшие к ним консервативные монархические «Харьковские губернские ведомости» и «Киевлянин». Резко возросло присутствие охранительно-патриотического «Нового времени».

Образ Думы уже не связывался с идеями «обновления» и «спасения» России. Это – «очаг смуты, грабежей и разбоев» [11, 1907, № 46, 20 июня; перепечатка из «Харьковских ведомостей»], «еврейско-кадетский митинг», «сборище, выпущенных из подполья “социалов”» [11, 1907, № 81, 28 окт.]. Среди политических партий особой критике (практически в каждом номере) стали подвергаться кадеты. При их характеристике был взят разоблачительный тон. Это партия «политических недорослей» [11, 1907, № 8, 28 янв.], «бунтовщическая партия» [11, 1907, № 12, 11 фев.], «еврействующая» (11, 1907, № 61, 12 августа), она усвоила «скверную и вздорную привычку говорить от имени всего народа» [11, 1907, № 33, 6 мая].

Томскому отделению партии кадетов также доставалось от «Томских губернских ведомостей»: «Опубликованный нашими “кадетами” список кандидатов в выборщики, можно сказать, блестящий: три купца (“целых” – вычеркнуто цензором), четыре профессора, а остальные – тоже “умственные интеллигенты”. Что в кадетском списке красуются имена четырех профессоров, – в этом, конечно, ничего удивительного нет. Но как в него попали трое купцов – это решительно непостижимо. Очевидно, у этих купцов, на (“на спине” – вычеркнуто) которых думают выехать поправевшие для виду кадеты, мало своей купеческой амбиции, а память у них, несомненно, короткая. <...> Что-нибудь одно из двух: или (гг. Максимов, Житков и Толкачев – заменено на “эти купцы”) не сегодня-завтра откажутся от своих “капиталов” в пользу “трудящегося класса” и превратятся в настоящих “умственных интеллигентов”, или они играют роль ширмы, роль приманки, на которую наши кадеты рассчитывают словить голоса более умеренных элементов...» [11, (1907, № 74, 26 сент.).

Во II Думе Сибирь представляло 20 человек (2 эсера, 3 народных социалиста, 3 социал-демократа, 3 трудовика, 4 кадета, 1 представитель партии демократических реформ, 4 беспартийных) [9, с. 87]. Такой «праздник на улице левых» [11, 1907, № 12, 11 фев.] «Томские губернские ведомости»

объясняли не предпочтением выборщиков, а «предвыборными проделками партии народной свободы» [11, 1907, № 10, 4 фев.; перепечатка из «Московских ведомостей»], несовершенством избирательного закона, когда «города получили больше выборщиков, чем сельское население, которое избирало правых и умеренных» [11, 1907, № 17, 28 фев.], абсентеизмом избирателей: «из 11 тыс. избирателей по городу Томску участие в выборах приняли лишь 5628» [11, 1907, № 29, 15 апр.].

С избранием III Думы и завершением революции, вице-губернатор В. Э. Мейер стремился придать официальной газете более привычный верноподданныческий вид. Краткое сообщение «Местной хроники» о том, что «по случаю тезоименитства Его Императорского Высочества Наследника Цесаревича 5 октября в Троицком кафедральном соборе будет отслужена литургия и торжественный молебен», было им собственноручно расширено за счет заметки о выпуске облигаций второго городского займа. Цензором смягчались ставшие привычными антисемитские выпады. Так, в статье «Агония еврейского социализма», перепечатанной из «Русского знамени», им были сделаны такие правки: «жидовский социализм» – «еврейский социализм», «национализм победил жидовский международный социализм» – «национализм победил еврейский международный социализм», «жидовская жадность» – «ненасытная жадность», «...наши социал-демократы, особенно наиболее тупые между ними – большевики...» – «...наши социал-демократы, особенно наиболее неразвитые между ними – большевики...» [11, 1907, № 79, 17 окт.].

В период «обновленного строя» [13] неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» сохранила свое общественно-политическое звучание. В соответствии с представлениями о несвойственности революционных идей «здоровой» массе русского населения народ изображался как отрезвляющийся и выздоравливающий от тяжелого разрушающего недуга: «...русские люди чуть не на краю гибели успели удержаться и дать отпор “деятельным преобразователям”» [11, 1908, № 6, 23 янв.]; «Сейчас не должно быть ни левых, ни правых, ни кадетов, ни союзников русского народа. Должны быть только русские граждане, горячо любящие свою Русь, своего Царя, свою Святую Веру» [11, 1908, № 8, 30 янв.]. В действительности же антимонархические настроения в русском обществе возрастали.

Ряд статей неофициальной части за 1908–1910 гг. можно объединить темой моральных ценностей в жизни различных слоев современного русского общества: о высоком нравственном и образовательном уровне врача [11, 1908, № 2, 6 янв.]; о положении и значении полиции [11, 1908, № 8, 30 янв.; № 46, 13 июля; 1909, № 48, 5 июля]; о высоком предназначении женщи-

ны [11, 1908, № 11, 17 фев.; 1910, № 26, 4 апр.]; о воспитании новобранцев в армии [11, 1908, № 44, 2 июля] и воинской дисциплине [11, 1908, № 61, 17 сент.]; о распространении среди всех слоев русского общества азартных игр [11, 1908, № 17, 12 марта]; о проституции [11, 1908, № 36, 4 июня] и порнографии [1908, № 34, 25 мая; № 36, 4 июня; № 46, 13 июля]. Широкое освещение получил вопрос о трезвенном движении и борьбе с алкоголизмом.

С октября 1911 г. неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» утратила свое самостоятельное значение и стала лишь структурным элементом газетного номера. Покушение на П. А. Столыпина [11, 1911, № 63, 4 сент.; № 64, 7 сент.; № 69, 25 сент.] и 300-летие дома Романовых [11, 1912, № 90, 2 дек.; 1913, № 13, 17 фев.] были последними внутриведомственными событиями, освещенными на страницах неофициальной части. С № 37 от 22 мая 1916 г. «Томские губернские ведомости» вернулись к своей прежней дореволюционной периодичности – газета стала выходить один раз в неделю. Ни события Первой мировой войны, ни февральские дни в Петрограде никак не были отражены с правительственных позиций в местной официальной газете.

Подведем итоги. В начале XX века местные сибирские власти предприняли попытки развития находящихся в их ведении правительственных газет в интересах освещения собственной деятельности, влияния на общественное мнение и противостояния частным оппозиционным изданиям. В 1900–1901 гг. по расширенной программе издавались «Енисейские губернские ведомости», а с середины 1900 г. – «Иркутские», обновление которых было осуществлено успешно и на длительный срок. Тираж увеличился с 650 экземпляров в 1900 г. до 5000 в 1905 г. (по подсчетам С. И. Гольдфарба, число подписчиков у «лучших сибирских изданий» не превышало 2 тыс. [14, с. 80]. В ходе работы «Комиссии для пересмотра действующих правил об издании губернских и областных ведомостей» в апреле 1901 г. «Иркутские губернские ведомости» (как и «Енисейские») были отмечены среди прочих ведомостей Азиатской России. Многочисленные замечания «Иркутским губернским ведомостям» со стороны Главного управления по делам печати свидетельствовали о том, что ее содержание носило проблемный и критический характер.

В условиях первой русской революции, восточносибирские «Иркутские» и западносибирские «Томские губернские ведомости», сохраняя характер официальных изданий местных органов государственной власти, выполняли функции, позже свойственные правым партийным изданиям (полемика с оппозиционными газетами, площадка для высказывания антиреволюционных мнений граждан, трансляция в общественное сознание

идей «умиротворения, обновления и спасения России»). Начавшие выходить по расширенной программе с ноября 1905 г. «Томские губернские ведомости» приобрели октябристскую направленность, что придавало газете одновременно как проправительственное звучание, так и умеренно-либеральный, оппозиционный к классическому самодержавию, оттенок. С сентября 1906 г. руководство ведомостями перешло в руки более правых консервативных сил – чиновников местной администрации, которые придали газете откровенно черносотенный характер.

«Иркутские губернские ведомости» уже с сентября 1905 г. с позиций умеренного монархизма ушли вправо, однако такое направление не было стабильным – на редакционной политике газеты отражались особенности текущего момента и различие политических предпочтений в губернском руководстве. В ноябре – декабре 1905 г. в «Иркутских губернских ведомостях» ясно прослеживается направление на опровержение публикаций «Восточного обозрения», что, возможно, сыграло свою роль в его закрытии в январе 1906 г. В послереволюционный период актуальность противостояния антиправительственным силам снижалась год от года и, соответственно, снижалась необходимость в общественно-политическом звучании неофициальной части. В начале 1908 г. была сокращена неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей». Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» (до ее сокращения в октябре 1911 г.) по инерции к предшествовавшим событиям отличалась «нравоучительным» направлением, в задачи которого входило «нравственное влияние» на читающее и слушающее население.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Летенков Э. В.* Губернские, областные, войсковые, епархиальные ведомости 1837–1917. СПб., 2005. 148 с.

2. *Патрушева Н. Г.* Циркуляры цензурного ведомства как источник по истории периодической печати России в XIX – начале XX века // Историк, документ, цензура. Источникведческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. СПб., 2015. С. 27–34.

3. *Блохин В. Ф.* «Пленники без застенков»: к проблеме взаимоотношений государства, частной прессы и массового читателя во второй половине XIX – начале XX в. // Историк, документ, цензура. Источникведческие и историографические

аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. СПб., 2015. С. 35–46.

4. *Блохин В. Ф.* «Губернские ведомости» как зеркало российской провинции (XIX – начало XX в.) // Вестник Российского государственного гуманитарного университета. Серия: История. Филология. Культурология. Востоковедение. 2009. № 17. С. 20–31.

5. Российский государственный исторический архив. Ф. 776.

6. Иркутские губернские ведомости.

7. *Третьяков В.В., Третьяков В. Г.* Кадеты Восточной Сибири в 1905–1917 гг. Иркутск, 1997. 238 с.

8. Государственный архив Иркутской области. Ф. 25.

9. *Родионов Ю.П.* Хроника избирательных кампаний в I и II Государственные думы в Сибири // Материалы к хронике общественного движения в Сибири в 1895–1917 гг. Томск, 1995. Вып. 2.

10. Енисейские губернские ведомости.

11. Томские губернские ведомости.

12. Политические партии России (первая четверть XX века): Справочник / В. Ф. Блохин, В. Г. Бородачев, В. И. Калинов и др. Брянск, 1993. 152 с.

13. *Пронкин С.В.* К вопросу о характере «обновленного» государственного строя Российской империи (октябрь 1905 – февраль 1917 гг.) // Вестник Московского университета. Серия 21: Управление (государство и общество). 2010. № 4. С. 3–22.

14. *Гольдфарб С. И.* Газета «Восточное обозрение» (1882–1906). Иркутск, 1997. 218 с.

Об авторе:

Шевцов Вячеслав Вениаминович – доктор исторических наук, доцент, профессор кафедры отечественной истории Национального исследовательского Томского государственного университета.

РОССИЙСКАЯ МЕДИАСФЕРА И КУЛЬТУРНОЕ СОЗНАНИЕ ОБЩЕСТВА НА РУБЕЖЕ XIX–XX СТОЛЕТИЙ

М. А. Воскресенская

В статье рассматривается специфика развития массово-информационного процесса на завершающем этапе существования Российской империи. Показаны характер и степень влияния медиасферы на состояние культурного сознания общества. Описаны особенности использования медиаресурсов различными общественно-политическими силами.

Ключевые слова: медиасфера, культурное сознание, история России конца XIX – начала XX в.

Медиасфера, будучи неотъемлемой частью культуры, относится к числу непосредственных репрезентантов культурного сознания. В то же время, обладая мощным рефлексивным, аналитическим и манипулятивным потенциалом, она оказывает обратное воздействие на культурное сознание и по своему определяет облик той культуры, к которой принадлежит.

Картина мира современника информационной эпохи формируется при доминирующем участии медиа. В то же время миромоделирующие возможности информационной среды неизбежно коррелируют с наличной социокультурной ситуацией в обществе. Представления людей о мироустройстве не только отражают объективный уровень познания ими природной реальности, но и раскрывают характер социальной действительности, в которой они существуют. Взаимозависимость миропонимания человека и общественных условий жизни прослеживается со времен глубокой архаики. Однако эта отлаженная система претерпела серьезную модернизацию, когда в нее встроился новый культурный элемент, заявивший о себе как мощный инструмент воздействия на умы, – массмедиа.

Российское информационное поле начало обретать особенно ясные очертания и превращаться в по-настоящему влиятельную силу после либеральных Великих реформ. Чтение из развлечения превращалось в обязанность, насущную потребность, работу, дающую возможность ревизии имеющейся привычной социальной структуры – не в пользу «сомнительной аристократии» и «рыцарей кредитных билетов» [1, с. 41].

На рубеже XIX–XX столетий в стране шло становление массового общества, заметно расширился слой читающей публики, с ослаблением цен-

зурных запретов и особенно после провозглашения свободы печати Манифестом 17 октября 1905 г. росло число разнообразных печатных изданий; у журналистики появились веские основания претендовать на статус подлинной властительницы дум. Дополнительные медийные возможности создавали общедоступный театр и только что родившийся кинематограф. Серьезное значение для развития информационного пространства имело расширение сети учебных заведений и публичных библиотек. Определенную роль в раскрепощении умов и расширении информационного поля играли автономия университетов и облегчение условий выезда за границу.

Рубежная эпоха оказалась в российской истории невероятно насыщенной масштабными процессами и событиями. Она вместила в себя и бурное развитие капитализма, перекроившее весь жизненный уклад многих россиян, и новейшие научные открытия, пошатнувшие механистическую картину мира, казавшуюся прежде неопровержимой, и катастрофы войн и революций, и рождение российского парламентаризма, и Серебряный век русской культуры. Все эти «неслыханные перемены, невиданные мятежи» не могли не сказаться на состоянии культурного сознания общества. Некогда цельный, единый образ мира в кризисной обстановке исторического перелома раздробился, распался на множество несочленяемых осколков, автономных вариантов. Возникло противоречивое и многомерное духовное пространство, на противоположных полюсах которого парадоксальным образом сосуществовали взаимоисключающие тезисы: «Бог умер» и «Материя исчезла».

К этому времени, несмотря на то, что церковь официально не была еще отделена от государства, а школа от церкви, религия фактически утратила всеобъемлющее общественное влияние. Вопросы веры перешли в разряд частных и рассматривались теперь как личное дело каждого человека. Церковь, давно ставшая составной частью государственного аппарата, растеряла былой нравственный авторитет и уже плохо справлялась с ролью духовного наставника. В простонародной среде царила не столько глубокая и истинная вера, сколько традиционное обрядоверие (не случайно советской власти в скором времени так легко удалось провести масштабные акции по уничтожению храмов). Светские учебные заведения находились в ведении Министерства просвещения, а не Синода. Значительная часть образованного населения придерживалась атеистических воззрений.

По сложившейся традиции люди привычно указывали свою принадлежность к той или иной конфессии, будучи фактически материалистами по убеждениям. Вместе с тем прямолинейные материалистические построения у многих вызывали чувство неудовлетворенности. В моду вошли

спиритические сеансы, публика зачитывалась мистической литературой, ломилась на лекции оккультистов. Крайностям заостренней церковной догматики и вульгарно истолкованного материализма противостоял феномен «нового религиозного сознания», обосновывавшийся деятелями «русского религиозно-философского ренессанса».

Таким образом, в российском культурном сознании рубежной поры уживались и традиционные религиозные взгляды, и материалистические воззрения, и эзотерика, и неортодоксальные идеи религиозной философии. Их сложный полилог дополнялся разноголосицей многочисленных идеологических доктрин и эстетических концепций. Эта широкая вариативность мировидения находила отражение в прессе. На закате Российской империи в стране существовал целый ряд книгоиздательств, выпускавших как общедоступную массовую литературу, так и серьезные художественные произведения, научные, философские, публицистические труды. В это время выходило огромное множество периодических изданий самого разного рода – правительственных, конфессиональных, научных, литературно-общественных, художественных, партийных, развлекательных, профессиональных, предназначенных для семейного чтения и прочих [2; 3; 4]. При таком их обилии и в условиях смягчения цензурных условий, да еще с учетом нелегальных каналов распространения печати, любую мысль при желании можно было донести до массового читателя.

Вследствие заметного оживления информационных процессов чрезвычайный разброс мировоззренческих позиций был принят обществом как данность, непреложный культурный факт современной действительности. Возникшее тогда множество образов мира вряд ли возможно ранжировать на общепринятые представления и маргинальные. Благодаря массмедиа все они в равной степени утверждали свое право на существование и становились легитимными. Тот или иной вариант миропонимания, независимо от количества приверженцев, через прессу транслировался в массы и тем самым закреплял свое присутствие в культурном сознании общества. Можно было разделять чью-то точку зрения или опровергать, но не игнорировать; невозможно было отрицать наличие в жизни общества того, что нашло отражение в прессе.

Так, властям при всем старании не удалось скрыть от читающей публики гражданскую позицию Л. Н. Толстого, которая по некоторым вопросам расходилась с официальными взглядами. Правительство безуспешно пыталось не допустить публикации его трактата «Царство Божие внутри нас» (1893) с резкой критикой православного духовенства и статьи «Не могу молчать» (1908) с протестом против смертных казней, принявших массо-

вый характер после введения закона о военно-полевых судах. Эти работы, первоначально изданные за границей, во множестве экземпляров нелегально переправлялись в Россию, распространялись в рукописных списках и в виде листовок и, в конце концов, в отрывках или полностью появились в открытой печати. Несмотря на последующие изъятия тиражей и штрафные санкции, налагавшиеся на редакции изданий, осмелившихся опубликовать крамольные заявления Л. Н. Толстого, его острые публицистические выступления стали достоянием общественности, вошли в культурное сознание современников [5, с. 178–209].

Бурное развитие медиасферы при отсутствии государственной монополии на издательскую деятельность и в условиях либерализации общества, пусть и относительной, делало невозможным сокрытие важной для общества информации, снимало препятствия к ее распространению, позволяло обходить цензурные рогаки. Массмедиа становились самым действенным оружием в борьбе за умы. С одной стороны, они использовались в качестве средства манипулирования массовым сознанием, с другой, выступали как инструмент противодействия подобному манипулированию, препятствовали не только замалчиванию фактов, но и намеренному их искажению в угоду политической или иной конъюнктуре. Это наглядно продемонстрировало нашумевшее дело Бейлиса, вызвавшее широчайший резонанс в прессе и до крайности возбудившее общественное мнение.

В 1911 г. черносотенная печать (газеты «Земщина», «Русское знамя») при поддержке некоторых изданий, выразивших официальную точку зрения (газета «Новое время», журнал «Церковный вестник») попыталась развернуть масштабную антисемитскую кампанию в связи с обвинением киевского обывателя Менахема Менделя Бейлиса в ритуальном убийстве христианского мальчика. Однако откровенная фабрикация дела была разоблачена в ряде СМИ, причем не только в либеральных «Русских ведомостях» и «Русской мысли», но и в монархической газете «Киевлянин».

Возмущение общественности выплеснулось за пределы империи, с открытыми протестами против узаконенной лжи выступили многие деятели культуры в России и за рубежом. И вновь правительству не помогли никакие репрессии против печати, не согласной с предвзятым рассмотрением дела – ни конфискация номеров с материалами по данному вопросу, ни штрафы, ни даже закрытие газет и аресты редакторов. Попытка создать в массовом сознании угодный образ действительности на основе определенным образом преподнесенных сведений не удалась, поскольку невозможно было отсечь альтернативные каналы информации.

Растущая медиасфера, расширяя свое пространство, трансформировала культурное поле. Она становилась не просто частью современной культуры, но одним из фундаментальных культууроформирующих факторов жизнедеятельности социума. Вне развитой информационной системы, без столкновения мнений на страницах газет, журналов, публицистических сборников никакой мировоззренческий плюрализм не мог бы найти реального воплощения в жизнь. Любая оригинальная идея оставалась бы частным и мало кому известным случаем на фоне официально провозглашенных постулатов.

Медиа в целом, не только пресса, играли все более существенную роль в складывании определенных моделей социального поведения, стиля мышления, образа жизни. Традиционная литературоцентричность русской культуры в эпоху Серебряного века приняла крайние формы. Литература и жизнь настолько тесно переплетались, что порой менялись местами. В жизни словно бы воплощались книжные сюжеты с дуэльными вызовами, мистификациями, рыцарским поклонением Прекрасной Даме, странными романами.

Серебряный век был «заражен» литературностью, карнавальностью, театрализацией жизни, в обстановке которой происходили невероятные истории, как полные драматизма, так и курьезные. Смешанные чувства вызвал у свидетелей эпохи печальный конец Нины Петровской, ставшей прообразом Ренаты из романа В. Брюсова «Огненный ангел», в роль которой она буквально вживалась в реальной действительности, доведя себя, в конце концов, до безумия.

Сердца современников тронула трагедия Черубины де Габриак, героини известной литературной мистификации, блестяще разыгранной М. Волошиным и сломавшей творческую судьбу реальной женщины, скрывавшейся под этим экзотическим именем – поэтессы Е. Дмитриевой. Среду экзальтированных гимназисток, одурманенных «блоковщиной», поразила эпидемия самоубийств. Почтеннейшая публика была взбудоражена слухами о совершенно недоступном для посторонних «Обществе любителей Гафиза», сложившемся в недрах «Башни» – знаменитого литературно-художественного салона Вяч. Иванова и Л. Зиновьевой-Аннибал. Встречи и художественно-философские беседы «гафизитов» происходили в утонченно-порочной атмосфере игры, маскарада, эстетского эротизма. В эту фантасмагорическую «пьесу» декадентской эпохи вписали свои страницы даже кокетки, прогуливавшиеся по Невскому в шляпах с черными («траурными») перьями и представлявшиеся потенциальным клиентам как «Незнакомки» [6; 7; 8; 9].

Не меньший, чем литература, миромоделирующий потенциал демонстрировало и искусство, буквально шагнувшее со сцены в жизнь. Театр и кинематограф были источником массовых подражаний, подсылающая манеру двигаться, общаться, одеваться. Сценический грим и костюмы, подсмотренные во время спектаклей или киносеансов, копировались в обыденной жизни. Театральные художники (особенно Л. Бакст) воспринимались настоящими законодателями мод как отечественной публикой, так и зарубежной, открывшей для себя культуру России благодаря «Русским сезонам». Для эпохи модерна было очень характерно убеждение в том, что окружающая человека внешняя красота порождает красоту внутреннюю, совершенствуя душу и преображая все человеческие отношения. Художники призывали выстраивать в быту эстетизированную среду, создавать вокруг себя красивую обстановку для того, чтобы изменить качество жизни.

Художник, творец приобрел в это время необычайно высокий статус, превратился в кумира толпы. Творчество уподоблялось божественному Творению. В тревожной обстановке предчувствия надвигающихся социальных катаклизмов и грядущего переустройства мира активизировалось мифосознание, но не как возрождение древних мифов, а как оригинальное авторское мифотворчество, точнее жизнетворчество. Жизнь пытались строить по литературным образцам, по законам искусства, разыгрывая ее как спектакль, буквально сотворяя как художественное произведение. Жизнетворческие концепции были не просто эстетической доктриной, а, по сути, жизненной философией, которую стремились донести до культурного сознания аудитории, обосновывая ее на страницах модернистских журналов («Мир искусства», «Весы», «Аполлон», «Золотое руно»).

Идея жизнетворчества оказалась весьма органичной эпохе, центральной темой которой было ожидание коренного преобразования действительности, создание нового мира и нового человека. Эта тема развивалась на рубеже XIX–XX вв. в самых разных интерпретациях и мировоззренческих вариантах от мифологем и мистериальных замыслов художников до идеологических проектов и партийных программ политиков. Идеиная пестрота была вполне естественным порождением переходного исторического периода, когда, по выражению З. Гиппиус, «что-то в России ломалось» [8, с. 54].

Неизбежность крушения старого мира с его обветшалыми порядками и пришедшими в противоречие с жизнью представлениями была очевидной. Но далеко не однозначным был образ нового мира – его очертания каждому виделись по-своему, в зависимости от стиля мышления, убежде-

ний, социально-психологических установок, миропонимания. Вставший перед страной выбор дальнейшего исторического пути и принципы будущего общественного устройства стали предметом ожесточенной борьбы, развернувшейся между сторонниками самых разных мировоззренческих позиций. Исход этой борьбы, среди прочих факторов, в немалой степени зависел от силы их влияния на умы, масштабы воздействия на массовое сознание, а значит и от характера использования медиаресурсов. В конечном итоге лидеры пролетарской революции сумели распорядиться богатыми возможностями современной им информационной среды куда эффективнее, чем их идейные оппоненты.

Консервативно-монархические круги, отвергавшие любые преобразовательные инициативы, в своих печатных изданиях (выражавших официальную точку зрения газетах «Правительственный вестник», «Московские ведомости», «Гражданин», «Новое время», журналах «Русский вестник», «Наблюдатель» и черносотенных газетах «Русское знамя», «Земщина», «Вече») отстаивали незыблемость существующей власти и государственных институтов. Эта позиция имела немало сторонников, особенно в тех случаях, когда она подкреплялась великодержавной риторикой и шовинистическими выпадами, что находило отклик в умонастроениях определенной части общества. Но по мере углубления системного кризиса, охватившего все стороны жизни Российской империи, охранительные идеи теряли популярность в глазах масс и серьезных исторических перспектив уже не имели. Уловить ведущие тенденции в меняющихся настроениях народа и выстроить грамотную коммуникацию, чтобы привлечь массы на свою сторону, монархистам не удалось.

Либерал (от лат. «liberalis» – касающийся свободы) – в первоначальном смысле человек свободомыслящий, вольнодумец. В более общем смысле либерал – это сторонник парламентского строя, демократических свобод и прав личности, характерных для западного общества, при исключительно мирных средствах их достижения [10, с. 6].

Либералы настаивали на необходимости реформ и при этом были принципиальными противниками политического радикализма любого толка, признавая исключительно парламентские способы общественной активности. Они не делали ставку на массы, предпочитая всю силу убеждения растрчивать на заседаниях Государственной думы. В печати (газетах «Русская молва», «Утро России», журналах «Вестник Европы», «Освобождение») обращались к наиболее образованной части населения, преимущественно к высокооплачиваемым слоям интеллигенции, то есть к весьма немногочисленной социальной группе.

Либеральная мысль вызвала информационное потрясение своим публицистическим сборником «Вехи» (1909), вышедшим вскоре после первой русской революции и за короткий период выдержавшим множество переизданий. Авторы книги обличали революционную интеллигенцию, резко осуждая насильственные методы политической борьбы. Их выступление спровоцировало яростную полемику в прессе. Однако, по большому счету, это была внутриинтеллигентская дискуссия, не затронувшая умы широких масс, а сами «Вехи» так и остались «неуслышанным предупреждением». После Октября веховцы выпустят еще один публицистический сборник – «Из глубины» (1918). Но это будет уже запоздалая констатация упущенных возможностей. По сути, либералы вели разговор сами с собой, и это оказалось проигрышной позицией. Им не удалось внедрить в массовое сознание буржуазную систему ценностей, которую они объективно отстаивали.

Культурная элита, представленная творцами Серебряного века и тесно сходявшаяся во взглядах с веховцами, выдвигала концепцию духовного совершенствования общества в противовес революционным теориям. Представители культурной элиты уповали на спасительную силу красоты и были убеждены в том, что социально-политическая борьба не может принести людям истинного улучшения жизни. Свои построения они публиковали в журналах и книжках, выходивших мизерными тиражами («Новый путь», «Вопросы жизни», «Труды и дни») и обсуждали в узкой, замкнутой среде религиозно-философских собраний, литературно-художественных салонов, артистических кабачков, куда доступ чужакам был строго закрыт. Возвышенные, но несвоевременные для кризисной обстановки мысли этой социальной группы вряд ли могли найти массовую поддержку в голодной, раздираемой внутренними противоречиями и истерзанной войной стране. Впрочем, культурная элита и не искала такой поддержки, не стремилась расширить свое медийное пространство, отгородившись от реальной жизни позицией рафинированного эстетства. Занимая в медиасфере слишком укромный уголок, она не могла всерьез воздействовать на массовое культурное сознание.

Совсем иная тактика предпринималась в революционной среде. Ее представители обращались непосредственно к массам как напрямую, в ходе митингов и рабочих собраний, так и с привлечением медиасредств – через партийную печать (газеты «Искра», «Правда» и другие, легальные и нелегальные, менявшие названия, закрывавшиеся и открывавшиеся вновь), с помощью нейтральных изданий, путем распространения листовок и прокламаций. При этом на фоне абстрактного философствования иных идейных течений и политических сил гораздо более доходчивым оказался

язык прямых призывов к действию, отражавших простую и ясную программу решения «больных» вопросов времени.

Лозунги «Вся власть Советам!», «Мир народам!», «Земля – крестьянам!», «Фабрики – рабочим!» отвечали умонастроениям и ожиданиям огромной части российского населения. Такие подходы обеспечивали революционной демократии массовую поддержку, особенно после того, как вслед за крушением монархии обнаружилась полная несостоятельность буржуазного Временного правительства. Точно уловив специфику социальной психологии современников и особенности традиционного национального мышления, подобрав убедительные аргументы и действенные способы коммуникации, революционеры сумели повести за собой огромные массы людей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Шевцов В. В.* Неофициальная часть «Иркутских губернских ведомостей» в 1857-60 гг. как орган восточносибирской генерал-губернаторской власти // Вестник Томского государственного университета. История. 2012. № 2. С. 37-44.
2. *Жирков Г. В.* Золотой век журналистики России: История русской журналистики 1900–1914 годов. СПб.: Изд-во СПбГУ, 2011. 289 с.
3. *Махонина С. Я.* История русской журналистики начала XX века. М.: Флинта; Наука. 2011. 240 с.
4. Русская литература и журналистика начала XX века: 1905–1917. Буржуазно-либеральные и модернистские издания / Отв. ред. Б. А. Бялик. М.: Наука, 1984. 367 с.
5. *Жирков Г. В.* Л. Н. Толстой и цензура. СПб.: Роза мира, 2009. 319 с.
6. *Богомолов Н. А.* Петербургские гафизиты // Серебряный век в России: избранные страницы. М.: Радикс, 1993. С. 167–210.
7. Воспоминания о серебряном веке. М.: Республика, 1993. 559 с.
8. Серебряный век. Мемуары. М.: Известия, 1990. 672 с.
9. *Черубина де Габриак.* Исповедь. М.: Аграф, 1998. 384 с.
10. Политические партии России (первая четверть XX века): Справочник / В. Ф. Блохин, В. Г. Бородачев, В. И. Калинов и др. Брянск, 1993. 152 с.

Об авторе:

Воскресенская Марина Аркадьевна, доктор исторических наук, доцент кафедры теории журналистики и массовых коммуникаций Высшей школы журналистики и массовых коммуникаций Санкт-Петербургского государственного университета.

«ГЕРОИЧЕСКОЕ» НА СТРАНИЦАХ ИЛЛЮСТРИРОВАННОГО ЖУРНАЛА «ЛУКОМОРЬЕ» 1914–1917 гг.*

В. Ф. Блохин

Для современных исследователей периодическая печать времен Первой мировой войны предоставляет уникальную возможность не только для углубления знаний о происходивших день за днем событиях, но и для изучения инструментов формирования общественного мнения и настроений различных социальных групп в тылу и на фронте. В статье предпринята попытка рассмотрения этих вопросов на материалах иллюстрированного литературно-художественного и юмористического журнала «Лукоморье», увидевшего свет в апреле 1914 г.

Ключевые слова: Первая мировая война, общественное мнение, периодические издания, «Лукоморье», герои и героическое на страницах печати.

В годы Первой мировой войны общественное мнение играло важнейшую и в известной степени беспрецедентную роль в сравнении с предшествующими периодами. Сформировавшийся тогда новый тип военной мобилизации требовал участия в военных событиях не только армии, но и различных общественных сил, олицетворявших целостность и единство национальных интересов. Российской власти на протяжении довольно длительного промежутка времени, в условиях регулярно изменявшейся ситуации в тылу и на фронте требовалось постоянно поддерживать волю к победе. Пресса была в числе тех участников этого процесса, которые должны были мобилизовать страну на ведение изнурительной войны. Она выполняла роль посредника между фронтом и тылом, формировала образ врага и должна была убедить население мужественно переносить неизбежные всевозможные трудности, проявлять готовность к несению добровольной военной службы.

Материалы газет и журналов, привлекаемые для отображения событий Первой мировой войны, служили главным образом источником для показа общественных настроений, доминировавших в этот период в российской прессе [1]. Однако в последнее десятилетие исследователи стали уделять заметно большее внимание не только изучению отражения в средствах массовой информации ключевых событий, волновавших русское общество в 1914–1917 гг., но и настроениям и представлениям, которые получили свое начало и развитие именно на страницах самой печати [1, 2, 3, 4, 5, 6, 7]. Причем из-за

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-01-00399.

объемности материалов, посвященных войне, целесообразно рассматривать газеты и журналы отдельно друг от друга, формируя их в группы по идейной и профессиональной направленности.

В ноябрьском номере журнала «Военный сборник» за 1915 г. была опубликована статья участника боевых действий офицера Е. Кривцова под названием «Книга и газета на войне», в которой автор рассуждал о роли печатных изданий в фронтовых условиях. Отвечая на вопросы «Что же читает армия, что она хочет читать и что ей дают?» [8, с. 85], автор публикации назвал среди изданий, имевших «сравнительно большой успех» иллюстрированные журналы «Лукоморье» и «Солнце России».

Его взгляд субъективен: литературные наклонности человека, публиковавшегося в одном из главных военных журналов того времени, естественно, отличались от интересов солдата, едва владевшего грамотой и простых офицеров, не обремененных литературными пристрастиями. Однако рассуждения Е. Кривцова представляют определенный интерес, поскольку они являлись результатом обобщенных наблюдений человека, который находился в гуще военных событий. Более того, его точка зрения отражала взгляды определенного круга людей, оказавшихся на фронте, а в мирной жизни регулярно следивших за отечественной литературой.

Журнал «Лукоморье» предназначался не только, а скорее не столько для читателей, находившихся непосредственно в окопах Первой мировой войны, а для публики, следившей за литературным процессом в стране, поскольку на его страницах помещались произведения авторов, имена которых были на слуху у ценителей российской литературы.

Издателем, увидевшего свет 16 апреля 1914 г. литературно-художественного и сатирического журнала «Лукоморья», являлся Михаил Алексеевич Суворин, сын известного публициста и издателя Алексея Сергеевича Суворина (1834–1912 гг.). Редактором журнала (до 18 номера 1914 г.) был журналист и писатель Андрей Митрофанович Селитренников (псевдоним – Ренников), сотрудничавший в суворинской газете «Новое время» с 1912 г.

Эпизоды начальной истории журнала содержатся в воспоминаниях Георгия Иванова, игравшего заметную роль в издании: «Когда в 1914 году весной М. Суворин открыл "Лукоморье", по литературным кругам пошел глухой "ропот": Суворин хочет купить русскую литературу. К волнению тех, кто особенно «благородно негодовал», явно примешался вопрос: "А если купил, то купит ли меня?"

Удался ли Суворину его "адский план"? – задавался вопросом Г. Иванов, а затем сам на него отвечал. – Если он состоял в том, чтобы привлечь в

свой журнал многих известных писателей и художников, печатать их вещи и платить хорошие гонорары, то да, удался. Сологуб, Кузмин, Городецкий, Судейкин, Нарбут, Чехонин – «все были там». Кое-кого и не было, конечно, напр<имер> Блока. За отказавшимися редакция особенно не гонялась. Тех, кто согласился, обставили материально очень хорошо и «идейно» не притесняли. В последнем, впрочем, не было и надобности: началась война и все, «объединившись», стали писать только о ней» [9, с. 243].

В один голос все говорили о том, что война не имела аналогов, что ее нельзя измерять прежним опытом как военным, так и информационным. В одном из своих публицистических произведений времен Первой мировой войны, близкий «Новому времени» Ю. Д. Беляев отмечал, что со времен Отечественной войны 1812 г. у России не было войны «своей, домашней, народной, а были все какие-то нездешние, далекие, экзотические войны» [10, с.7] (кавказская, венгерский поход, севастопольская кампания, русско-турецкая, русско-японская). Многие средства печати популяризировали Первую мировую войну в качестве «второй отечественной», оборонительной, хотя границы российского государства не были нарушены. «Лукоморье» было против такой ее оценки: «Наши дни имеют свой смысл, свою тайну и свою святость и постичь их значение, – вот задача, данная нам Богом [12, № 40, 3 октября, с. 16].

Объем журнала был невелик – в основном чуть более 20 страниц большого формата. Видное место в нем отводилось повестям, рассказам, фельетонам, стихам. Очень редко помещались переводы из зарубежных изданий, не было переходящих из номера в номер художественных произведений. Регулярно присутствовали обзоры художественных выставок, каждый номер завершался юмористическим разделом.

Редким «гостем» на страницах «Лукоморья» были глубокие аналитические статьи о политике. Своеобразным исключением являлся славянский вопрос, который получил новое звучание в условиях начавшейся войны. Большинство изданий пыталось представить Россию и «славянство» в качестве жертвы немецкой агрессии, и журнал «Лукоморье» также не мог пройти мимо этой популярной темы. Были опубликованы статьи профессора А. Погодина «Единение славян» [12, № 15, 11 апреля, с. 8-10], «Заветы Ивана Сергеевича Аксакова» [12, № 21, 23 мая, с. 14-16] и «Кто освободит Константинополь от турок. Из области исторических прорицаний» [12, № 49, 5 декабря, с. 16-17]. Помещены статьи М. Влагина: «Славянство и германизм» [12, № 17, 25 апреля, с. 13-14], «Карл Ифанович» [11, № 19, 19 сентября, с. 19], «Стамбул или Царьград?» [11, № 26, 7 ноября, с. 2-4], Вергуна Д. «Болгарская измена в свете истории» [12, № 43, 24 октября, с. 14-16].

Одиозность фигуры издателя журнала сформировала особое отношение к «Лукоморью» в советской истории дореволюционной печати, а как следствие – редкое упоминание издания, несмотря на яркие имена многих его авторов. В этой связи следует особо отметить статью современного историка литературы О. А. Лекманова, который практически впервые предпринял попытку по-новому рассмотреть содержание журнала и высказал надежду на то, что его публикация «послужит отправной точкой для его объективного, нетенденциозного изучения» [15, с. 412].

Материалы «Лукоморья» полностью подтверждают основной вывод автора статьи, опровергнутого закрепившееся для журнала в советской литературе определение «националистического». Реальная идейная платформа «Лукоморья» была гораздо более близка либерально настроенной печати. Не менее интересны «промежуточные» выводы автора. О. А. Лекманов выделяет пять периодов в истории журнала: этап его становления (апрель 1914 г. – июль 1914 г.); этап ура-патриотизма и очарования войной (август 1914 г. – январь 1915 г.); этап ослабления интереса к войне (февраль 1915 г. – март 1917 г.); этап очарования Февральской революцией (апрель 1917 г. – июль 1917 г.) и, наконец, этап разочарования в Февральской революции (август 1917 г.) [15, с. 413-414]. Впрочем, нас будет интересовать отдельный, самостоятельный период в истории «Лукоморья», когда изданию пришлось «перекраситься в защитный цвет», а среди его многочисленных публикаций, посвященных войне, все в большей степени утверждались материалы, транслировавшие «образ героя».

С началом военных действий российские издания дружно принялись их освещать, характеризуя союзников и противников России, отзываясь на события в Европе, рассказывая о «немецком засилье», возмущаясь нарушениями правил ведения войны со стороны противоборствующей стороны. Одно из ключевых мест на страницах печати отводилось формированию «образа врага». Военная пропаганда пыталась поставить «антигуманное и антигероическое» на службу «героическому». Штаб верховного главнокомандующего в мае 1915 г. настаивал на активном использовании публикаций периодической печати, «очерчивающих» отрицательные черты противника [16, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 910, л. 109], знакомство солдат с которыми «будет способствовать развитию в них чувства глубокой ненависти к врагу, а вместе с тем подчеркнет все отрицательные стороны попадания в плен». К категории подобных примеров штаб относил «многочисленные случаи жестокого обращения с пленными, отношение к мирным жителям, женщинам и детям, систематическое умышленное потопление пассажирских

пароходов, применение самых бесчестных низких приемов и средств борьбы...» [16, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 910, л. 109 об.].

Журнал «Лукоморье» активно включился в процесс формирования «образа врага», отводя ему на своих страницах одно из ключевых мест.

Начиная с семнадцатого номера от 6 августа 1914 г. и до января 1915 года в журнале любой из размещенных материалов был связан с войной и военными событиями или привязан к ним. Например, в семнадцатом номере была помещена статья «Джиованни Сегантини», посвященная итальянскому художнику, который умер в 1899 г., но и в ней присутствовали характерные вставки: «Теперь, когда обезумевшие тевтоны злобно занесли меч над природой и жизнью, произведения итальянского художника особенно поражают своим глубочайшим смыслом», или: «для удовлетворения своей чудовищной гордыни Германия обагрят землю кровью, уничтожает вековую культуру, сеет среди людей вражду и ненависть...» [11, № 17, 6 августа, с. 7]. Изначально закладывалась основа для морального оправдания предстоящих действий, характер и успех которых еще не представлялось возможным предвидеть. Заручиться общественным одобрением можно было на противопоставлении себя коварному и беспринципному врагу.

В материалах журнала присутствовали «обязательные» для того времени темы, освещаемые российской печатью: о подданных Вильгельма II, которые при первом его призыве к их патриотизму опрометью побежали в сберегательные кассы забирать свои сбережения [11, № 16. 30 июля, с. 17], и расхожий сюжет о разрушенном Реймском соборе [11, № 17, 6 августа, с. 11].

Во время немецкого отступления из-под Парижа возле города Реймса шли артиллерийские бои, из-за которых пострадал средневековый Реймский собор Богоматери – образец готического стиля, национальная святыня, место коронации французских королей. Немецкие снаряды сильно повредили верхнюю часть северной башни собора и подожгли леса, построенные вокруг башни для реставрационных работ. Огонь полностью разрушил крышу. При этом стены и своды уцелели, но многие скульптуры собора обгорели или были непоправимо повреждены. После реставрационных работ собор открылся только в 1938 г.

В России газетные репортажи красноречиво описывали бомбардировку здания. По словам парижского корреспондента «Русских ведомостей», от храма остался только «скелет из обгорелых, почерневших стен» [25, № 207, 10 сентября]. Некоторые издания дополнили описания превращенного якобы в руину собора еще одной бесчеловечной подробностью. Французы предупредили противника, что в здании нашли приют

двести раненых немецких солдат, оставленных своими при отступлении из города неделей раньше. По этой причине над собором был поднят флаг Красного Креста, но и это не стало препятствием для артиллерийского обстрела [25, № 206, 9 сентября]. Немцы обвиняли французов в использовании церковной башни как наблюдательного поста, но их объяснение утонуло в буре протестов, поднявшейся как в странах Антанты, так и в нейтральных странах [17, с. 30]. В «Лукоморье» рисунок собора помещался на обложке, неоднократно повторялся на внутренних разворотах журнала.

Немало публикаций «Лукоморья» было посвящено проблеме российских немцев. Выходцы из Германии традиционно и успешно занимались на территории России земледелием, торговлей, трудились в промышленности, проявляли себя в науке и на военной службе. Волна антинемецких настроений повсеместно сопровождалась обвинениями властей в покровительстве подданным Германии, требованиями интернирования немцев. Особенно это проявилось после первых поражений на фронте. Шпионаж увязывался в общественном мнении с немецким засильем. Не обошла эта тема и страницы «Лукоморья», который не призывал к терпимости по отношению к народу, имевшему многочисленные заслуги перед страной, но и не выступал с открытых шовинистических позиций. Журнал своё отношение к немецкому населению выражал в своеобразной форме, ориентируясь, с очевидностью, на светскую публику.

Заявлялось о «скверном вкусе» немцев, проявляющемся во всех областях жизни: «...в Берлине, например, в мясных лавках выставлен ростбиф, перевязанный голубыми бантами, а среди блюда из свиных котлет красуется портрет Кайзера с лихо закрученными усами». Автор рассуждал о своеобразии немецкого юмора и даже языка: «Вообще, с упразднением немецкого языка трудно будет говорить о немцах. Ну, как перевести, например, одним словом как «plump», когда это значит и пошлость, и глупость, и грубость, взятые вместе» [11, № 19, 19 сентября, с. 16]. Часто не добрым словом вспоминались выходцы из Германии – воспитатели и даже детская литература: «Помню, в детстве, мы плакали, когда нам дарили на елку немецкие книги. Не сказки, которые сложились за много веков до гегемонии Пруссии, а серьезные, поучительные рассказы из детской жизни. Господи! Что это была за тоска, и как мы жалели тех несчастных детей (из книги), за то, что у них были немецкие родители!» [11, № 19, 19 сентября, с. 16].

С определенного времени наряду с «образом врага» в российской печати и в журнале «Лукоморье» начинает появляться и утверждаться «образ героя», рассказ о котором должен был оказать особое воздействие на чита-

теля, сформировать специфическое общественное восприятие войны, звать на подвиг. Уже 22 августа 1914 г. начальник штаба верховного главнокомандующего распорядился «вследствие выяснившейся острой необходимости в сообщениях печати не только сухих отчетов о передвижениях наших войск и взятых трофеях, но и описаний подвигов наших частей и отдельных лиц и других материалов, дающих картинные представления о деятельности войск» [16, ф. 2067, оп. 1, д. 2948, (ч. 2), л. 71], назначить в штабах армий фронтов «особых лиц», которым был бы поручен сбор соответствующих материалов и присылка их в штаб верховного главнокомандующего. В дальнейшем предусматривалось неофициальное и официальное помещение этих данных в печати.

В результате проделанной работы в штаб стали регулярно поступать сообщения о героизме русских солдат и офицеров на фронте. Так, телеграммой было сообщено о подвиге летчика П. Н. Нестерова, погибшего 26 августа 1914 г. в воздушном бою [16, ф. 2067, оп. 1, д. 2959], после чего сведения об этом были направлены в редакции периодических изданий. «Лукоморье» также откликнулось на это трагическое событие. В газетах сообщения о подвиге П. Н. Нестерова появились в конце августа [18, № 196, 30 августа], в «Лукоморье» – в первом сентябрьском номере: «Говорят – война родит героев. Это едва ли верно, ибо на войне есть побежденные и победители. Вернее, что война обнаруживает героев, всё тайное делает явным. Если были герои в мирное время, они будут и на войне, если во время мира их не было, то война может их дать». Завершалась статья примечательными словами: «Счастлива страна, рождающая таких сынов! Но на этой стране лежит и долг в отношении памяти своих героев. Их подвиги не могут и не должны быть забыты, они должны увековечиваться» [11, № 18, 12 сентября, с. 12]. В этом же номере было помещено рисованное изображение Козьмы Крючкова с подписью: «Первый георгиевский кавалер в нынешнюю войну» [11, № 18, 12 сентября, с. 7]. В разных интерпретациях о Крючкове также сообщали все средства информации.

Как следует из документов штаба верховного главнокомандующего, которому подчинялось ведомство военной цензуры, уже в начале 1915 г. «по военным соображениям» пришлось отказаться от публикации в печати названий войсковых частей и фамилий лиц, «с указанием их служебного положения, особенно отличившихся в текущую войну» [16, ф. 2048, оп. 1, д. 896 (1), л. 16]. Таким образом, подвиги на войне в отображении периодической печати стали носить анонимный характер.

Однако в марте того же 1915 г. были внесены коррективы в это положение с целью «удовлетворения вполне законного интереса всего населе-

ния России к войне», что было очень важно с точки зрения поддержания в стране «бодрого патриотического настроения». Штаб верховного главнокомандующего предоставил возможность периодической печати публиковать «точное описание подвигов, совершенных русскими войсками с указанием войсковых частей и фамилий отличившихся, за тот период войны, сохранение событий которого в тайне не представляется более важным в военном отношении» [16, ф. 2048, оп. 1, д. 913, л. 35].

Утратившим значение военной тайны был признан этап войны от ее начала до 1 ноября 1914 г. Однако даже при соблюдении этого условия, описание подвигов войсковых частей и отдельных лиц не могло быть разрешено без утверждения со стороны цензурных органов, которые одновременно следили и за тем, чтобы «героическое» обязательно присутствовало на страницах печати.

Редакция сознательно уходила от фактических описаний военных подвигов. Взамен сухих, казенных сообщений, одобренных войсковыми штабами, журнал предлагал своим читателям художественное изображение героических поступков, произошедших на фронте. Не говоря о литературном достоинстве этих произведений, следует отметить, что именно они во многом делали издание популярным среди тех, кто находился в гуще военных событий.

Так, например, в рассказе Николая Кузнецова «Бойскаут Санек» повествуется о событиях, связанных с «Галицийской битвой» (август-сентябрь 1914 г.), в результате которой русские войска заняли почти всю восточную Галицию, Буковину и осадили Перемышль. Действие рассказа происходило в августе, повествование велось от имени русского офицера – ротмистра, командира эскадрона. Главный герой, Санек, – поляк, 16-летний гимназист, сын замученного австрийцами хозяина имения. Присоединившись к эскадрону, Санек геройски спас своего командира, оказавшегося в сложном положении во время рукопашного боя, а затем сумел пробраться за помощью во время окружения неприятелем эскадрона: «Из нас не уцелело бы ни одного человека, если бы не Санек, вызвавшийся дать знать о нашем печальном положении» [11, № 24, 24 октября, с. 7]. В финале рассказа юный герой погибает от «шальной пули»: «Его хоронил весь полк. Впереди тела на подушке несли белый крестик» (Георгиевский крест 4-й степени) [11, № 24, 24 октября, с. 7].

Рассказ имел совершенно конкретный подтекст. При военноцензурном отделении штаба главнокомандующего была составлена, а затем разослана в штабы всех армий брошюра «Современная Галичина», которая должна была помочь командному составу разобраться и устано-

вить необходимые отношения с той или иной частью населения. В ней утверждалось, что войскам Русской армии придется встретиться на этой территории «наряду с пассивно-доброжелательным отношением к нам коренного русского населения с выжидательно-враждебным» и даже «активным сопротивлением той части польского населения, которая заинтересована как держатель власти в крае и опирается на свои полувоенные сокольские организации (бойскауты), вооруженные австрийским правительством и обученные австрийскими офицерами» [19, с. 57].

В рассказе «Бойскаут Санек» автор дает свое видение решения этой проблемы, откликаясь на царившие в определенных кругах русского общества настроения, основанные на надежде с помощью борьбы с общим противником добиться взаимопонимания с населением Польши. Действия польского населения в пользу русской армии, по замыслу автора, должны были стать ответом на зверства немцев и австрийцев на этой территории. Однако с оккупацией Германией областей Польши надежды на решение «польского вопроса» в новых исторических условиях постепенно утрачивают свою актуальность для общественного мнения. К тому же на первый план все с большей настойчивостью выходят собственные проблемы России, порожденные войной.

Со временем менялась историческая канва сюжетов, помещаемых на страницах «Лукоморья», характер подвигов также обретал новый смысл. Не обошлось и без «ходульных героев». В рассказе И. Межевых «За други своя», опубликованном в номере от 21 февраля 1915 г., главный участник повествования также получил перед самой своей смертью Георгиевский крест 4-й степени, но награда была ему дана за побег из немецкого плена, за то, что он не бросил раненого товарища и вынес его к своим [12, № 8. 21 февраля, С. 1-10]. Автор рассказа представляет ситуацию так, что главный герой не просто совершает подвиг очевидный для окружающих, но и одерживает свою, внутреннюю победу над злом.

Дело в том, что в свое время он оказался на каторге из-за убийства собственной жены, уличенной им в супружеской неверности. После этого будущего героя ждали многочисленные «приключения» и в конечном итоге он под чужим именем оказался на фронте. Виновником всего произошедшего в прошлые годы был человек, с которым главный герой теперь случайно встретился во время бегства из плена, но теперь у них обоих был общий враг, перед которым меркнут все прежние проблемы и трудности. Преодолев себя, забыв прошлые обиды, он совершает то, за что его награждают Георгиевским крестом.

Это только два примера рассказов, помещаемых в каждом номере журнала, среди которых можно назвать следующие произведения: Борис Мирский. «Смерть журналиста Кайяра» [11, № 20, 26 сентября, с. 12-15]; Н. А. Карпов «Неприятельский штандарт» [11, № 25, 31 октября, с. 6-7]; А. М. Оссендовский «Назар» [11, № 26, 7 ноября, с. 13-14]; Д. Романов. «Старый знаменщик» [12, № 6, 7 февраля, с. 2-5]; И. Урюпинский. «Станичник Зотич» [12, № 7, 14 февраля, с. 2-10]; Иван Межевых. «Козырьков» [12, № 31, 1 августа, с. 11-14] и др.

Необходимость поддержки армии со стороны всего населения страны являлась одной из ключевых тем периодической печати. В свете глобальности военного конфликта предполагалось новое осмысление роли женщины на фронте и в тылу, интерпретация важнейших ее составляющих. Представительницы всех социальных слоев, в том числе и члены царской семьи, помогали фронту, а образ сестры милосердия вообще являлся распространенным знаком женского патриотического подвига.

Одним из героических символов этого периода стала сестра милосердия Римма Михайловна Иванова, которая ухаживала за ранеными в 100-м пехотном Оренбургском полку. Во время боя 9-го сентября 1915 г., когда 10 рота осталась без командира, она собрала вокруг себя солдат и бросилась с ними на окоп неприятеля, который был взят. Получившая ранение сестра милосердия скончалась. Героический подвиг Риммы, чье имя первоначально по ошибке записали «Мирра», стал широко известен: о нем сообщали многие периодические издания [20, с. 20]. Журнал «Лукоморье» также не остался в стороне от освещения этого подвига, но и не избежал распространенной в средствах информации ошибки. В 1915 г. в № 42 был помещен рисунок К. Юнакова «Подвиг сестры милосердия Миры Михайловны Ивановой».

Многие периодические издания, особенно на начальном этапе войны с гордостью отзывались о женщинах-добровольцах. «Лукоморье» также с большим вниманием подходил к многогранной проблеме «война и женщина». Об этом можно судить хотя бы по названиям некоторых из помещенных здесь материалов: «Мать-командирша» [11, № 31, 13 декабря, с. 6-14]; «Песня армянской девушки» [11, № 25, 31 октября, с. 10]; «Война и женщины» [11, № 22, 10 октября, с. 17-18]; «Высокая защита» [12, № 3, 17 января, с. 1-6]; «Женские стихи. Из "Дневника"» [11, № 29, 28 ноября, с. 15]; «Дежурная» [13, № 10, 5 марта, с. 8]; «Девушка Катя» [13, № 10, 5 марта, с. 4-8] и др. В журнале принимали участие писательницы-женщины: Е. Джунковская [13, № 32, 6 августа, с. 7-8; 14, № 8, 18 февраля, с. 5-6]; И. Гриневская [12, № 17, 25 апреля, с. 4-6] и др., хотя в большей степени в ка-

честве авторов переводов. От лица женщин публиковали свои произведения мужчины. Борис Лазаревский «Вася Косогорцев» [11, № 26, 7 ноября, с. 6-10]; Николай Кузнецов «Кармен» [11, № 30, 6 декабря, с. 8-12]; Дмитрий Чивилев «Сестра милосердия» [12, № 17, 25 апреля, с. 1-3]; П. Потоцкий. «Женские письма (с натуры)» [12, № 10, 7 марта, с. 8-10].

В качестве одного из примеров можно привести стихотворение Л. Никулина «Жанна Д' Арк». Шестеро немецких дозорных у дымящегося Реймса увидели «печального всадника» в котором «Они узнали Деву Орлеана, – // Она свой храм увидела в огне // И вот она у вражеского стана». Волей автора судьба дозорных стала трагичной. Рассказав об увиденном в «ставке злобного вождя», они обрекли себя на гибель: «В рассказе стражей робость проследя, // Держа слова их в тайне и секрете // Он приказал казнить их на рассвете» [11, № 31. 13 декабря. С. 1].

Судя по отдельным публикациям российских журналов, проблема участия женщин в войне постепенно, по мере превращения военных событий в «рутину повседневной жизни», стала приобретать новое звучание. В сестрах милосердия некоторые издания пытались разглядеть не только «сестёр-тружениц», «сестёр-подвижниц», но и искательниц определенных впечатлений. Несомненно, что это не являлось проблемой, требовавшей общественного вмешательства, просто редакции тех или иных журналов на новом этапе войны пытались с помощью пикантных подробностей привлечь падкую на сенсации публику.

Характерно, что именно издательство «Новое время» в 1915 и 1916 г. опубликовало роман драматурга, театрального критика Ю. Д. Беляева, который ко всему прочему являлся близким другом Суворина-младшего. Роман «Сестры Шнейдер. Впечатления» [21], «выставлявший, – по мнению известного в то время искусствоведа Н. Н. Врангеля, – в довольно-таки неподобающем виде сестер милосердия и вообще всю организацию Красного Креста» [22, с. 106], наделал довольно много шума. Об интересе к этому произведению военных читателей писал в своей очерке и уже упомянутый Е. Кривцов, отмечая, что автор «едкими штрихами обрисовал варшавский тыл наших армий», «"сестер" только по повязке Красного Креста и косынке» [8, с. 90].

Журнал «Лукоморье» не ударился в поиски сенсационных материалов и последовательно придерживался изначально намеченной линии, обращаясь в своих публикациях к проблемам женщин, находившихся как на фронте, так и в тылу. Ориентируясь на своего уже ставшего традиционным читателя, городского обывателя, авторы издания в большей мере интересовались изменениями, происходившими во время войны во внутрен-

нем настрое женской части населения. Речь в большей степени шла о том, как в условиях сложных испытаний большинство женщин совершали маленький повседневный подвиг, путем собственных усилий преодолевая в себе изнеженность, привередливость, одновременно становясь и мягче, и в чем-то тверже, и добрее, и сильнее. Значительное внимание, как и в других периодических изданиях, уделялось положению женщин на захваченных врагом территориях*, как бы предупреждая всех о том, что может произойти с теми, кто не вполне отдает себе отчет в важности сплоченности в условиях надвигавшейся опасности.

В условиях войны из-за действий цензуры буквально любое из периодических изданий испытывало серьезные проблемы. Редакторы провинциальных газет подвергались арестам [34, с. 114], солидные столичные коммерческие издания вынуждены были постоянно действовать с оглядкой на постоянно изменявшиеся требования со стороны цензоров. Цензурная практика была полна различных курьезных ситуаций.

По воспоминаниям того же Григория Иванова, сам Суворин почти не вмешивался в дела журнала. «Атмосфера чаев с птифурами почтительного редактора, вынимавшего по первому слову чековую книжку, штофных обоев и бюро красного дерева действовала на творчество крайне благоприятно» [9, 244]. Редакция и сами авторы делали все возможное, чтобы не разрушать своими собственными руками такие благоприятные условия существования. Более того, по мере нарастания экономических трудностей забота о собственном благополучии, которое напрямую было связано с действиями цензуры, выходило на первый план.

В отличие от газет, в которых из-за нее уже с декабря 1914 г. на страницах засияли пустоты уничтоженных строк и даже столбцов, журналы, не обладавшие таким уровнем оперативности передаваемой информации, визуально в меньшей степени страдали от действий усердных цензоров. Однако и «Лукоморью» избежать столкновений с требованиями цензурного ведомства не удалось.

Так, в суворинской газете «Новое время» 22 января 1915 г. появилась статья одного из наиболее активных российских военных корреспондентов А. И. Ксюнина «Польские легионеры». М. К. Лемке, который в то время являлся военным цензором в Ставке верховного главнокомандующего,

* Кузнецов Николай. Панна Зося. Рассказ уланского штабс-ротмистр // Лукоморье. 1914. № 20. 26 сентября. С. 2-5; Азовец Н. В. Страшные гости. 1915. № 23. 6 июня. С. 12-15; Антонов А. В. Мечем и насилием. 1915. № 26. 27 июня. С. 10-13; Павлов Георгий. Черный генерал. 1915. № 28. 11 июля. С. 9-11;

вспоминал: «Сейчас же всюду было написано, что это неверно; что легионов никаких нет, а допущено только формирование ополченских дружин в губерниях царства Польского на общем основании, и приказано не позволять печатать что бы то ни было о легионах. Поэтому Янушкевич* не мог разрешить и запрещенную цензурой обложку № 6 "Лукоморья", где был нарисован сторожевой пост от легиона в старинных польских костюмах» [23, с. 385]. Вот почему обложка шестого номера журнала за 1915 г. выглядела как искаженный в пропорциях «Черный квадрат» К. С. Малевича.

Оценивая качество публикуемых в «Лукоморье» материалов, следует отметить, что значительное место на своих страницах журнал отводил поэзии, к чему обязывало даже само его название, позаимствованное из поэмы А. С. Пушкина «Руслан и Людмила». «В "Лукоморье" считали для себя не зазорным публиковаться писатели из тогдашней первой и даже высшей литературной лиги (Бальмонт, Гумилев, Ремизов, Игорь Северянин, Сологуб). <...> Нужно, впрочем, признать, что эти писатели часто помещали в издании Суворина проходные, написанные для заработка, вещи» [15, с. 422]. В самом журнале критически оценивали процесс повсеместной «мобилизации» воинствующей поэзии, наблюдаемый практически во всех печатных изданиях, печатавших «пулеметные стихи». «Еще не засвистели пули, не пролилась кровь, а уже 10,000 поэтов непобедимой армадой двинулись на врага», – иронизировал автор фельетона, опубликованного в «Лукоморье» под названием «Поэзия для тугоухих. Расцвет» [12, № 42, 17 октября, с. 16].

Некоторые из современников событий начала XX в., следивших за литературным процессом, усматривали кризис художественной литературы, который, по мнению, например, известного публициста и историка С. С. Ольденбурга, в первую очередь проявлялся «на писательской массе», на рядовых сотрудниках «толстых журналов»: «Прежние обличи-

* Николай Николаевич Янушкевич являлся в тот период начальником штаба Верховного главнокомандующего Русской армии великого князя Николая Николаевича.

тельные рассказы, с положительными типами из "борцов за народ", стали заменяться новеллами в "стиле модерн", с разочарованными героями; личному давалось предпочтение перед "общественным"» [24, с. 125]. В определенном смысле перекликается с этим мнением суждение автора фельетона из «Лукоморья», подмечавшего новые явления в литературе: «...великое единодушие проявила в те дни поэзия. Куда девались акмеизмы с футуризмами, как сквозь землю провалились направления, нет больше вырожденцев, нет отщепенцев, все патриоты, все спасают отечество» [12, № 42, 17 октября, с. 16]. До войны – безземье, библиотечная пыль, «а теперь пришли золотые времена. Каждый день, что-нибудь и выплывет новенькое – то "Лузитания", то "обрезанные уши". А если иной день и без сенсации – все же можно подергать за усы "безумного Вильгельма"» [12, № 42, 17 октября, с. 17].

Георгий Иванов, критически оценивая некоторые из литературных материалов журнала «Лукоморье», иронизировал: «Качество его было... военного времени. Были и шедевры в обратном смысле. Стихи Городецкого, такие патриотические, что даже "Лукоморье" смеялось. Или огромный роман Сологуба "Острие меча", где повествовалось о трех генеральских дочерях-невестах. Жених одной – прекрасный француз, другой – джентльмен-англичанин, третьей – немец, исчадие ада. Союзные женихи совершают чудеса доблести и благородства, немец насилует детей, взрывает Реймский собор и "коварно" убивает в бою жениха-француза. Попутно три сестры ходят босыми ногами по предутренней росе и "видят вещие сны"» [9, с. 244].

На наш взгляд следует согласиться с мнением историка культуры М. А. Воскресенской, которая, справедливо подмечает, что «важнее проникнуть в мировоззренческое содержание творчества и уже исходя из этого дать анализ тех художественных форм, в которых запечатлена духовная ситуация времени, мироощущение, миропонимание эпохи. Вопрос об уровне таланта конкретных творцов отходит здесь на второй план» [35, с. 120].

«Лукоморье», в отличие от многих других иллюстрированных изданий, не ставил цель хроникального освещения военных событий. Об участии России в боевых действиях можно судить по публикуемым стихотворениям, зарисовкам художников не только батальных сцен, а и по пейзажам тех мест, которые были связаны с войной, по отображению особенностей уклада, внешнего облика жителей этих районов.

Если на начальном этапе войны публикация в «Лукоморье» материалов, связанных с отображением героического в происходившей войне, но-

силы «спонтанный» характер, то с самого начала 1915 г. они были поставлены на регулярную основу.

Военная цензура официально была введена в прифронтовых районах 20 июля 1914 г. Печать с пониманием отнеслась к этой необходимой мере, рассчитывая, что ее в незначительной степени коснутся цензурные изменения. Так, газета «Русские ведомости» по этому поводу высказывалась следующим образом: «Как передают в Петербурге объявлено о военном положении и будет установлена военная цензура, но ввиду того патриотического тона, которым проникнута печать, она будет введена в более смягченном виде. Предварительному просмотру будут подлежать лишь сведения и статьи, посвященные непосредственно военным действиям. Сообщения и статьи общего характера не будут подвергаться общей цензуре» [25, № 167, 22 июля, с. 4].

В начале августа в газетах было опубликовано новое сообщение: «Начальник главного управления по делам печати граф С. С. Татищев уведомляет редакторов периодических изданий и лиц, ответственных по изданиям неповременным, что с 7-ми часов вечера 3 сего августа в С-Петербурге вводится военная цензура» [25, № 179, 5 августа, с. 4].

Переход от маневренной войны к позиционной, неудачи на фронте, ухудшение экономической ситуации приводили к изменениям социальных настроений и изменяли направления внимания прессы. После поражений в августе 1914 г. в Восточной Пруссии появились первые сомнения в скорой победе. Летнее отступление русских армий из Польши в 1915 г. породило устойчивые упадочнические настроения, прежде всего в тылу, где люди всё в большей степени начинали сосредотачиваться на собственных проблемах. Всё это неминуемо отразилось и в публикациях периодических изданий. В газетах и журналах, особенно во второй период войны, констатируется тот факт, что население становится равнодушным к различным сборам в пользу больных, раненых и беженцев. Со стороны же цензурных органов в этих изменяющихся условиях наблюдалась явная активизация деятельности.

В декабре 1915 г. были предприняты очередные попытки регулирования действий военной цензуры, которая, по мнению верховной власти, «узко поняла свои задачи и совершенно отстранилась от наблюдения за вопросами, которые хотя и имели, казалось бы, прямое отношение к внутренней политике, но, в сущности, очень живо касались военных интересов государства» [16, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 897, л. 45]. По этому поводу 8 декабря 1915 г. Николаю II был представлен доклад председателя Совета министров, на основании которого одной из ключевых мер было предусмотрено

«более близкое участие Министерства внутренних дел в работе военной цензуры» [16, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 897, л. 45 об.].

Такие же тенденции проявлялись в периоды ведения позиционной войны. Командование Русской армии предпринимало меры с целью уменьшения возможных неблагоприятных последствий «сидения в окопах» месяцами «при одной артиллерийской перестрелке, да и то не каждый день» [8, с. 84]. О степени этой озабоченности можно судить по приказу главнокомандующего армиями Западного фронта, поступившего в войска 25 октября 1916 г.: «...теперь наступает осеннее ненастье, а затем придет зима и размер военных операций может сократиться. В этот период за тишь к тому же природа создаст более тяжелые условия жизни. Весьма важно подумать о поддержании в войсках бодрости и сохранения дисциплины духа» [16, ф. 2048, оп. 1, ед. хр. 897, л. 737]. В этих условиях одним из действенных средств, по мнению командования Русской армии, выступало описание подвигов, совершенных на фронте.

Иллюстрированные издания заняли особое место в новой ситуации, в которой оказалась армия. Они приняли основное участие в формировании у читателей образов войны, создавали и поддерживали определенное эмоциональное восприятие «героев» и «антигероев», театра военных действий в целом. В анонсе журнала на 1916 г. отмечается, что его особенностью являются «красочные рисунки». В 1915 г. их было помещено около 300, при периодичности издания 52 номера в год [13, № 7, 13 февраля, с. 1]. Среди них произведения И. Репина, И. Грабовского, Е. Лансере, И. Билибина, Н. Рериха, Б. Григорьева, М. Добужинского, Б. Кустодиева, Г. Лукомского, Д. Митрохина, П. Митурича, Г. Нарбута, К. Сомова, Н. Тырсы, К. Юона, и других.

В первый год существования журнала художественной частью заведовал художник, искусствовед, ученик В. Серова – Г. А. Магула. В 1915–1916 гг. обзоры художественной жизни регулярно помещал в журнале М. Влагин (настоящее имя Бялковский Марк Николаевич).

В печати сообщалось, что 28 сентября 1914 г. начальнику штаба верховного главнокомандующего, затем верховному главнокомандующему в Вильне было представлено всего 6 русских и 5 иностранных корреспондентов, что было значительно меньше того количества журналистов, присутствовавших даже в период русско-турецкой войны 1877–1878 гг. В 1877 г. при главном штабе русской дунайской армии находилось 33 корреспондента от 45 периодических изданий [26, с. 89]. Художники, в отличие от корреспондентов газет, допускались в район военных действий в более упорядоченном порядке. Официальным объяснением была необходимость

«поощрения искусства» [27, с. 34]. Почти все российские баталисты побывали на полях сражений.

Начиная с 1915 г. в журнале растет число батальных зарисовок с войны, в том числе отражавших подвиги. Поскольку масштаб боевых действий исключал возможность изображения сражений в целом, воспроизводились только отдельные боевые сцены, да и то большею частью лишь в эскизах. «Зато вожди и герои становились таким путем более близкими населению» [27, с. 34-35]. Примерами такого плана иллюстраций, помещенных в «Лукоморье» можно назвать эскиз Н. Пирогова «Спасение раненого товарища» [11, № 20, 26 сентября, с. 14]. Акварель О. Шарлемана «Подвиг казака Нечипоренко» [11, № 29, 28 ноября, с. 4-5]. Рисунок А. Пржеславского «Атака Нижегородцев 10 ноября. Смерть ротмистра князя Казаналипова, командующего шестым эскадроном» [12, № 1, 1 января, с. 5]. и др. Публиковалось большое количество батальных сцен, бытовых зарисовок, сделанных на фронте, особое внимание уделялось пленным из вражеских армий.

Время от времени появлялись и рисованные портреты героев с характерными подписями: «Панасюк. Кавалер всех степеней ордена Св. Георгия. Уроженец Киевской губернии. Семи лет переселился в Тургайскую область. Призван из запаса в 180-й Виндавский полк. Конный разведчик. Жертва немецких зверств – (отрезано правое ухо). Ранен более 10 раз» [12, № 19, 9 мая, с. 16]. «Подпрапорщик лейб-гвардии Павловского полка. Ф. К. Евдокимов. Кавалер всех степеней Георгиевского креста и Георгиевских медалей. Главный подвиг его состоял в том, что, бросившись в атаку с ротой возле Гельского леса, захватил неприятельский окоп и заставил сдаться 800 германцев с офицером» [12, № 21, 23 мая, с. 16]. Объединяло два акварельных портрета то, что их автором был один художник – А. П. Эйсер.

В «Лукоморье» не было помещено специальных статей с описанием подвигов детей, в большом количестве отправлявшихся на фронт, но регулярно помещались их живописные изображения, например, рисунок художника Сезько «Юные разведчики» [12, № 2, 10 января, с. 2]. Журнальные портретные изображения юных героев сопровождалось такими подписями: «Степан Кравченко – 11-летний доброволец 131-го Тираспольского полка (пулеметной команды). Спас пулемет вместе с малолетним добровольцем И. Якушевым тогда же убитым. Убежал 15-го июля с Бендерским полком. Правый глаз у него поврежден в детстве коровой» (акварель А. Эйснера) [12, № 7, 14 февраля, с. 16]. «Ефрейтор Степан Решетов 13 лет. Георгиевский кавалер. Служил в Петрограде в зеленой лавке на Гороховой улице» (акварель А. Эйснера) [12, № 18, 2 мая, с. 16]. «Двенадцатилетний

доброволец-герой Алексей Тимофеевич Саврасов» (акварель А. Эйснера) [12, № 25, 20 июня, с. 16]. «Пятнадцатилетний доброволец Георгий Николаевич Левин. Конный разведчик. Георгиевскую медаль получил за спасение офицера, Георгия 3-ей степени за то, что снял замки с неприятельской пушки, и Георгия 2-й степени» [12, № 34, 22 августа, с. 17]. «Михаил Никитич Власов 12-ти лет, Донского казачьего полка, за свои подвиги награжден Георгиевским крестом и медалью» [12, № 51, 19 декабря, с. 17].

Трудно сказать, почему «Лукоморьем» отдавалось такое предпочтение юным героям. Объединяло публикации то, что автором всех этих акварельных работ был один художник – профессор, преподаватель Женского педагогического института А. П. Эйснер. Однако в № 50 за 1915 г. была помещена и фотография юного безымянного героя с подписью, на которую со всей очевидностью повлияла военная цензура: «Малолетний герой-доброволец, отличившийся в нескольких сражениях» [12, № 50, 12 декабря, с. 16].

Редакция «Лукоморья» отмечала, что иллюстрировать войну художникам, несомненно, трудно. Большая часть таких работ создается в лучшем случае по рассказам очевидцев. Батальная живопись до войны являлась довольно узким направлением в изобразительном искусстве, поэтому в тогдашних изображениях давалось общее представление о происходившем, но при этом многие детали оказывались ошибочными. По мнению автора одной из публикаций в «Лукоморье», «...узкое отношение художников-моралистов к величайшему напряжению физических и духовных сил человеческих, каким является война, убило идеальную сторону войны, ее поэзию и привело к изображению только кровавых картин, горя и страдания, убийства и разрушений» [12, № 3, 17 января, с. 15].

Художественная концепция журнала сводилась к тому, что пока еще не пришло время для художественных обобщений, необходимо собирать материал, но при этом художники не должны и ограничиваться мимолетными военными впечатлениями, укреплять связи общества с героями на войне. Поэтому ценностью представляют любые альбомные наброски, сделанные непосредственно на войне [12, № 37, 12 сентября, с. 17].

Впрочем ситуация изменяется в 1916 г., когда интерес к войне в живописи со всей очевидностью угасал и в обзоре октябрьской художественной выставки, критик «Лукоморья» отмечал, что на ней «есть всё: и закаты, и восходы ... от запаха цветов кружится голова... сейчас просто дико как-то думать, что вот, в то время, когда гремят грома истории и реками льется кровь, современники великих событий сидят и как ни в чем не бывало, пописывают то полевые, то садовые цветочки [12, № 43, 24 октября, с. 12-13].

Однако журнал и сам заметно изменялся в своем содержании. Если в 1914 – начале 1915 г. почти все литературные произведения в той или иной степени были посвящены военным событиям, то к концу 1915 г. беллетристика уже отражала самые разные темы, а в 1916 г., помещаемые на страницах рисунки зачастую иллюстрировали печатаемые в журнале художественные произведения (ранее выглядело всё иначе: в текст того или иного повествования вклинивались иллюстрации военных событий, зачастую совершенно не связанные с публикуемым материалом).

Зато в конце 1915 и в 1916–1917 гг. на страницах журнала значительно возросло количество фотографических снимков. С цензурной точки зрения такие публикации следовало делать с гораздо большей степенью осторожности, поскольку фотоснимки являлись точными свидетелями происходившего на фронте и могли нести в себе скрытую информацию, ценную для противника. Можно привести яркий пример, иллюстрирующий это положение. Относится он, правда, не к «Лукоморью», а к еще одному изданию, журналу «Огонек». В нем 13 ноября 1916 г. была помещена фотография передовых окопов 15 роты на фоне моста через реку Двина [28, № 46, 13 ноября, с. 6]. Военная цензура определила, что именно на этом мосту было установлено изобретенное полковником Заботкиным приспособление для ограждения от плавучих мин.

До момента публикации фотографии в журнале, на которой достаточно отчетливо было видно все сооружение, новое устройство держалось под большим секретом. В ходе проведенного расследования выяснилось, что снимок под названием «Предмостное укрепление через Двину, обстреливаемое неприятелем» был получен от офицера, который работал до войны фотографом и продолжал заниматься фотографированием на фронте. Смягчающим обстоятельством было то, что автор проданных в издательство изображений просил изменить названия под снимками, а дежурный по редакции забыл предупредить об этом. В результате офицер был лишен звания и арестован на 20 суток [16, ф. 2031, оп. 1, ед. хр. 1589, л. 73-73 об.]. Журнал также был наказан.

Именно цензурными проблемами объясняется тот факт, что в «Лукоморье» появлялись фотографические изображения героев в основном без описаний их подвигов. Например, в № 2 за 1915 г. был помещен снимок хорунжего М. П. Филимонова, уроженца Нижне-Кондрюченской станицы 1-го Донского округа. В надписи к фотографии было только сказано, что он являлся бывшим паспортистом, ушедшим на войну зауряд-хорунжим, а «за выдающиеся геройские подвиги награжден Георгием 1-й степени и чи-

ном хорунжего». Также отмечалось, что в команде Филимонова состоит 30 нижних чинов, все – георгиевские кавалеры [12, № 2, 10 января, с. 16].

Под еще одной фотографией была помещена следующая подпись: «Начальник осадной армии, обложившей и взявшей Перемышль ген. от инфантерии Андрей Николаевич Селиванов. Высочайше награжден орденом св. Георгия 3-й степени» [12, № 12-13, 21 марта, с. 26].

В первый раз русские войска 11-й армии генерала А. Н. Селиванова осадили Перемышль 17 сентября 1914 года. 5 ноября 1914 года началась вторая осада Перемышля. Фотография А. Н. Селиванова была напечатана в номере за 21 марта, когда командные высоты в периметре крепости уже были взяты русскими войсками под контроль. В 9 часов утра 22 марта 1915 года Перемышль капитулировал. Тогда еще вряд ли кто-то мог предположить, что немногим более месяца спустя на Юго-Западном фронте начнется «Великое отступление» Русской армии, а 3 июня 1915 г. Перемышль вновь будет занят неприятелем. Кстати сказать, после этого цензура не рекомендовала упоминать крепость и связанные с ней подвиги в периодической печати.

В других случаях описания были еще более скудными. Под фотографией, на которой были отображены 9 человек, подпись: «Георгиевские кавалеры артиллерийской бригады» [12, № 8, 21 февраля, с. 17]. Другая с подписью «Герои Н-ского полка – георгиевские кавалеры» [12, № 17, 25 апреля, с. 15]. В № 51 за 1916 г. вообще под общим заголовком «Герои великой войны» были помещены две фотографии с надписями: «К. Л. Гильчевский, награжден орденом св. Георгия 4-ой степени» и «И. А. Яблочков – подполковник» [13, № 51, 17 декабря, с. 17].

Скудость информации не означала, что о подвигах, отображенных на фотографиях людей, нечего было особо рассказать читающей публике. Например, имя Константина Лукича Гильчевского стало многим известно летом 1916 г. в ходе знаменитого Брусиловского прорыва. Он командовал 1-й ополченской дивизией (получившей позднее название 101-й пехотной). По воспоминаниям самого К. Л. Гильчевского: «Дружины были вооружены старыми винтовками Бердана. Патроны к ним были с дымным порохом давнего изготовления, отсыревшие, так что при выстреле некоторые пули падали в нескольких шагах от стрелков, а во время боя цепь окутывалась густым дымом. Боевая подготовка дружин была очень слабая. Мне рассказывали, что при отступлении дружин от города Черновицы они при обороне нередко копали окопы фронтом не к противнику, а в обратную сторону – так плохо они ориентировались в поле» [29, с. 50].

В итоге активной деятельности командира, 101-я дивизия превратилась в ударную: «с 22 мая по 15 июля 1916 г., в течение 54 дней, дала девять боев, сделала 7 прорывов сильно укрепленных позиций, из них 4 с предварительным форсированием болотистых рек. Дивизия за 9 боев потеряла более 20 000 человек, несколько составов офицеров, двух командиров полков и начальника штаба дивизии. Трофеями только что созданной дивизии были 424 офицера и около 22 000 здоровых пленных солдат» [30]. К. Л. Гильчевского наградили Георгиевским оружием, орденом Святого Георгия 4-й степени (21 октября 1916 г.) и произвели в генерал-лейтенанты.

Еще одна фотография в журнале «Лукоморье» имела следующую подпись: «Рядовой Каспийского полка Макуха. За отказ выдать расположение наших частей, австрийцы отрезали герою язык» [12, № 26, 27 июня, с. 16]. Снимки с А. Макухой обошли практически все иллюстрированные российские издания, поскольку он стал своеобразным символом солдата-мученика. Верховный главнокомандующий лично произвел рядового в младшие унтер-офицеры, наградив его Георгиевским крестом 1-й степени (минуя принятую практику).

В приказе по армии говорилось: «С подвигом Алексея Макухи и об исключительном награждении его ознакомить всех чинов армии» [16, ф. № 4098, оп. 1, ед. хр. 46, л. 246]. При разработке нового Георгиевского статута было предложено исключить из него примеры воинских подвигов, не соответствующих современным способам ведения войны, и заменить их новыми. Причем при составлении примеров члены комиссии руководствовались «совокупностью трех данных: опасность, успех подвига, польза от него» [31, с. 13]. В эпизоде с Макухой армейское командование в первую очередь надеялось на *пользу* от широкого освещения этого события в печати, поэтому изданиям рекомендовалось помещать на своих страницах информацию об этом событии. Телефонист Алексей Макуха был захвачен в плен в бою 20 марта 1915 г. В журнале «Огонек» статья об Алексее Макухе была напечатана 17 мая [32, № 20, 17 мая], в армейской газете «Наш вестник» – 26 мая [33, № 24, 26 мая], а в «Лукоморье» только 27 июня 1915 г., хотя с того времени вышло в свет 10 номеров журнала.

Оценивая в целом участие журнала «Лукоморье» в освещении героического и тесно связанного с этим подъема морального духа армии и населения в тылу, следует отметить, что издание постоянно стремилось отражать на своих страницах различные уровни состояния общества. По публикациям журнала можно проследить эволюцию этих настроений, а также различные внутренние проблемы жизни России. Журнал «Лукоморье» также пережил внутреннюю эволюцию, миновав период патрио-

тического подъема и декларированное «священное единение» народа с властью и власти с народом.

На начальном этапе войны, когда общее внимание было приковано к подвигам союзников России, «к несчастьям, переживаемым славянством», российским окраинам, оказавшимся в сфере военных действий, голос «Лукоморье» сливался с общим хором патриотически настроенной периодической печати. В тот период даже оппозиционные настроения, широко распространенные в начале XX века, отступили перед надеждами на послевоенное обновление России.

Также синхронно, за малым исключением, в отечественной печати происходил и отказ от воинственности. И в этом «Лукоморье» мало в чем отличалось от своих собратьев по журналистскому ремеслу, хотя следует отметить, что, как и в начале своего существования, журнал твердо придерживался избранной им аудитории как на фронте, так и в тылу. «Серые герои» присутствовали в публикациях журнала, в его художественных иллюстрациях, на фотографических снимках, но всё же, не к ним были обращены материалы издания.

Журнал «Лукоморье» постепенно изживал недостатки периода своего становления, избавлялся от проходных тем во всех жанрах, качественно улучшались разделы поэзии и прозы, причем возврат к реализму шёл по всей литературной линии. Судить о содержании журнала следует в различных плоскостях: содержание поэтической части и беллетристики, обильного иллюстративного материала с постоянным увеличением количественных и качественных фотографий. В проблеме освещения героического можно также отметить специфические особенности: формальное отражение известных по другим средствам информации подвигов и одновременно отражение тенденций героического в художественных образах.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Белогурова Т. А. Отражение общественных настроений в российской периодической печати 1914 – февраля 1917 гг.: автореф. ... канд. ист. наук. Брянск, 2006. 24 с.
2. Эйдук Д. В. Германия и немцы в русской печати, июль – октябрь 1914 г. (по материалам газеты «Утро России»). Вестник Санкт-Петербургского университета. Сер. 2. 2008. Вып. 2. С. 104-111.
3. Борщукова Е. Д. Пропаганда патриотизма в годы Первой мировой войны в русской публицистике // Клио. 2011. № 1. С. 59-61.

4. *Борщукова Е. Д.* Публицистика времен Первой мировой войны и формирование общественного сознания российского общества // Вестник КГУ им. Н. А. Некрасова. 2011. № 2, С. 103-106.

5. *Брыков Д. С.* Русская либеральная пресса о взаимоотношениях стран Антанты и Тройственного союза накануне Первой мировой войны (по материалам газет «Речь» и «Русские ведомости») : автореф. дис. ... канд. ист. наук. СПб., 2008. 25 с.

6. *Воскресенская М. А.* Становление культурно-просветительской функции журналистики в дореволюционной России // Историк, документ, цензура Историковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Фёдоровича Блохина. Сер. "Историография и источниковедение отечественной истории" Кафедра источниковедения истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет. Санкт-Петербург – Брянск, 2015. С. 17-26.

7. *Куликова С. А.* Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры. Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 20-23.

8. *Кривцов Е.* Книга и газета на войне // Военный сборник. 1915. № 11. С. 84-92.

9. *Иванов Г. В.* Собрание сочинений. В 3-х т. Т. 3: Мемуары. Литературная критика. М.: Согласие, 1993. С. 243. 720 с.

10. *Беляев Ю.* «Открытки с войны». Первая серия. Пг., 1915. С. 7. 123 с.

11. Лукоморье. Литературно-художественный и сатирический журнал. 1914.

12. Лукоморье. Литературно-художественный и сатирический журнал. 1915.

13. Лукоморье. Литературно-художественный и сатирический журнал. 1916.

14. Лукоморье. Литературно-художественный и сатирический журнал. 1917.

15. *Лекманов О. У* «Лукоморья»: К истории одного «националистического» журнала // Studia Russica Helsingiensia et Tartuensia XII: Мифология культурного пространства: К 80-летию Сергея Геннадиевича Исакова. Тарту: Tartu Ülikooli Kirjastus, 2011. С. 411-426.

16. Российский государственный военно-исторический архив (РГВИА).

17. *Ben Hellman.* Реймский собор разрушен! Об одном мотиве в русской литературе времен Первой мировой войны // Встречи и столкновения. Статьи по русской литературе. Helsinki, 2009. С. 30-42.

18. Петроградские ведомости. 1914.

19. *Блументаль Ф.* Буржуазная политработа в мировую войну. 1914 – 1918 гг. Обработка общественного мнения. М. ; Л., 1928. 168 с.

20. *Алферова И. В.* Женщины-героини в социально-политическом контексте Первой мировой войны (на страницах печати). Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 1 (63). С. 16-23.

21. *Беляев Юр.* Сестры Шнейдер: Впечатления. (Библиотека «Вечернего Времени»). Пг.: Б. А. Суворин, 1915. 294 с.
22. *Врангель Н. Н.* Дни скорби. Дневник 1914-1915 годов. СПб., 2001. 320 с.
23. *Лемке М.* 250 дней в царской ставке (25 сент. 1915 – 2 июля 1916). Пг.: Государственное издательство Петербург. 1920. 859 с.
24. *Ольденбург С. С.* Царствование Императора Николая II. Том II. Мюнхен, 1949. 260 с.
25. Русские Ведомости. 1914.
26. *Блохин В. Ф., Косарев С. И.* Балканский кризис 1870-х гг. и периодическая печать России и Западной Европы. Брянск: «Курсив», 2014. С. 89. 192 с.
27. *Потапов Н. М.* Печать и война. М. ; Л.: Государственное военное издательство, 1926. 84 с.
28. Огонек. 1916.
29. *Гильчевский К. Л.* Боевые действия второочередных дивизий в мировую войну. М.; Л.: Государственное издательство отдел военной литературы, 1928. 132 с.
30. «Не хотел командовать грабителями и убивать грабителей» // Коммерсантъ Власть. 2011. № 22 (926). 6 июня.
31. *Алферова И. В., Гончаров Е. В.* «Героическое» как атрибут войны (к вопросу о функционировании наградной системы в Первой мировой войне) // Вестник Брянского государственного университета. 2016. № 1 (27). С. 13-17.
32. Огонек. 1915.
33. Наш вестник. 1915.
34. *Жилякова Н. В.* Цензурная история газеты «Сибирская жизнь» (1894–1919, г. Томск) // Вестник Томского государственного университета. Филология. 2009. № 3. С. 102-115.
35. *Воскресенская М. А.* Серебряный век: вымысел, умысел или реальность (замечания к неоконченному спору о терминах) // Вестник Томского государственного университета. 2007. № 295. С. 119-122.

Об авторе:

Блохин Валерий Федорович – доктор исторических наук, профессор кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

ДОЛГИЙ ПУТЬ К ОТМЕНЕ ЦЕНЗУРЫ: ПРАВОВОЕ РЕГУЛИРОВАНИЕ ПОЛОЖЕНИЯ ПЕЧАТИ В XX ВЕКЕ

С. А. Куликова

В статье рассматриваются основные правовые акты, регулирующие положение печати в России в период с 1904 по 1993 годы, и проводится анализ проектов законов о печати, разрабатывавшихся на протяжении XX века.

Делается вывод о том, что к началу XX века историческая миссия цензуры была выполнена, готовилось принятие закона о печати.

Однако с первых дней установления советская власть стала использовать механизмы жесткого государственного контроля в области создания и распространения информации. Попытки создания советского Закона «О печати» не увенчались успехом, деятельность советской цензуры так же не получила нормативно-правового оформления.

Социально-политические изменения второй половины 1980-х годов вновь поставили на повестку дня вопрос о правовом положении СМИ. Авторы законопроектов этого периода считали запрещение цензуры необходимой гарантией свободы печати. Результатом стало последовательное установление запрета цензуры сначала в законах о СМИ, а затем в части 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации.

Ключевые слова: *цензура, государственный контроль за печатью, свобода печати, конституционный запрет цензуры, правовое регулирование деятельности СМИ.*

Анализируя основные тенденции цензурного реформаторства второй половины XIX века, В. Ф. Блохин приходит к выводу, что необходимость реформирования законодательства, регулировавшего отношения государства с органами печати, уже вполне осознавалась властью. Однако «в свободе печати, в росте ее влияния многие, в том числе и входившие в состав важнейших институтов власти России, видели одну из главных угроз распространения и утверждения нигилистических и безнациональных начал. Поэтому ни один из законов, разрабатываемых в ходе александровских преобразований, не имел столь длительного периода обсуждения, как документ, регламентировавший отношения государства и существовавшей в России печати» [1, с. 34].

Различные варианты проектов законов о цензуре и печати второй половины XIX – начала XX веков неоднократно рассматривались в научной литературе [2, 3, 4, 5, 6].

Законодательное регулирование деятельности средств массовой информации, равно как и разрабатывавшиеся проекты законов о печати XX века значительно менее исследованы. Постараемся хотя бы отчасти восполнить этот пробел.

В начале XX века определение правового положения печати стало настоятельным требованием времени, и казалось, что закон о печати будет вот-вот принят.

Высочайший указ от 12 декабря 1904 г. «О предначертаниях к усовершенствованию Государственного порядка», содержал положение, предписывающее устранить из действующих постановлений о печати «излишние стеснения и поставить печатное слово в точно определенные законом пределы» (п. 8) [7, с. 6].

Во исполнение этого положения Указа было учреждено Особое совещание во главе с директором императорской публичной библиотеки Д. Ф. Кобеко, которое должно было разработать первый устав о печати. В проекте Особого совещания содержались положения об отмене предварительной цензуры для книг на русском языке, а так же об отмене каталогов запрещенных книг для публичных библиотек, и другие либеральные положения [8].

Работа Особого совещания фактически была прервана изданием Манифеста 17 октября 1905 г., даровавшего населению «...незыблемые основы гражданской свободы», в том числе свободу слова. Это означало перелом в правовом регулировании цензурных отношений, «подрывало существующую концепцию законов о цензуре печати, в основе которой лежало отрицание свободы слова» [9, с. 19].

Манифест 17 октября 1905 г., послужил основой для выработки положений Временных правил о печати. Так, нормами Указа «О временных правилах о повременных изданиях» от 24 ноября 1905 г.

- отменялся режим административных взысканий и устанавливался судебный порядок разрешения правонарушений в сфере печати;

- отменялась как общая, так и духовная цензура периодических изданий;

- отменялась статья 140 устава о цензуре, предоставлявшая Министру внутренних дел возможность запрещать оглашение или обсуждение в печати какого-либо вопроса государственной важности (можно было запре-

щать только сообщения о передвижениях войск или морских сил и о средствах обороны);

- значительно расширились возможности стать учредителем периодического издания (теперь это мог быть русский подданный, достигший 25 лет, обладающий гражданской дееспособностью).

В то же время этим нормативным актом предусматривалось наложение ареста на отдельные номера периодического издания с одновременным возбуждением судебного преследования против виновных. Судебное преследование могло осуществляться либо по сообщению должностных лиц по делам печати или предложению прокурора по преступным деяниям, совершаемым посредством печати, либо в порядке частного обвинения по жалобам, сообщениям потерпевших.

Указ содержал внушительный перечень преступных деяний, совершенных посредством печати, которые дополнительно вносились в Уложение о наказаниях уголовных и исправительных. В перечень включались как нарушения требований к изданию: например, выпуск печатного издания без получения свидетельства, указания ложных сведений о редакторе или типографии, так и распространение вредной, с точки зрения власти, информации. Например, запрещалось печатать призывы к организации или продолжению самовольного прекращения работы на железной дороге, телеграфе или телефоне общего пользования, а так же прекращению служебных обязанностей государственными служащими. К преступным деяниям было отнесено и распространение заведомо ложных слухов, возбуждающих общественную тревогу, о правительственных распоряжениях (которых не было), об общественных бедствиях.

В случае установления вины в перечисленных выше правонарушениях виновный наказывался либо денежным взысканием, либо арестом (на срок до 4 месяцев).

Кроме того устанавливались специфические меры ответственности, которые могли быть применены только по решению суда:

- публикация судебного приговора в ближайшем номере издания;
- временная приостановка периодического издания;
- прекращение деятельности издания [10].

23 апреля 1906 г. были Высочайше утверждены Основные государственные законы, так называемая «Конституция Николая II». В главе, посвященной правам и обязанностям российских подданных, в России провозглашалась свобода печати: «Каждый может в пределах, установленных законом, высказывать изустно и письменно свои мысли, а равно распространять их путем печати или иными способами» (ст. 37) [11, с. 456].

В период 1905–1907 гг. разворачивается активная общественная дискуссия о свободе печати. Представители различных партий, прошедших в Государственную думу первого созыва, активно обсуждали основные положения будущего закона о печати. Доминантой этих обсуждений было установление принципа свободы печати и необходимость отмены цензуры.

Так, 4 июля 1906 г. фракция партии народной свободы (кадеты) внесла на рассмотрение Государственной думы свой законопроект о печати. В статье 1 этого проекта содержалось положение о запрете цензуры: «Печать свободна. Цензура отменяется безусловно и навсегда. Свобода печати подлежит только тем ограничениям, которые установлены настоящим законом» [12, с. 302-308]. Союз русского народа в своих «основных положениях» для выборов в Государственную думу записал: «Свобода печати есть главное средство борьбы с злоупотреблениями по службе и административным произволом», средство обнародования «своих мыслей и исправления недостатков социально-политической жизни» [12, с. 272].

Казалось, история российской цензуры подходит к своему концу.

Но все обсуждения были прерваны начавшейся Первой мировой войной. Уже на следующий день после начала войны, 20 июля 1914 г. было подписано «Временное положение о военной цензуре». Вскоре был обнародован «Перечень» сведений, которые запрещалось помещать в печати по военным соображениям. Военная цензура устанавливалась в «полном объеме» в местах военных действий и «частично» – вне их. В марте 1915 г. военная цензура была введена и в Москве, несмотря на то, что вторая столица не находилась в прифронтовых условиях.

Как пишет Г. В. Жирков, «военная цензура быстро становится всеобъемлющей, включая в себя и политическую цензуру» [13, с. 196]. В качестве свидетельства он приводит фрагмент секретного письма председателя Совета министров И. Л. Горемыкина от 14 декабря 1915 г. на имя начальника Генштаба, в котором подчеркивалось: «Военная цензура, просматривая предназначенный к выпуску в свет газетный материал, должна оценивать последний не с одной лишь узковоенной точки зрения, а и с общеполитической».

Следующий этап существования цензуры начинается сразу после Октябрьской революции. Одним из первых декретов новой власти стал Декрет СНК РСФСР «О печати», принятый 27 октября (9 ноября) 1917 года (т. е. на третий день после захвата власти). В нем «свобода печати» объявлялась «либеральной ширмой», указывалось на необходимость принятия «временных экстренных мер» по отношению к прессе, устанавливалось, что «закрыванию подлежат органы прессы 1) призывающие к

открытому сопротивлению и неповиновению рабочему и Крестьянскому правительству; 2) сеющие смуту путем явно клеветнического извращения фактов; 3) призывающие к деяниям явно преступного, т.е. уголовно наказуемого характера» [14].

Запрещение деятельности органов прессы проводилось во внесудебном порядке – по постановлению Совета народных Комиссаров. Отдельно оговаривалось, что указанное положение имеет временный характер и будет отменено особым указом при наступлении «нормальных условий общественной жизни», и тогда «всякие административные воздействия на печать будут прекращены, для нее будет установлена полная свобода в пределах ответственности перед судом, согласно самому широкому и прогрессивному в этом отношении закону» [14].

Вскоре был создан специальный орган – Революционный трибунал печати, который должен определять наказание за преступления и проступки, совершаемые путем использования печати [15, с. 432-434]. При Трибунале печати организовывалась Следственная комиссия, наделенная полномочиями в ходе следственных действий проводить аресты, обыски, выемки. В Петрограде был введен дополнительный орган: Комиссариат по делам печати, имеющий еще более широкие полномочия, включающие в себя: предварительное закрытие и конфискацию печатных произведений, арест состава редакции и издательства, опечатывание типографии [16, с. 10-11].

Приказом Реввоенсовета республики от 23 декабря 1918 г. было утверждено Положение о военной цензуре. Положение обязывало все редакции и издательства «предварительно до выхода в свет представлять материалы, в коих сообщаются сведения военного характера» в органы военно-революционной цензуры. Этот документ является первой юридически обозначенной попыткой введения предварительной цензуры в Советской республике, поскольку, хотя в приказе говорилось только о материалах, содержащих сведения военного характера, но на практике все периодические издания независимо от тематики должны были получать разрешительный гриф «РВЦ» – «Разрешено Военной Цензурой» [17, с. 31-32].

Кроме того, например, в Петрограде со ссылкой на бумажный кризис и изношенность типографий вводятся «ограничение печатания книг, брошюр и плакатов, не вызываемых непосредственно потребностью данного момента». Для выпуска требуется каждый раз получать разрешение Отдела печати Петроградского Совета. Подобные постановления выходили и в других крупных городах. Фактически вводился разрешительный порядок издания литературных произведений и периодики, опирающийся-

ся на крайне неопределенную формулировку об обусловленности выпуска изданий «потребностью момента».

В мае 1919 г. создается Госиздат, которому предоставляются права контроля над всем издательским процессом, фактически он становится главным органом цензуры в стране. Декретом Совнаркома от 6 июня 1922 г. учреждается новый орган – Главное управление по делам литературы и издательств (Главлит). В Положении о Главлите указывалось, что он создается «в целях объединения всех видов цензуры печатных произведений» [18, с. 35], а так же перечислялись его основные функции:

- предварительный просмотр всех предназначенных к опубликованию произведений – периодических, нот, карт и т. д.,
- составление списков произведений печати, запрещенных к обращению,
- надзор за типографиями,
- борьба с провозом из-за границы неразрешенной к обращению литературы.

Списки, составленные Главлитом, были обязательны для исполнения органов ГПУ. Заведующие типографиями под страхом уголовной ответственности должны были следить за тем, чтобы печатаемые в их типографиях произведения имели разрешительную визу Главлита.

Вопрос о правовом положении печати нашел свое отражение и в российских конституциях этого периода. Так, в Конституции РСФСР 1918 г. провозглашалось: «В целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений Российская Социалистическая Федеративная Советская Республика уничтожает зависимость печати от капитала и предоставляет в руки рабочего класса и крестьянской бедноты все технические и материальные средства к изданию, газет, брошюр, книг и всяких других произведений печати и обеспечивает их свободное распространение по всей стране» (ст. 14) [19]. Данная формулировка в неизменном виде повторилась и в статье 5 Конституции РСФСР 1925 г. [20].

Таким образом, конституционных гарантий свободы печати не предусматривалось, в тексте не указывалось на запрет цензуры, конституционное право на выражение мнения не было всеобщим, а гарантировалось только представителям рабочего класса и крестьянской бедноты, то есть социальным группам, поддерживающим установление диктатуры пролетариата.

Функции цензуры устанавливались партийными постановлениями, секретными инструкциями Главлита, Главреперткома и других органов и

зависели от политической конъюнктуры. Закон о печати не был принят, хотя известно о нескольких попытках его создания.

В 1923 г. Отделом ЦК РКП разрабатывается проект положения о печати. В общей части проекта говорилось: «На основании ст. 14 Конституции РСФСР в интересах содействия успешному строительству рабоче-крестьянского государства и в целях обеспечения за трудящимися действительной свободы выражения своих мнений как периодические, так и непериодические издания трудящихся, как-то: советов, их центральных и местных губернских и областных органов, Коммунистического Интернационала а его секций, РКП, Профинтерна и Профессиональных Союзов на языках всех народов мира от просмотра предварительной политической цензуры освобождаются» [21, с. 9]. Тем самым, в законопроекте предлагалось освобождение от предварительной цензуры сравнительно небольшого круга изданий, являющихся печатными органами партийных и советских органов и транслировавших официальные идеологические позиции. Однако проект получил отрицательные отзывы П. Лебедева-Полянского – руководителя Главлита, и Н. Л. Мещерякова – руководителя Госиздата. В результате Положение о печати принято не было.

К 1930 г. создана организационная система тотального контроля, которую осуществляет Главлит. Этапным стало Постановление СНК РСФСР О реорганизации Главного управления по делам литературы и издательств (Главлита), в котором указывалось, что Главлит является отдельным управлением в составе НКПроса РСФСР. На него возлагается «контроль за всеми предназначенными к опубликованию или распространению произведениями как печатными, так и рукописными, за снимками, рисунками, картинками и т.п., за радиовещанием, лекциями, выставками осуществляется в виде предварительного и последующего контроля» [22]. Сохранялась развитая сеть местных органов Главлита в краях, областях, крупных промышленных городах. Но, кроме того, во все издательства, радиовещательные организации, периодические издания, телеграфные агентства, почтамты, таможни назначались специальные уполномоченные Главлита.

Вскоре Постановление СНК РСФСР было принято и в отношении Главреперткома. Так же устанавливалось, что Главрепертком осуществляет политико-идеологический, художественный и военный контроль как предварительный, так и последующий над всеми видами зрелищ и репертуара (театр, музыка, эстрада, кино, грампластинки, художественное радиовещание). Закреплялись аналогичные функции, и аналогичная институциональная организация с разветвленной системой местных органов и уполномоченными «в крупных драматических организациях».

Таким образом, к концу 1930-х гг. сформировалась система много-ярусной цензуры над печатным или произнесенным словом, художественным образом, публично выражаемой позицией; все информационные потоки поставлены под партийно-государственный контроль.

В принятой в этот период Конституции СССР от 5 декабря 1936 г. провозглашалось: «В соответствии с интересами трудящихся и в целях укрепления социалистического строя гражданам СССР гарантируется законом:

- а) свобода слова,
- б) свобода печати,
- в) свобода собраний и митингов,
- г) свобода уличных шествий и демонстраций» (ст. 125) [23].

Анализ приведенной выше конституционной формулировки позволяет сделать определенные выводы:

- 1) Конституция СССР не содержала запрет цензуры, но гарантировала свободу слова и свободу печати;
- 2) положение о том, что перечисленные в конституционном тексте свободы гарантируются законом, прямо указывало на необходимость скорейшего принятия законов о свободе печати и о свободе собраний;
- 3) в качестве основного критерия законности реализации конституционных свобод ст. 125 устанавливалась государственная идеология: граждане могли использовать свободы слова, свободы печати, свободы собраний, митингов, шествий и демонстраций только в целях укрепления социалистического строя и ни в каких других.

Противоречие, заложенное в конституционной статье о свободе печати, оправдывало деятельность цензурных органов.

Правовую базу для реализации цензурных установлений содержало и советское уголовное законодательство.

В Уголовном кодексе РСФСР 1922 г. в разделе «Контрреволюционные преступления» содержались составы «пропаганда и агитация в направлении помощи международной буржуазии» (ст. 70), «изготовление, хранение в целях распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера» (ст. 72), измышление и распространение в контрреволюционных целях ложных слухов и непроверенных сведений, могущих вызвать общественную панику, возбудить недоверие к власти и дискредитировать ее» (ст. 73) [24].

В Уголовном кодексе 1926 г. контрреволюционные преступления были собраны в ст. 58, и в них предусматривались наказания за «пропаганду

или агитацию, выражающуюся в призыве к свержению власти Советов», «пропаганду и агитацию в направлении помощи международной буржуазии», «изготовление, хранение в целях распространения и распространение агитационной литературы контрреволюционного характера» [25].

Через полгода после вступления в силу Положения о преступлениях государственных, принятого 3-й сессией III созыва Центрального Исполнительного Комитета СССР 25 февраля 1927 года [26], статья 58 претерпела существенные изменения. В частности, изменилась трактовка термина «контрреволюционная пропаганда и агитация». В прежних редакциях уголовное наказание за такую агитацию могло быть назначено в случае распространения призывов «к свержению власти Советов путем насильственных или изменнических действий или путем активного или пассивного противодействия Рабоче-Крестьянскому Правительству, или массового невыполнения возлагаемых на граждан воинской или налоговой повинностей» (ст. 58.13).

В новой редакции понятие контрреволюционной пропаганды и агитации было существенно изменено, указанный состав включал призывы «к свержению, подрыву или ослаблению Советской власти или к совершению отдельных контрреволюционных преступлений (ст. ст. 58² - 58⁹ настоящего Кодекса), а равно распространение или изготовление или хранение литературы того же содержания» (ст. 58.10). Под указанную в диспозиции статьи формулировку об «ослаблении Советской власти», могло попадать распространение различной информации: критика действий конкретных должностных лиц, пересказ анекдотов и т. д. Акцент был перенесен с призывов к насильственным действиям против советской власти на создание, распространение и хранение контрреволюционной литературы. Учитывая часто обновляющиеся списки запрещенных произведений, понятно, что это положение статьи УК могло трактоваться как угодно широко.

Санкция указанной статьи предусматривала наказание вплоть до применения высшей меры социальной защиты – расстрела или объявления врагом трудящихся с конфискацией имущества, лишением гражданства и изгнанием из пределов Союза ССР.

Составы преступлений, связанных с распространением информации, имели репрессивную направленность и, по мнению В. В. Никулина, применялись прежде всего для борьбы с инакомыслием, таким образом советское право использовалось в политически утилитарных целях [27, с. 309].

В УК 1922 г. предусматривалась уголовная ответственность за нарушение правил и обязательных постановлений для размножения и выпуска в свет печатных произведений (ст. 224), а так же для открытия ти-

пографий (ст. 225). Фактически речь шла о запрете размножения и выпуска в свет произведений без разрешения цензуры, но цензура не упоминалась. В статье 185 УК РСФСР 1926 г. указывалось, что «нарушение правил, установленных для размножения и выпуска в свет печатных произведений, а равно правил фото-кино-цензуры» – так же влекут уголовную ответственность. Таким образом, понятие «правила цензуры» оказалось закреплено УК.

В УК РСФСР от 27 октября 1960 г. для борьбы с распространением нежелательных произведений использовалась ст. 70 «Анτισоветская агитация и пропаганда», в состав которой включалась как непосредственно «агитация и пропаганда, проводимая в целях подрыва или ослабления Советской власти», так и «распространение в тех же целях клеветнических измышлений, порочащих советский государственный и общественный строй» [28].

В 1960–1970 годы власть использовала указанные уголовно-правовые нормы в борьбе с инакомыслием, что было довольно сложно сделать, учитывая отсутствие закона, четко устанавливающего запреты на производство и распространение тех или иных видов информации.

Именно по статье 70 УК РСФСР от 27 октября 1960 г. в феврале 1966 г. были осуждены А. Д. Синявский и Ю. М. Даниэль, опубликовавшие свои беллетристические произведения в зарубежных журналах. При этом А. Д. Синявскому была назначена предельная санкция, предусмотренная данной статьей – 7 лет лишения свободы.

Для осуждения И. А. Бродского (13 марта 1964 г.) использовались нормы Указа Президиума Верховного Совета СССР «Об усилении борьбы с лицами (бездельниками, тунеядцами, паразитами), уклоняющимися от общественно-полезного труда и ведущими антиобщественный паразитический образ жизни», а так же ст. 209 УК РСФСР, в которой содержалась санкция за уклонение от общественно полезного труда.

Однако, в этот период проблема незаконности цензуры начинает осознаваться частью творческой интеллигенции. Открытый судебный процесс над А. Д. Синявским и Ю. М. Даниэлем неожиданно для власти актуализировал вопрос о соотношении права на свободу художественного творчества и цензуры. События, связанные с этим процессом, как считает Г. А. Белая, «раскололи русскую общественную жизнь 60-х годов» и способствовали появлению «людей, жаждавших свободы, уверенных в том, что презумпция невиновности у нас должна соблюдаться на деле, а не на словах, и потому открыто апеллирующих к Конституции» [29, с. 4-5].

В мае 1967 г. А. И. Солженицын обращается с открытым письмом к IV Всесоюзному съезду Союза советских писателей: «Не предусмотренная конституцией и потому незаконная, нигде публично не называемая, цензура под затуманенным именем Главлита тяготеет над нашей художественной литературой и осуществляет произвол литературно неграмотных людей над писателями... Произведения, которые могли бы выразить назревшую народную мысль, своевременно и целительно повлиять в области духовной или на развитие общественного сознания, – запрещаются либо уродуются цензурой по соображениям мелочным, эгоистическим, а для народной жизни недальновидным». В письме писатель предлагает Съезду писателей «принять требование и добиться упразднения всякой – явной или скрытой – цензуры над художественными произведениями, освободить издательства от повинности получать разрешение на каждый печатный лист» [30, с. 29].

В этом же году группой ученых и представителей творческой интеллигенции (в том числе академики Леонтович, Сахаров, Капица, Кнунянц и др., всего 100 человек) был создан и направлен в Президиум Верховного Совета СССР проект закона «О распространении, отыскании и получении информации». В пояснительной записке к законопроекту указывалось, что «цензура в нашей стране являлась одним из орудий диктатуры пролетариата. В настоящее время, как указано в Программе КПСС, «диктатура пролетариата выполнила свою историческую миссию и с точки зрения внутреннего развития перестала быть необходимой в СССР». Поэтому современным условиям гораздо более соответствует такая форма контроля со стороны общества за распространением информации, как ответственность перед судом за нарушение законов посредством печати и других средств информации в сочетании с контролем редакторов, изготовителей и распространителей произведений» [17, с. 183].

Статья 1 предлагаемого законопроекта устанавливала, что каждый имеет право без предварительной цензуры, но с учетом установленных законом ограничений распространять любую информацию в любой форме. Согласно ст. 2 законопроекта любому лицу, группе лиц, учреждениям, организациям гарантировалось право без предварительной цензуры издавать любым тиражом печатные издания, осуществлять постановку спектаклей, производство кинофильмов, фотографий, устраивать выставки, концерты и иные зрелища, организовывать лекции, диспуты и другие мероприятия.

Законопроект содержал достаточно большое ограничение свободы печати, в частности запрещал разглашение государственной и военной

тайн, пропаганду захватнической войны, разжигание расовой и национальной вражды или розни, оскорбления, распространения ложной информации, лжесвидетельство, оскорбление нравственности, подстрекательство к совершению преступления и т. д.

Кроме того, в проекте довольно подробно прописывались механизмы привлечения субъектов информационной деятельности к судебной ответственности.

В Конституции СССР от 7 октября 1977 г. по-прежнему содержались формулировки о свободе слова, печати, собраний, митингов, уличных шествий и демонстраций (ст. 50), а так же о свободе научного, технического и художественного творчества (ст. 47). И по-прежнему использовалась та же юридическая техника их закрепления: указанные свободы должны были реализовываться «в соответствии с целями коммунистического строительства» (ст. 47), и «в соответствии с интересами народа и в целях укрепления и развития социалистического строя» (ст. 50) [31].

Из текста Конституции исчезло упоминание закона, в котором получили бы развитие эти конституционные положения. Вместо этого указывалось, что осуществление этих свобод обеспечивается предоставлением трудящимся и их организациям общественных зданий, широким распространением информации, возможностью использования печати, телевидения и радио. Тем самым вопрос о правовом закреплении положения печати, законодательном определении прав и обязанностей субъектов, участвующих в процессах поиска, производства и распространения информации, подменялся декларацией о возможностях использования печати, телевидения и радио.

Так же, как и прежде, вопрос о соответствии или несоответствии информационного продукта идеологическим целям решался органами Главлита путем осуществления предварительной и последующей цензуры. Иными словами, установление идеологических целей, в которых может реализоваться свобода печати, косвенно способствовало созданию органов цензурного контроля.

Социально-политические перемены конца 1980-х годов, получившие позже название «перестройки», на первый план выдвинули требования модернизировать политическую систему в стране и коренным образом изменить сложившиеся в советский период развития государства отношения по поводу получения и распространения информации. Поэтому одним из символов информационной политики перестроечного периода становится «гласность».

С трибуны XXVII съезда КПСС (1986 г.) прозвучали слова о том, что необходимо «сделать гласность безотказно действующей системой» [32, с. 55]. А уже на январском (1987 г.) Пленуме ЦК КПСС была поставлена задача разработки «правовых актов, гарантирующих гласность» [33, с. 33]. Институту государства и права АН СССР было поручено разработать проект Закона о гласности, рабочую группу возглавил доктор юридических наук А. М. Васильев. Проект закона был подготовлен и передан в Президиум Верховного Совета СССР [34, с. С. 27].

В преамбуле проекта понятие гласности определялось как «необходимое условие активного участия граждан в обсуждении и решении вопросов государственной и общественной жизни, способ демократического контроля трудящихся за деятельностью государственных органов, общественных организаций, администрации предприятий и учреждений» [35, с. С. 90.].

Законопроект содержал ряд гарантий и ограничений свободы массовой информации.

К наиболее важным гарантиям относились следующие:

- 1) обязательное обнародование законодательных актов (ст.9);
- 2) доступность архивных материалов для граждан (ст. 13);
- 3) обеспечение беспрепятственного доступа к печатным изданиям.

Данное положение означало возможность ознакомления со всеми без исключения находящимся в фондах государственных и общественных библиотек печатным изданиям и аудиовизуальной продукции, что означало ликвидацию спецхранов и возвращение некогда «репрессированных» книг (ст. 14);

4) открытость информации о подготовке и проведении выборов и др. (ст. 11, 12);

5) право на публичное выражение мнений. Законопроект содержал норму, согласно которой «граждане, общественные организации, трудовые коллективы имеют право на гласное, свободное выражение своих мнений по вопросам деятельности государственных органов, общественных организаций, должностных лиц». Принятие подобной нормы, во-первых, закрепляло бы важнейшее право на выражение мнений и, во-вторых, влекло за собой необходимость принятия закона о СМИ и закона о всенародном обсуждении важных вопросов государственной жизни (ст. 7, 8).

Таким образом, хотя законопроект не содержал нормы об отмене цензуры, однако существенно расширял объем и виды социально значимой информации, которая могла свободно циркулировать в обществе.

В качестве ограничений гласности проект предусматривал сохранение различных видов тайн, в первую очередь государственной и служебной. При этом указывалось, что перечни сведений, составляющих государственную и служебную тайны, утверждаются Советом Министров СССР и «не подлежат расширительному толкованию». Кроме того, мог ограничиваться доступ к сведениям, составляющим врачебную, адвокатскую, нотариальную тайну, данные предварительного следствия дознания и др.

Устанавливалось так же, что «не допускается использование гласности для пропаганды войны и расизма, национальной и религиозной нетерпимости и человеконенавистничества, насилия, жестокости, порнографии, а так же для подстрекательства к совершению преступлений» [35, с. 50].

В целом, можно сказать, что положения проекта содержали совершенно новые для советского законодательства гарантии получения и распространения информации; устанавливали вполне разумные и необходимые ограничения по доступу к некоторым видам сведений; содержали основные виды информации, распространение которой запрещено.

По различным причинам Закон о гласности так и не был принят, но его основные положения получили дальнейшее развитие в российском законодательстве о доступе к информации о деятельности органов государственной власти, библиотечном и архивном деле.

В 1988–1989 гг. была предпринята попытка создания Закона СССР о печати. Официальный проект Закона, получивший одобрение Идеологической комиссии ЦК КПСС, сохранял принцип партийного руководства прессой, предусматривал сохранение предварительной цензуры, которую по-прежнему должен был осуществлять Главлит. Указанный проект не публиковался, он был разослан в профильные ведомства: Главлит, Госкомиздат, Гостелерадио, Минюст, ГлавПУР, КГБ и т. д., а так же в Союз журналистов и редакции ведущих печатных изданий, но без права публикации.

В это же время был разработан инициативный авторский проект закона о печати (авторы – Ю. М. Батулин, М. А. Федотов, В. Л. Энтин). В статье 3 инициативного проекта указывалось на недопустимость цензуры, кроме того предлагались нетрадиционные меры ответственности: в частности, при установлении факта цензуры – указывать в распространяемых сообщениях и материалах фамилию и должность лица, совершившего акт цензуры, а так же отмечать, где именно в тексте были сделаны купюры и изъятия [36].

Летом 1989 г. в Верховном Совете СССР была создана Рабочая группа, которой предстояло разработать окончательный текст законопроекта. В ее

состав кроме авторов инициативного проекта вошли так же народные депутаты СССР, члены Комитета по законодательству Н. В. Федоров, К. Д. Лубенченко, А. Е. Себенцов, Г. Х. Шахназаров, члены Комитета по гласности А. С. Ежелев, Б. Н. Никольский, М. Н. Полторанин и др.

Закон СССР «О печати и других средствах массовой информации» был принят 12 июня 1990 г. Статья 1 устанавливала принцип свободы печати и других средств массовой информации, в который включались:

- право высказывания мнений и убеждений,
- право поиска, выбора, получения и распространения информации и идей в любых формах;
- недопустимость цензуры [37].

Кроме того в законе устанавливались следующие гарантии свободы печати: право на учреждение СМИ не только государственными органами, но и политическими партиями, религиозными организациями, отдельными гражданами (ст. 7); обязанность государственных органов, должностных лиц предоставлять СМИ имеющиеся сведения и возможность ознакомления с документами (ст. 24); запрет монополизации СМИ (ст. 7); запрет изъятия тиража или его части иначе как на основании вступившего в законную силу решения суда (ст. 22); запрет обязывания СМИ опубликовать отклоненный редакцией материал (ст. 25), а так же запрет принуждения журналистов к распространению либо отказу от распространения информации (36).

Важное значение имело установление в статье 5 Закона о печати перечня «злоупотреблений свободой слова», к которым было отнесено:

- использование средств массовой информации для разглашения сведений, составляющих государственную или иную специально охраняемую законом тайну,
- призыв к насильственным свержению или изменению существующего государственного и общественного строя,
- пропаганда войны, насилия и жестокости, расовой, национальной, религиозной исключительности или нетерпимости,
- распространение порнографии,
- использование средств массовой информации для вмешательства в личную жизнь граждан, посягательства на их честь и достоинство.

Впервые в законодательстве нашей страны предусматривалась уголовная ответственность за воспрепятствование со стороны должностных лиц, государственных и общественных органов законной профессиональной деятельности журналистов.

Значение Закона о печати трудно переоценить: наконец в российской истории был принят законодательный акт, устанавливающий правовое положение печати и провозглашающий в качестве основополагающих принципов свободу печати и недопустимость цензуры. Закрепление в законе злоупотреблений свободой слова фактически представляло современный перечень видов информации, распространение которой запрещено в средствах массовой информации. Тем самым ограничения деятельности СМИ устанавливались на законодательном уровне, что позволяло широко использовать судебные механизмы разрешения споров.

Позже вопрос о формулировке конституционной статьи, гарантирующей свободу печати, обсуждался делегатами Конституционного Собрания 1993 г. [38]. В итоге Конституция Российской Федерации в части 5 статьи 29 гарантирует свободу массовой информации, и устанавливает запрет цензуры.

В заключение мы приходим к следующим выводам: историческая миссия цензуры к началу XX века была выполнена, логика политико-правового развития страны неумолимо выдвигала на повестку дня обсуждение законов о печати, в которых бы устанавливались ограничения свободы слова и использовались бы иные, более современные механизмы государственного контроля за издательской деятельностью и деятельностью СМИ.

Однако с первых дней установления советская власть стала использовать механизмы жесткого государственного контроля в области создания и распространения информации. Органы советской цензуры были сформированы в короткое время (за 10-12 лет). В начале 1930-х годов Главлит представляет собой мощную централизованную структуру, осуществляющую большое количество функций: охрану военных и государственных тайн в печати и радиовещании; цензорский контроль над иностранной литературой, поступающей в СССР; предварительную цензуру за выпуском книг и журналов центральных издательств; последующий контроль за издающимися в провинции произведениями и руководство местными цензурными органами; изъятием политически вредной литературы.

Несмотря на длительное существование советской цензуры ее деятельность так и не получила нормативно-правового оформления. Хотя известно несколько попыток создания советского Закона «О печати», однако они не увенчались успехом.

Социально-политические изменения второй половины 1980-х годов вновь поставили на повестку дня вопрос о правовом положении органов печати. Авторы законопроектов этого периода считали запрещением цензу-

ры необходимой гарантией свободы печати. Результатом стало последовательное установление запрета цензуры сначала в Законе СССР «О печати и других средствах массовой информации», затем в Законе РФ «О средствах массовой информации» и, наконец, на самом высоком, конституционно-правовом уровне: в части 5 статьи 29 Конституции Российской Федерации.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Блохин В.Ф.* Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать в политическом контексте (1865–1905 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6 (144). История. Вып. 30. С. 34-44.

2. *Блохин В. Ф.* Всевидящим ли было «цензурное око» государево? (система государственного управления, цензура и проблема становления гражданского общества России) // Гражданогенез в России / Под общ. ред. В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. Брянск, 2009. С. 81-107.

3. *Блохин В. Ф.* О вреде «вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в.) // Вестник молодых ученых. Серия: исторические науки. 2007. № 4. С. 109-115.

4. *Патрушева Н. Г.* Главное управление по делам печати (1865–1917 гг.) и проекты его реформирования // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики Тамбов: Грамота, 2011. № 8 (14): в 4-х ч. Ч. III. С. 147-151.

5. *Старкова Л. К.* К вопросу реформирования первого цензурного устава России // История книги и цензуры: материалы Международной научной конференции, посвященной памяти Арлена Викторовича Блюма, 29-30 мая 2012 г. СПб., 2013. С. 81-90.

6. *Старкова Л. К.* Правительственные и общественные инициативы в вопросах регламентации Российской цензуры в начале XIX в. // Известия Саратовского университета. Новая серия. Серия: История. Международные отношения. 2011. Том 11. Вып. 2. Ч. 1. С. 3-11.

7. Законодательные акты переходного времени. 1904 – 1908 гг.: Сборник законов, манифестов, указов Пр. Сенату, рескриптов и положений комитета министров, относящихся к преобразованию государственного строя России, с приложением алфавитного предметного указателя. Изд. 3-е, пересм. и доп. по 1 сентября 1908 года / Под ред. пр.-доц. Н. И. Лазаревского. СПб., 1909. Репринтное изд. 2010. М.: Государственная публичная историческая библиотека России. 888 с.

8. *Лихоманов А. В.* «Комиссия Д. Ф. Кобеко» по составлению нового устава о печати (10 февраля – 1 декабря 1905 г.) // Открытый текст. Электронное периодическое издание. URL: <http://www.opentextnn.ru/censorship/russia/dorev/libraries/book/?id=4939>

9. *Бурлакова Р. И.* Правовое регулирование цензуры печати в России в XVIII – начале XX века : автореф. дис. ... канд. юрид. наук. М., 2004. 19 с.
10. Список актов конституционного значения 1600–1918 // Сайт Конституции Российской Федерации. URL: <http://constitution.garant.ru/history/act1600-1918/5204/> (дата обращения 16.12.2014).
11. Полное собрание законов Российской империи. Собрание 3-е. Т. 26 (1906). СПб., 1909. № 27805.
12. Русский конституционализм: от самодержавия к конституционно-парламентской монархии / сост. А. В. Гоголевский/ Сб. документов. М.: Гардарика, 2001. 489 с.
13. *Жирков Г.В.* История цензуры в России XIX–XX вв. М., 2001. 368 с.
14. Собрание узаконений и распоряжений рабочего и крестьянского правительства РСФСР. 1917. №1. Ст. 7.
15. Декрет «О революционном трибунале печати» от 28 января 1918 г. // Декреты советской власти Т. 1. М., 1957. С. 432-434.
16. Временные правила о порядке издания периодических и непериодических печатных изданий в Петрограде от 29 января 1918 г. // Цензура в Советском Союзе. 1917 – 1991. Документы. М., 2004. С. 10-11.
17. История советской политической цензуры : Документы и комментарии / Отв. сост. Т. М. Горяева. М.: Российская политическая энциклопедия, 1997. 672 с.
18. Цензура в Советском Союзе. 1917 – 1991. Документы. М., 2004. 602 с.
19. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (принята V Всероссийским Съездом Советов в заседании от 10 июля 1918 г.) (прекратила действие) //Официальный сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://constitution.garant.ru/>
20. Конституция (Основной закон) Российской Социалистической Федеративной Советской Республики (утверждена постановлением XII Всероссийского Съезда Советов от 11 мая 1925 г.) (прекратила действие) //Официальный сайт Конституции Российской Федерации [Электронный ресурс] URL: <http://constitution.garant.ru/>
21. *Горяева Т. М.* Культура и цензура: мифы и реальность, или История борьбы против правды // История советской политической цензуры: Документы и комментарии. М., 1997. С. 5-32.
22. СУ РСФСР. 1930. № 50. Ст. 599.
23. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (утверждена постановлением Чрезвычайного VIII Съезда Советов Союза Советских Социалистических Республик от 5 декабря 1936 г.) [электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1936/red_1936/3958676/ (дата обращения 14.04.2016).

24. Постановление ВЦИК от 1 июня 1922 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1922. № 15. Ст. 153.
25. Постановление ВЦИК от 22 ноября 1926 г. «О введении в действие Уголовного Кодекса Р.С.Ф.С.Р. редакции 1926 г.» (вместе с «Уголовным Кодексом Р.С.Ф.С.Р.») // СУ РСФСР. 1926. № 80. Ст. 600.
26. СЗ СССР. 1927. № 12. Ст. 123.
27. *Никулин В. В.* Большевики и меньшевики. Юридические аспекты подавления инакомыслия в Советской России (1920-гг.) // Вестник ТГУ. 2010. № 4. С. 305-310.
28. Ведомости ВС РСФСР. 1960. № 40. Ст. 591.
29. Цена метафоры или Преступление и наказание Синявского и Даниэля. М., 1990. 528 с.
30. *Солженицын А.И.* Публицистика: в 3 т. Ярославль, 1996. Т. 2. 624 с.
31. Конституция (Основной закон) Союза Советских Социалистических Республик (принята на внеочередной седьмой сессии Верховного Совета СССР девятого созыва 7 октября 1977 г.) [электронный ресурс] URL: http://constitution.garant.ru/history/ussr-rsfsr/1977/red_1977/5478732/chapter/7/#block_700 (Дата обращения 14.04.2016).
32. Материалы XXVII съезда КПСС. М., 1986. С. 55.
33. Материалы пленума ЦК КПСС, 27-28 января 1987 г. М., 1987. С. 33.
34. *Батурин Ю. М.* Попытка гласности: история законодательной неудачи // Гласность как предмет правового регулирования / Под общей ред. д. ю. н., проф. М. А. Федотова. Труды по интеллектуальной собственности. М., 2009. Т. IX. С. 4-115.
35. Закон СССР «О гласности». Проект // Гласность как предмет правового регулирования / Под общей ред. д. ю. н., проф. М. А. Федотова. Труды по интеллектуальной собственности. М., 2009. Т. IX. С. 90. В дальнейшем статьи законопроекта указываются в тексте в скобках.
36. *Батурин Ю. М., Федотов М. А., Энтин В. Л.* Закон о печати и других средствах массовой информации. Инициативный авторский проект. М. 1989. 64 с.
37. О печати и других средствах массовой информации: закон СССР от 12 июня 1990 г. № 1552-1 // Ведомости СНД и ВС СССР. 1990. № 26. Ст. 492.
38. *Куликова С. А.* Конституционный запрет цензуры в России: монография / под ред. д. ю. н., профессора, Заслуженного юриста РФ Г. Н. Комковой. М.: Проспект, 2016. 256 с.

Об авторе:

Куликова Светлана Анатольевна – кандидат филологических наук, доцент кафедры конституционного и муниципального права ФГБОУ ВПО «Саратовский национальный исследовательский государственный университет».

ОТ «КОЛОКОЛЬЦЕВ» – К «УТРУ СИБИРИ»: ЦЕНЗУРНАЯ ИСТОРИЯ ВОЗНИКНОВЕНИЯ И ЭВОЛЮЦИИ ОДНОЙ ТОМСКОЙ ДОРЕВОЛЮЦИОННОЙ ГАЗЕТЫ*

Н. В. Жилиякова

В статье рассматриваются цензурные материалы Государственного архива Томской области (ГАТО), относящиеся к истории возникновения замысла газеты «Колокольцы», которая начала издаваться в 1906 году как журнал «Сибирские отголоски», затем была трансформирована в одноименную газету, в 1910 году сменила название на «Сибирское слово», а в 1911 году – на «Утро Сибири». Цензурные дела раскрывают первоначальный план издания газеты, процесс смены типологического статуса, а впоследствии и названия, мотивы и обстоятельства передачи газеты от В. А. Долгорукова к В. Т. Молотковскому, затем к М. И. Преловскому, А. И. Збукиреву и В. Е. Воложанину. Делается вывод о том, что направление исследуемого органа периодики было связано с общественно-политическими взглядами издателей.

Ключевые слова: цензура, Сибирь, Томск, журналистика, типология.

Актуализация исследований по истории провинциальной российской журналистики, связанная с усилением роли регионов в общественно-политической жизни страны, приводит к появлению работ, которые можно условно разделить на два типа. Первый тип – исследования, в которых делаются попытки обобщения накопленного материала, анализируются общие тенденции и направления развития системы провинциальной периодической печати [см., напр.: 1, 2, 3]. Работы второго типа обращаются к отдельным изданиям и типологическим группам, представляя собой итоги поисковой и аналитической деятельности ученых, которые идут «вглубь», раскрывают уникальную историю и специфику, особую роль провинциальных газет и журналов, ранее не попадавших в круг научной рефлексии, либо изученных поверхностно и идеологически ангажировано, обращают внимание на отдельные аспекты функционирования дореволюционной провинциальной печати [4, 5, 6, 7, 8, 9 и др.].

Настоящее исследование находится в общей парадигме работ второго типа, поскольку оно посвящено цензурной истории одного из малоизу-

* Статья подготовлена при финансовой поддержке Российского гуманитарного научного фонда, грант «Периодическая печать Томской губернии второй половины XIX – начала XX века в общественно-политической и культурной жизни региона», проект № 16-11-70002.

ченных томских изданий начала XX века, принадлежащего к либеральному лагерю и потому не привлекавшего особого внимания историков печати советского периода. Его «внутренняя жизнь», скрытая от глаз публики и практически не освещенная на страницах самого издания, отразилась в ряде архивных дел, хранящихся в Государственном архиве Томской области (ГАТО). Большая часть документов отложилась в деле, озаглавленном «Документы о разрешении издания в Томской губернии газет и о политической благонадежности издателей и редакторов (циркуляр, рапорты, справка, переписка, объявления, заявления, прошения, свидетельство» [10].

История исследуемого издания началась с прошения томскому губернатору от 20 января 1906 году «от частного поверенного при Томском окружном суде Всеволода Алексеевича Долгорукова, живущего 3 уч. г. Томска по Воскресенской ул., д. № 5» [10, л. 85].

Прежде чем перейти к сути прошения, необходимо сказать, что В. А. Долгоруков был личностью, довольно известной в Томске в связи с его издательской деятельностью, и с определенными фактами его довольно скандальной биографии. Член известного российского княжеского рода Долгоруковых, Всеволод Алексеевич в юности участвовал в нескольких мошеннических авантюрах, по суду был лишен княжеского титула и в итоге отправлен в Томск как уголовный ссыльный [подробнее см. 11]. Обратно в столицу он не вернулся, до самой смерти в 1912 году жил в Томске, где издавал газеты и журналы, а также занимался юридической практикой как частный поверенный при Томском окружном суде.

Собственной издательской деятельностью Долгоруков начал заниматься с 1895 года: он выпускал ежегодник «Путеводитель по Сибири и Средне-Азиатским владениям России» (1895–1899), журнал «Дорожник по Сибири и Азиатской России» (1898–1901), который был преобразован в журнал «Сибирский наблюдатель» (1901–1905).

Новое прошение, которое В. А. Долгоруков подал губернатору, было посвящено замыслу издания, тематически не связанного с предыдущими журналами (они были преимущественно краеведческими). Долгоруков просил разрешить издавать в Томске «иллюстрированный листок общественной, политической и литературной жизни под заглавием "Колокольцы" с правом выпуска этого издания в свет в количестве от трех до пяти раз в месяц». Цена нового издания была определена следующая: «...в год 3 рубля, для иногородних 4 рубля» [10, л. 85]. Заметим, что годовая подписка «Дорожника...» составляла 2 рубля, «Сибирского наблюдателя» – 4 рубля. «Колокольцы», таким образом, представляли собой усредненный ценовой вариант, но были новаторским для Долгорукова типом издания: в период

бурной общественно-политической жизни России периода Первой русской революции (1905–1907 гг.) издатель почувствовал необходимость выпуска более оперативного, нежели журнал, органа периодики.

Необычным, по сравнению с предыдущими издательскими проектами, было и то, что Долгоруков предполагал издавать новую газету не один: он писал, что «звание ответственного редактора по этому изданию принимает на себя коллежский регистратор Владимир Павлович Булыгин». Печатать газету предполагалось в частной томской типографии Н. И. Орловой.

Программа газеты была намечена следующая:

1. *«Правительственные распоряжения.*
2. *Жизнь Сибири (корреспонденции из разных городов Сибири, перепечатки из разных газет и проч.).*
3. *Обозрение русской жизни.*
4. *Обозрение жизни за границей.*
5. *Фельетон (романы, повести, рассказы, стихотворения и проч.).*
6. *Театральная хроника. Судебная хроника.*
7. *Всякого рода [первоначально было впечатано «карикатуры», затем зачеркнуто от руки и подписано сверху:] рисунки, гравюры, эстампы и т. д.*
8. *Объявления» [10, л. 85-85 об.].*

Однако уже через неделю планы В. А. Долгорукова изменились. 28 января 1906 года он подал следующее прошение, в котором писал:

«В дополнение прошению, поданному мной о разрешении издания журнала "Колокольцы", имею честь заявить, что я, вместо "Колокольцев", желаю дать название журналу "Сибирские отголоски", выпуская его в свет по той же программе, какая мною была представлена Вашему превосходительству, за исключением того, что вместо помещения исключительно карикатур, – я прошу о разрешении помещать всякого рода рисунки.

"Сибирские отголоски", как иллюстрированный журнал, будут выходить вместо разрешенного мне господином Министром внутренних дел под моим редакторством повременного издания "Сибирский наблюдатель".

Обязанности редактора буду по-прежнему исполнять я сам. Печатать журнал будет, как и "Сибирский наблюдатель", в типографии П. И. Макушина, а не Орловой» [10, л. 87].

Судя по приложенному «Свидетельству» [10, л. 88], это прошение Долгорукова было полностью удовлетворено. В итоге «Колокольцы» как иллюстрированная газета, которую издавал бы Долгоруков, а редактировал В. П. Булыгин, остались только замыслом: издатель «перереформатировал» свой прежний ежемесячный журнал «Сибирский наблюдатель» в бо-

лее оперативные еженедельные «Сибирские отголоски», при этом не стал кардинально менять ни место издания, ни направление журнала.

Можно с уверенностью предположить, что «Колокольцы» возникли под влиянием предполагаемого «ответственного редактора» В. П. Булыгина – томского поэта и публициста, активного общественного деятеля социал-демократического направления, в сатирической журналистике известного под псевдонимом «Рефлектор» [12]. Судя по тому, что первоначально в «Колокольцах» предполагалось печатать только карикатуры, весь будущий орган печати, вероятно, планировался как издание с сатирическим уклоном. О причинах, которые привели к тому, что расстроились планы по изданию «листка», неизвестно, однако в сохранившихся сведениях о жизни В. П. Булыгина есть свидетельство о его переезде в 1906 году в соседний город Новониколаевск. Было ли это причиной отказа от участия в «Колокольцах», или же следствием какого-то конфликта между Булыгиным и Долгоруковым, – установить в настоящее время не удалось.

Следующий этап в жизни «Сибирских отголосков» отражен в «прошении» В. А. Долгорукова от 5 мая 1907 года, в котором он писал:

«С надлежащего разрешения я издаю в городе Томске под моим редакторством еженедельный иллюстрированный журнал "Сибирские отголоски". Ныне я желаю выпускать это издание в свет, вместо одного раза в неделю, от трех до шести в формате среднего газетного листа. Подписная цена остается прежней.

Программа издания тоже прежняя, но лишь в добавлении к ней отдела телеграмм» [10, л. 90].

Разрешение на эту трансформацию было получено, и небольшой еженедельник превратился в полноценную газету «Сибирские отголоски», которая выходила по развернутой программе общественно-политического органа печати. В ней были телеграммы, передовые статьи, обзоры русской и иностранной жизни, хроника жизни Томска и корреспонденции, фельетоны, а с 1907 по 1910 год именно в этой газете печатались скандально знаменитые авантюрные романы Не-Крестовского (В. В. Курицына): «Томские труппы» (1907–1908), «Человек в маске» (1908–1910), «В погоне за миллионами» (1910) и др.

«Сибирские отголоски» первоначально печатались в типографии Макушина, затем были переведены в типографию Зеленецкого, после ее закрытия были перемещены в типографию Орловой, о чем Долгоруков уведомил томского губернатора 13 октября 1907 года [10, л. 95].

В 1908 году Долгоруков все-таки осуществил свою идею о совместной работе над выпуском органа периодики. 23 января 1908 года он писал о том, что Василий Тимофеевич Молотковский «с согласия его, Долгорукова,

вступил компаньоном в дело издания "Сибирских отголосков", но только в качестве соиздателя, без принятия на себя обязанностей редактора, каким остается единолично он, Долгоруков» [10, л. 99].

По этому поводу был послан запрос в Томское губернское жандармское управление, начальник которого писал 21 февраля 1908 года:

«О Молотковском неблагоприятных сведений во вверенном мне Управлении не имеется, что же касается Всеволода Долгорукова, то таковой по сведениям Управления был выслан из Европейской России за уголовное преступление и известен как крайний либерал. – В 1902 году состоял членом закрытого общества взаимопомощи книгопечатников в городе Томске» [10, л. 100 об].

Это отзыв крайне интересен с той точки зрения, что современники считали Долгорукова вполне умеренным и либеральным, как и его издания, но жандармы это мнение отнюдь не разделяли.

О Молотковском же сообщались следующие дополнительные сведения: «поведения и образа жизни одобрительного, под судом и следствием не состоит, состоит частным поверенным при Томском окружном суде» [10, л. 103].

В 1910 году Долгоруков передал «Сибирские отголоски» в руки присяжного поверенного М. И. Преловского. Архивные дела позволяют восстановить следующую хронику происходивших событий: 8 апреля 1910 года Преловский подал прошение, в котором уведомлял губернатора о своем желании издавать в Томске журнал «Речи Сибири» [10, л. 108]. На запрос о его благонадежности был получен следующий развернутый ответ, который дает представление о личности предполагаемого издателя:

«Преловский Михаил Иннокентьевич в 1906 году привлекался при вверенном мне Управлении к дознанию, переданному к следствию по делу социал-демократической организации и кассы ее, обнаруженной в г. Томске; был арестован, но, по распоряжению Омской судебной палаты из-под стражи освобожден под залог в размере 300 рублей. В том же году по распоряжению Временного Томского генерал-губернатора подвергался административной высылке под гласный надзор полиции в Нарымский край на время состояния губернии на военном положении.

Вредная деятельность г-на Преловского началась еще в 1903 году и выразилась в следующих действиях: Преловский являлся главным распорядителем социал-демократической партии по приобретению для партии оружия с целью вооруженного восстания. Оратор на заседаниях общества попечения о начальном образовании <...> производил денежные сборы на нелегальные цели и распространял преступную литературу. Совместно с другими лицами устраивал платные развлечения, сборы с которых поступали на противоправительственные цели. Совместно с частным поверенным Якушевым составил после 18 октября 1905 года от имени всех присяжных поверенных заявление о неприятии ими к защите дел полицей-

ских чиновников, городских, казаков и вообще лиц администрации, причем в этом же заявлении предлагалось всем присяжным поверенным прийти на помощь рабочему освободительному движению. Вел преступную агитацию среди нижних чинов местного гарнизона, состоял членом в местной социал-демократической дружине. – Главнейший руководитель деятельности местных кружков социал-демократической организации и всей Томской партии» [10, л. 109-109 об.].

Жандармы приводили выдержку из перехваченного письма одного из революционеров, который так характеризовал Преловского:

«По убеждениям ярый социал-демократ, хотя более тяготеет к социал-революционерам, можешь с ним переговорить о чем хочешь... Имей, брат, этого человека всегда в виду: можно к нему на всякий случай и укрыть что-либо, и самому укрыться» [10, л. 109 об.-110].

Перечислив неблагонадежных знакомых Преловского (организатора железнодорожной забастовки Мукосеева, организатора октябрьских революционных митингов Броннера и др.), начальник жандармского управления отметил также специфику профессиональной деятельности будущего издателя «Речей Сибири»:

«Как адвокат, занимается почти исключительно защитой в судах лиц, привлеченных к ответственности за государственные преступления. Член "Финансовой группы" и "Красного креста", ликвидированных в Томске 20 февраля 1908 г. <...> Участвовал в уличной вооруженной демонстрации, бывшей 18 января 1905 года, в г. Томске, однако от судебного преследования по этому делу ускользнул, хотя к дознанию при Управлении привлекался. В его квартире бывали собрания, на коих обсуждались вопросы по предвыборной агитации во вторую государственную Думу.

Неоднократно подвергался обыскам, по которым, однако, ничего преступного обнаружено не было. По последним сведениям, полученным агентурным путем, но фактически пока не проверенным, Преловский состоит казначеем Томской социал-демократической организации» [10, л. 110].

Нетрудно догадаться, что после такой характеристики разрешение журнала «Речи Сибири» несколько затормозилось. По-видимому, понимая, что замысел нового издания не может быть реализован, Преловский начал искать другие пути осуществления идеи о выпуске собственного журнала. В итоге 13 июля 1910 было зарегистрировано очередное «Прощение» от В. А. Долгорукова, в котором он уведомлял томского губернатора о том, что с августа 1910 года газета «Сибирские отголоски» переходит в полную собственность Преловского, который «будет выпускать ее по прежней программе». Редактором газеты был объявлен Алексей Иванович Збукирев [10, л. 115].

Стремясь доказать свою благонадежность, к документам по передаче издания Преловский приложил копию справки из Томского окружного суда от 31 июня 1909 года, которая гласила:

«Дана помощнику присяжного поверенного Михаилу Иннокентьевичу Преловскому в том, что уголовное преследование его со ст. 123 Уголовного Уложения согласно заключению прокурорского надзора, Омской судебной палатой 29 июля 1906 года прекращено за недостаточностью улик» [10, л. 120].

Создатель Молотковский в свою очередь выразил согласие на переход газеты к новому владельцу [10, л. 121].

12 июля 1910 года было также составлено положительное заключение о возможности редактирования газеты Алексеем Ивановичем Збукиревым, 25 лет [10, л. 127].

Поскольку стало очевидным, что дело пошло на лад, Преловский 15 июля 1910 года попросил «ходатайство о журнале "Речи Сибири" оставить без внимания впредь до особого заявления с моей стороны о рассмотрении названного ходатайства» [10, л. 124].

Однако, получив в руки «Сибирские отголоски», новые владельцы не стали следовать прежней программе газеты, как это было заявлено в прошении. Первым делом они сменили нумерацию «Сибирских отголосков» и в № 1 за 1910 год объявили, что газета будет выходить «в увеличенном формате, под новой редакцией и при новом составе сотрудников» (Сибирские отголоски. 1910. № 1). Была прекращена публикация двух романов Не-Крестовского, изменилось направление издания. Буквально через два месяца, 28 октября 1910 года, Преловский уже просил:

«<...> разрешить мне издаваемую мною в г. Томске газету под названием "Сибирские отголоски" с 1 ноября сего года выпускать под названием "Сибирское слово" по прежней программе и при прежнем ответственном редакторе А. Т. Збукиреве.

Вместе с тем прошу разрешить назначенную мне годовую плату за газету в размере до четырех рублей поднять до цифры 6 рублей. Желание поднять стоимость газеты вызывается тем, что существующая цена совершенно не покрывает расходов по изданию газеты» [10, л. 128].

Прямо на этом прошении черной ручкой было написано: «Препятствий не встречаю. 28.X.1910» [10, л. 128].

Следующим шагом по реформированию газеты стал перевод ее в статус ежедневной: Преловский, утверждая, что «у читающей публики существует потребность иметь журнал (газету) ежедневно», получил разрешение «выпускать седьмой номер в неделю по той же программе и за ту же годовую плату» (прошение от 19 ноября 1910 года) [10, л. 136].

Однако руководящий состав «Сибирского слова» все еще окончательно не сложился. Редактор А. И. Збукирев 13 января 1911 года уведомил томского губернатора о следующем обстоятельстве:

«Имея необходимость отлучиться временно в течение двух месяцев от исполнения обязанностей моих, как редактора газеты "Сибирское слово", я имею честь покорнейше просить Ваше Превосходительство допустить в качестве редактирования названной газеты помощника присяжного поверенного Василия Дмитриева Маракулина <...> на заместительство г. Маракулина издатель газеты "Сибирское слово" – присяжный поверенный Михаил Иннокентьевич Преловский – согласен» [10, л. 131].

Через три месяца у газеты появился новый редактор, о чем губернатор узнал из следующего заявления М. И. Преловского от 16 марта 1911 года:

«Честь имею заявить Вашему Превосходительству, что обязанности ответственного редактора по изданию мною в г. Томске ежедневной иллюстрированной газеты под названием "Сибирское слово", взамен отказавшегося от редактирования Алексея Ивановича Збукирева с 16 сего марта, принимает на себя Валентин Евгеньевич Воложанин, живущий в Томске. <...> При этом честь имею добавить, что в случае болезни Воложанина и выезда из Томска и т. п. препятствий к осуществлению редактирования временное исполнение его обязанностей в полном объеме буду принимать на себя я» [10, л. 137].

В свою очередь В. Е. Воложанин принятие на себя обязанностей редактора подтвердил [10, л. 139].

Однако сотрудничество М. И. Преловского и В. Е. Воложанина не продлилось долго. 9 декабря 1911 года в Томске вышел первый номер новой газеты «Утро Сибири», которая началась с объявления редактора-издателя В. Е. Воложанина:

«Ввиду возникших разногласий между мною и одним из издателей газеты "Сибирское слово" – В. Т. Молотковским – я от редактирования данной газеты нашел необходимым отказаться. С настоящего числа под моим редактированием будет выходить другая газета "Утро Сибири" по прежней программе и при том же составе сотрудников» (Утро Сибири. 1911. № 1).

Объявление раскрывает участие в «Сибирском слове» В. Т. Молотковского, однако не поясняет, почему в новом издании не нашлось места М. И. Преловскому.

Несмотря на заявление В. Е. Воложанина о верности прежней программе, «Утро Сибири» в действительности не стало ее придерживаться. Как писал инспектор по делам печати в 1913 году, «Утро Сибири» – «оппозиционная газета с оттенком социал-демократическим» [13, л. 350]. «Утро Сибири» издавалось в количестве 2.500 экземпляров [13, л. 350], в то время

как тираж его недавнего предшественника – газеты «Сибирские отголоски» – не превышал 1200 экземпляров [13, л. 67 об].

Новое направление газеты было связано с тем, что ее редактор-издатель был известен как социал-демократ, организатор первого в Сибири марксистского рабочего кружка, а в 1901 году – инициатор и организатор Сибирского социал-демократического союза и Томского комитета этого союза. Газета под руководством В. Е. Воложанина стала заметным явлением в Томске и Сибири начала XX века, но – ничто в ее содержании и концепции не напоминало о том, что в 1906 году она начиналась как «летучий листок» В. А. Долгорукова и В. П. Булыгина.

Таким образом, архивные дела позволяют раскрыть цензурную историю целой «цепочки» периодических изданий, частично связанных авторским составом и программными установками. Начавшись как проект сатирической газеты с карикатурами, газета стала выходить в формате общественно-политического еженедельника «Сибирские отголоски», затем сменила свой типологический статус и концепцию, сохранив прежнего редактор-издателя В. А. Долгорукова. Радикальные изменения в содержании и направлении газеты были связаны с приходом в редакцию новых людей: издателя В. Т. Молотковского, затем – М. И. Преловского, появлением редакторов А. И. Збукирева и В. Е. Воложанина. Дважды сменив название, в итоге газета «Утро Сибири» выходила в свет до 1917 года, прекратив свое существование только в связи со сменой государственного строя.

Необходимо добавить, что в ГАТО хранится ряд дел, которые связаны с темой статьи и требуют дальнейших исследований. Это такие дела, как «Об увольнении от службы и высылке из Томска Воложаниной, члена социал-демократической партии, комитета Сибирского союза» (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 1497); «Документы о наложении взысканий за нарушение обязательных постановлений губернатора на редакцию газеты «Сибирские отголоски», П. В. Фролову, И. И. Яньшина (постановление, протокол, рапорты, справка, переписка» (1908) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 1140); «О выдаче разрешения на право издания в г. Томске газеты под названием «Утро Сибири» (1914 г.) (ГАТО. Ф. 3. Оп. 13. Д. 2101) и др. Работа в архиве раскрывает многие неизвестные ранее страницы из жизни провинциальной периодической печати, расширяя наши знания о становлении системы периодики в российских регионах в дореволюционный период.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Лепилкина О. И.* Система русской провинциальной периодической печати (XVIII – начало XX в.). М.: Илекса, 2010. 364 с.

2. *Шевцов В. В.* Правительственная периодическая печать Сибири (вторая половина XIX – начало XX века). Томск: Изд-во Том. ун-та, 2016. 622 с.
3. *Блохин В. Ф.* Провинция газетная. Государственное управление периодической печатью и становление печатного дела в российской провинции 1830-е – 1870-е гг. Брянск: «Курсив», 2009. 384 с.
4. *Лизунова И. В.* Периодическая печать Новониколаевска-Новосибирска: история становления и функционирования в первой трети XX столетия // 150 лет периодической печати в Сибири: материалы региональной научной конференции, посвященной 150-летию издания в Сибири «Губернских ведомостей» (Томск, 19-20 апреля 2007 г.). Томск: «ТМЛ-Пресс», 2007. С. 97-100.
5. *Смеюха В. В.* Формирование в прессе начала XX в. культурно-рекреативных интересов жителей провинциального города (на материале ростовских газет) // Вопросы теории и практики журналистики. 2014. № 3. С. 36-45.
6. *Сидоров О. Г.* «Сибирская жизнь» о первом якутском журнале «Саха Сангата» // Вестник Северо-Восточного федерального университета им. М. К. Аммосова. 2014. Т. 11. № 4. С. 51-55.
7. *Кузнецова Л. Э.* Взгляды губернских журналистов на российскую повседневность конца XIX – начала XX века (на материалах Владимирской губернии) // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 643-648.
8. *Кузнецова Л. Э.* Взгляды губернских журналистов на российскую повседневность конца XIX – начала XX века (на материалах Владимирской губернии) // Молодой ученый. 2015. № 7. С. 643-648.
9. *Алферова И. В., Блохин В. Ф.* Российская провинция: повседневная жизнь второй половины XIX века (на материалах Брянского уезда) // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянский государственный университет им. академика И. Г. Петровского, Факультет истории и международных отношений, Кафедра отечественной истории. Брянск, 2016. С. 4-33.
10. Государственный архив Томской области (ГАТО). Ф. 3. Оп. 12. Д. 693. 233 л.
11. Всеволод Алексеевич Долгоруков: сборник материалов / сост.: В. М. Костин, А. В. Яковенко, ред. С. С. Быкова; ТОУНБ им. А. С. Пушкина. Томск, 2013. 240 с.
12. Яковлев Я. А. Жил-был поэт // Сибирская старина: Краеведч. альм. - Томск: ТОУНБ им. А.С. Пушкина. 2005. № 23. С. 4-7.
13. ГАТО. Ф. 3. Оп. 12. Д. 735.

Об авторе:

Жилякова Наталия Вениаминовна – доктор филологических наук, доцент, профессор кафедры теории и практики журналистики факультета журналистики Национального исследовательского Томского государственного университета.

**«Я ХОТЕЛ БЫ НАПИСАТЬ О ТОМ, ЧТО ПЕРЕЖИЛ СРЕДИ
СОСНОВЫХ ЛЕСОВ И ВОЛНИСТЫХ ПОЛЕЙ...»
ПУБЛИКАЦИИ К. М. ПОЛИКАРПОВИЧА
В СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ**

А. А. Чубур

Анализируется публицистическая деятельность известного белорусского археолога Константина Михайловича Поликарповича (1889–1963). Выявлено и систематизировано 45 его научно-популярных просветительских публикаций в республиканской, региональной, районной и ведомственной периодической печати. Акцентировано внимание на его работе со СМИ с целью защиты и сохранения историко-культурного наследия Беларуси и Брянской области РСФСР.

***Ключевые слова:** К. М. Поликарпович, белорусская периодическая печать, историко-культурное наследие, научно-популярные публикации.*

В нем соединились недюжинный литературный дар и музыкальный талант (неплохо играл на фортепиано и балалайке). А еще он любил каждый вечер «встречать звезды», как своих «старых знакомых». Но самой сильной была любовь к научным исследованиям. Еще летом 1908 года на родине, в стоящем на реке Ипуть селе Самотеевичи, романтичный, склонный к одиночеству юноша вел записи по истории своего села, об особенностях говора, местных названий – своеобразные этнографические зарисовки. «У меня теперь настроение к науке. Никогда еще не был так ею очарован. Она манит к себе, обещая что-то еще неизвестное...»

В полную силу наукой Константин Михайлович Поликарпович занялся в 34 года, еще не догадываясь, что вскоре его будут считать одним из отцов-основателей национальной белорусской археологической школы. А до этого учительствовал, отшельничал, «работал в разное время на грушах, на кукурузе, у сапожника, на лесопилке». Он помнил сотни русских, латинских и народных названий трав, вел фенологические наблюдения, а присев на маршруте археологической разведки отдохнуть под деревьями, слушал их «печальные разговоры», понятные только ему [60].

Археолог Константин Поликарпович не только вел регулярные полевые исследования и обрабатывал добытые коллекции. Он много писал – частью в научные академические журналы и толстые сборники статей исследователей, частью – «в стол», поскольку в его времена каждая публикация в книге или журнале давалась с трудом, с нервами, с борь-

бой – на все были лимиты, установленные вездесущим советским государством. Но писал он не только в научные сборники. Готовил он и множество просветительских материалов в газеты, журналы, на радио, в Общество распространения научных знаний. Многие из них по информативности и научной новизне не уступали современным им научным статьям, но при этом по стилю изложения были понятны школьнику, доярке, рабочему песчаного карьера.

Слог, уровень и качество написанных любым автором материалов, как правило, определяется не только мерой таланта и эрудиции автора, но и его «послужным списком» читателя. Так вот, читал Константин Михайлович много и постоянно еще с детских лет – и газеты, и журналы, и, конечно, научно-популярную и научную литературу, старательно отмечая в записных книжках с пометками «прочитанное». Даже во время Гражданской войны, оказавшись в местечке Зельцы неподалеку от Одессы, он и там находит и с нескрываемым удовольствием перечитывает старые подшивки журналов «Природа» и «Вокруг света».

Все мирные годы своей жизни Константин Михайлович выписывал множество газет и журналов. Перечислим хотя бы основные издания, не претендуя на полноту: «Литературная газета», «Звезда», «Советская культура», «Літэратура і мастецтва», «Известия», «Советская Белоруссия», «Минская правда», «Знание – сила», «Огонек». Сохранившиеся в личном архиве [59] многочисленными вырезками, сделанными рукой Поликарповича, передают и представление об интересах – они были сходны и в 1920-х, и в 1930-х годах, и после войны, и к концу жизни. [Научный архив Юдиновского краеведческого музея, далее – НА ЮКМ, ф. 1, д. 59. л. 1-110; д. 84, л. 1-35; д. 102, л. 1-58]. Во-первых, конечно, это интересы близкие к профессии: интересные находки, природа, краеведение, новые достижения науки и техники. Во-вторых, – астрономия: многочисленные вырезки заметок о первых шагах по освоению космоса, о солнечных затмениях и падениях метеоритов. В личном архиве оказались даже школьные таблицы по астрономии. Почему-то вырезались и коллекционировались и фельетоны – ныне почти забытый газетный жанр. Отдельным блоком следует выделить искусство в самых разноплановых проявлениях: кино, опера, живопись, проблемы литературы. Не только вырезки, но и его дневники и переписка доказывают, что он был не любителем, а вполне профессиональным искусствоведем, разбирающемся в живописи, архитектуре, театре.

Читать Поликарповича всегда интересно. И говорил он так же как писал: увлеченно, самозабвенно, лекции его содержали массу познавательного материала. Например, во время раскопок стоянки Юровичи на При-

пяти в 1929 г. за месяц были проведены 6 экскурсий для селян и для школьников, лекции на колхозных сходах «Происхождение и развитие человека» и «История мамонта на Земле», а также конференция учителей. Раскопки посетило в общей сложности свыше 3000 человек [60]. Только за период с 1946 до 1950 г. за пять лет Поликарпович прочитал 20 популярных лекций. Несколько раз он рассказывал о древностях и по белорусскому радио (и не в виде интервью, а в особом весьма непростом жанре – радиолекциях [1], например, «Исторические памятники Полоччины».

Всего на настоящий момент автору удалось выявить 44 публикации Константина Михайловича в периодической печати и 1 заметку для стенгазеты Института истории АН БССР. Нельзя исключать, что отдельные заметки могли остаться незамеченными и неучтенными. Часть материалов хранилась в личном архиве К. М. Поликарповича в виде вырезок [НА ЮКМ, ф. 1, д. 111, л. 1-18], с некоторыми работами оказалось возможным ознакомиться и по сохранившимся черновикам, рукописям и их фрагментам [НА ЮКМ, ф. 1, д. 12/7, л. 1-9; д. 28/10, л. 1; д. 103/8, л. 1-6; д. 103/9, л. 1-6].

Учитывая, что основной период деятельности ученого пришелся на сталинский и ранний постсталинский период, когда печатное слово жестко контролировалось, фильтровалось, управлялось и направлялось партийными структурами, удивительна многочисленность опубликованных научно-популярных текстов, а вовсе не малое их число, как может показаться поначалу. А если учесть, что Константин Михайлович был сыном сельского священника, выпускником духовной семинарии и беспартийным человеком, да еще и весьма редко использовал «идеологически правильные» обороты, клише и имена коммунистических вождей и теоретиков (хотя конечно изредка это делать был вынужден), то сорок с лишком статей о древностях в советской, пресыщенной идеологией прессе, должны вызывать не только удивление, но и восхищение.

Впрочем, не будем забывать, что научное просвещение масс все-таки входило в задачи, поставленные коммунистами перед работниками печати. Так, в циркуляре «О программе местной газеты» ЦК РКП(б) указывал на то, что газеты заполняются общими рассуждениями и мало принимают участия в практическом строительстве жизни, дают материал в форме огромных статей с запутанными и непонятными фразами. Указывалось на недостаточную связь с рабоче-крестьянскими массами, с организациями, а также местными учреждениями. Обращая внимание местных партийных организаций на необходимость активизации работы по подъему партийных изданий на соответствующий уровень, ЦК

РКП(б) рекомендовал взять за основу губернским и уездным газетам следующую общую программу, которая соответствовала насущным задачам времени: а) партийная жизнь, б) сельскохозяйственное строительство, в) городское хозяйство, г) фабрично-заводская промышленность, д) народное просвещение, е) красноармейская жизнь [12, с. 67-68]. Вот в рамках пункта «д» собственно и печатались практически все популярные работы, вышедшие из-под пера Константина Михайловича.

Он свободно писал как на русском так и на белорусском языках, не нуждаясь в переводчиках: оба языка были для Константина Михайловича по сути родными. К слову, знал он языков куда больше. В его личном листке по учету кадров от 15 мая 1952 г. указано: «Хорошо: английский, французский, немецкий, польский, латинский, русский, украинский, белорусский, древнерусский, церковнославянский. Слабо: чешский, болгарский, древнегреческий, итальянский, древнееврейский, испанский, казахский, узбекский, литовский, латышский, финский, эстонский» – итого 22 языка, причем разных языковых групп и семей! [60].

Тематика основной части статей и заметок лежит в рамках древней истории и археологии земель Беларуси и сопредельных территорий, где К. М. Поликарповичу доводилось вести свои исследования. Не случайно часть таких материалов носит характер кратких отчетов о результатах экспедиций.

Главным предметом поисков и исследований К. М. Поликарповича был палеолит. С читателями газет археолог достаточно оперативно делился своими открытиями, а открытий у него было немало – две палеолитические стоянки в Беларуси (Бердыж и Юровичи), а также стоянки Елисеевичи, Юдиново и Курово, а также местонахождение Новые Бобовичи в Брянской области (тогда – РСФСР). Это статья в академической многотиражке 1930-х гг. «За пролетарскую науку», два материала на полосах республиканской газеты «Рабочий» [17; 18; 19]. Есть заметка в районной газете «Коммунист» Жирятинского района Брянской области, куда она была направлена прямым путем с экспедиционной базы в Елисеевичах по итогам полевого сезона 1946 г. [22].

В письме от 7 августа 1947 г. редакция Погарской газеты «Колхозная жизнь» просила Поликарповича написать статью о раскопках в Юдиново, что также было им сделано по завершении экспедиции (сама статья, к сожалению, в архивах не обнаружена, но отзывы учителей-краеведов того времени о ней известны). В 1954 г. статьи о поисках следов неандертальцев у деревни Подлужье вышли в республиканской «Звезде» и местной «Гомельской правде» [38; 39]. С итогами раскопок не только поселений охот-

ников на мамонта, но и исследований более поздних эпох, включая Древнюю Русь, археолог знакомил читателей достаточно часто и регулярно. Таких статей можно насчитать как минимум 11 – как в довоенные, так и в послевоенные годы. Среди них следует выделить минимум четыре материала, повествующих о раскопках Минского замчища в конце 1950-х гг. и подготовке к ним [49; 51; 52; 53]. Таким образом, всего выявлено не менее 18 статей экспедиционной тематики.

С точки зрения обывателя, археологи – это «ученые-кладоискатели». Узнать о том, как земля отдала людям очередное сокровище всегда интересно читателю, поэтому статьи о находках кладов всегда приветствовались редакторами газет. У археологов есть свой резон в таких публикациях: очень часто даже «сознательные» (с точки зрения идеологических клише) советские люди, находя в земле древний монетный или вещевой клад, пытались растащить и присвоить его – либо в надежде разбогатеть, либо просто в качестве сувениров «на память». Примеров тому мы имеем тысячи – вспомним хотя бы знаменитый Гапоновский клад древностей антов, серебряный геральдический поясной набор которого пошел первоначально на обивку собачьей конуры во дворе находчика. Гапоновскую находку спасти удалось, а сколько древностей так и не попадает в руки исследователей? Именно поэтому К. М. Поликарпович акцентировал внимание на научной ценности кладов.

Кладам в общей сложности К. М. Поликарповичем посвящено восемь публикаций с 1951 по 1962 годы. Среди них клад арабских дирхемов (более полутора тысяч!) и украшений из серебра из Погорельщины на Березине, находка А. В. Драгуном 80 серебряных монет XVII в. в д. Гребень Руднянского сельсовета, и другие попавшие в музей сокровища [24; 37; 43; 46; 47; 55; 56]. Собственно мечты о кладах свойственны в юности были самому Константину Михайловичу. Вот вспоминает он в дневнике былое время: «Часто эти годы ходил к кургану у Лисьих нор, мечтал о золотом ковше, будто бы там зарытом» [60]. Может быть, эти мечты и были одним из первых его шагов к археологии как науке. Примыкают к группе материалов о кладах заметки о случайных находках древних предметов – каменных топорах эпохи бронзы и неолитическом роговом гарпуне [30; 31; 36; 40; 45].

Не меньший интерес, чем клады и каменные топоры, а подчас буквально детский восторг даже у взрослых людей вызывают и другие находки – огромные кости древних животных, в особенности мамонтов. Таким находкам посвящено шесть публикаций – две в центральной «Звезде» [29; 42] и дублирующая последнюю, заметка в «Гомельской правде», ближе к месту находки [41]. Героем другой группы заметок стал куда более редкий

спутник мамонта – овцебык: случайной находке его черепа весной 1953 г. посвящен материал, с минимальными вариациями опубликованный сразу в трех изданиях – в Гродненской газете «Ленинское знамя» (по месту находки, без фамилии автора) и в центральных белорусских изданиях – «Звязда» и молодежной газете «Чарвоная змена» [32; 33; 34]. Подобные публикации имеют и большую научную ценность – часто они служат опорой при составлении кадастров находок плейстоценовой фауны [58].

Среди несистематизированных публикаций есть биографии историков, похвала краоведам из Пинска, рассказы о древностях разных мест, загадки старинных географических карт [23; 26; 28; 50; 54 и др.].

Не забыл археолог и о самых маленьких и, наверное, самых любознательных читателях – для них были написаны познавательные статьи «Што ў курганах» и «Адкуль з’явіўся агонь» в газете «Піянер Беларусі» [21; 27] и «О чем рассказывают археологические раскопки» в газете «Зорька» [35]. Во «взрослом» журнале «Беларусь» Поликарпович опубликовал расширенный вариант статьи, одновременно напечатанной в пионерской газете – уже под названием «Гісторыя агню» [25]. Школьникам было интересно читать написанное сотрудником Академии наук. Чтобы не быть голословными, сошлемся на письмо, сохранившееся в архиве ученого: ученицы 5 класса Мефедовичивской семилетней школы Нина Тимошук, Оля Базылюк и Аня Иванюк благодарят за материал в газете «Зорька» и просят печатать еще [НА ЮКМ, ф. 1, д. 16/18 л. 9].

Присмотримся пристальней: в каких же изданиях были опубликованы произведения К. М. Поликарповича? Начнем с центральной республиканской прессы.

В газете «Звязда» с 1951 по 1959 г. вышло 13 публикаций К. М. Поликарповича. В настоящее время «Звязда» – единственная белорусскоязычная ежедневная общественно-политическая газета в Беларуси. Она выходила с незначительными перерывами с июля 1917 года в Минске, поначалу на русском языке, как главный пропагандистский рупор большевиков. Во время оккупации белорусских земель кайзеровской Германией, а затем польскими войсками в 1918–1920 гг., редакция перебиралась в Смоленск. С 1925 г. газета стала печататься одновременно на русском и белорусском языках, став органом Минского комитета РСДРП(б), а затем – органом ЦК КП(б) Беларуси. При нацистской оккупации (1941–1944) печаталась в подполье и у партизан. После войны стала органом ЦК компартии, Верховного Совета и Совета Министров БССР [8; 13].

В период с апреля 1945 по февраль 1954 г. «Звязду» редактировал Данила Иванович Драгун. Родился он в 1901 г. в д. Якубовичи Минской гу-

бернии. В 1926 г. окончил Могилевскую совпартшколу, а в 1931 г. Комвуз в Минске, затем находился на партийной работе. После руководства «Звездой», был переведен на пост главного редактора журнала «Коммунист Белоруссии», а в 1959 г. вышел на пенсию [10]. Именно при Даниле Ивановиче и завязалось у Константина Поликарповича сотрудничество с газетой «Звезда» и вышли 5 разноплановых кратких по объему материалов – о монетном кладе, о находках костей мамонта и овцебыка, о найденном в реке неолитическом гарпуне и о старинном рукописном географическом атласе [24; 28; 29; 31; 33].

Еще восемь публикаций К. М. Поликарповича в «Звезде» вышли при новом редакторе – журналисте и историке В. А. Пыжкове в 1954–1959 гг. Это вновь сообщения о находках монетных кладов, костей мамонта, создании местных музеев, а также информация об археологических раскопках в Беларуси в 1954, 1955 и 1957 годах [39; 42; 43; 44; 46; 48; 50; 55]. Сменивший Д. Н. Драгуна на посту главного редактора Василь Андреевич Пыжков (1921–2004), уже три года работал в «Звезде» его заместителем. Родившись в бедной семье из д. Валымер, после школы-семилетки окончил техникум в Могилеве и был направлен селькором в районные многотиражки Мстиславля и Кричева, а затем в могилевскую областную газету. В начале войны при бомбежке Кричева получил тяжелую контузию, был сотрудником областного издания в Уральске. В 1943 г. его вызвали в Москву и назначили заведующим Сельхозотделом, а затем заместителем редактора газеты «Советская Белоруссия». Оттуда он и пришел в «Звезду». В 1967 г. защитил докторскую диссертацию по истории, а с 1969 г. стал профессором Белорусского госуниверситета [13].

В еще одной центральной общественно-политической белорусской газете «Советская Белоруссия» (основана в 1927 г.) в разное время были помещены 7 публикаций Константина Михайловича. Две, датирующиеся 1935 годом, когда газета еще называлась «Рабочий» («Советской Белоруссией» она стала лишь в 1937 г. [4]), были посвящены открытию стоянки охотников на мамонта в Юдиново и раскопкам палеолита в Елисеевичах в Западной области РСФСР (ныне – Брянская область) [18; 19].

В 1947 году исполнялось 70 лет академику Николаю Николаевичу Никольскому, директору Института истории АН БССР и коллеге и другу Константина Михайловича [23]. Именно статья, посвященная юбилею, и открывает послевоенные публикации археолога в «Советской Белоруссии». Статьи, датируемые 1957 и 1962 г. посвящены находкам древностей в Белорусской ССР [45, 56], еще один материал посвящен Пинскому краеведческому музею [50], два материала освещают итоги раскопок 1954 и 1957

годов в Бердыже и на Минском замчище [39; 48]. В настоящее время газета выходит на русском языке под названием «Беларусь сегодня», время от времени в ней публикуются материалы, в которых фигурирует имя белорусского археолога, бывшего одним из авторов издания.

В белорусской молодежной газете «Чырвоная змена» (1921–2002, ныне приложение к «Звязде», до 1925 выходила на русском языке как «Красная смена», затем на белорусском [3]) выявлено всего 2 публикации Поликарповича, вышедшие в 1935 и 1953 годах [20; 32]. Они посвящены археологическим экспедициям 1936 г. и находке черепа овцебыка под Гродно. Две уже упоминавшихся познавательных статьи для детей вышли в свет в белорусскоязычной газете «Піянер Беларусі» в 1940 и 1952 гг. [21; 27]. Еще одна такая статья вышла в 1953 г. в русскоязычной детской газете «Зорька» (издается с января 1945 г.) [6; 35].

В издающемся с 1944 г. республиканском журнале, органе союза писателей БССР «Беларусь», в редколлегии которого состоял и сам К. М. Поликарпович (сохранилась даже часть его редакционной переписки 1947–1948 гг. [НА ЮКМ, ф. 1, д. 48/4, л. 1-3]), им были опубликованы 6 научно-популярных статей на белорусском языке [24; 26; 30; 40; 51; 54]. Обращает на себя внимание материал о памятниках бронзового века, представленных в школьном краеведческом музее, основанном директором Велятичской школы Георгием Шиёнком. Редактором журнала с момента открытия и до 1960 г. был белорусский советский писатель Илья Данилович Гурский (1899–1972) [13].

Работу К. М. Поликарповича и А. М. Лявданского «Да гісторыі жалезнай прамысловасці на Беларусі па даных археалогіі» (Савецкая краіна, 1932. № 5, С. 55–66) нельзя относить, как делают некоторые исследователи, к публикациям в общественно-политической прессе, поскольку журнал «Наш край», ставший в 1930–1933 гг. журналом «Савецкая Краіна», был краеведческим академическим, научным журналом, издававшимся сначала Центральным Бюро краеведения при Институте Белорусской культуры, а затем непосредственно Белорусской Академией наук. Впоследствии его официальным преемником стало также вполне специализированное научное издание – бюллетень «Помнікі гісторыі і культуры Беларусі», выходящий в свет с 1970 г. [5; 9].

Часть научно-популярных публикаций К. М. Поликарповича увидела свет на страницах региональной прессы.

Первой среди таких региональных газет назовем «Полесскую правду» (она же «Гомельская правда»). Это издание выходит с ноября 1917 г. в Гомеле. Вначале название было длиннее: «Известия Гомельского Совета ра-

бочих, солдатских и крестьянских депутатов». В 1919–1920 гг. та же газета фигурировала как «Известия революционного комитета г. Гомеля и уезда», «Известия Гомельского Совета рабочих, крестьянских и красноармейских депутатов», а с №107 – «Путь Советов». Только с мая 1920 г. газету начинают называть «Полесская правда», а в 1930 г., когда она начинает выходить на белорусской мове – «Палеская праўда» [2]. В «Полесской правде» и выходят в 1924 и 1925 гг. две первых в жизни К. М. Поликарповича заметки в периодической печати, в которых он рассказал об итогах своих экспедиций по Сожу (впервые была открыта палеолитическая стоянка на территории Беларуси) и о работе Губернского бюро краеведения [14; 15].

Важно не путать «Полесскую правду» 1920-х гг. с совершенно другой одноименной газетой, возникшей только в 1939 году, после раздела Польши между СССР и Третьим Рейхом. В новоприобретенном советами г. Пинск это издание стало органом временного управления города, а когда 4.12.1939 г. была образована Пинская область, газета стала органом обкома КП(б)Б и облисполкома. До оккупации Пинска нацистами успели выйти 436 номеров [11]. Ко времени появления в Пинске «Полесской правды», гомельская газета стала «Гомельской праўдой». После войны «Гомельская праўда» – орган Гомельского обкома и горкома КПБ, и областного и городского Советов народных депутатов. В 1954 и 1955 гг. в заметках [38; 41] здесь сообщалось о раскопках палеолитического памятника Бердыж и о новой находке костей мамонта под Гомелем.

Единственная статья в Брестской «Заре» в январе 1957 г. практически дублирует на русском языке статью, выпущенную до того на белорусском в республиканской «Звезде», посвященную находке монетного клада в Брестской области [47]. «Заря» на белорусском языке начала выходить с декабря 1939 г., как орган созданных после ввода советских войск Брестского обкома КП(б)Б и облисполкома. Во время германской оккупации издавалась подпольно в урочище Хованщина Ивацевичского района [57]. С 1944 г. выходила на русском и белорусском языках, но постепенно тираж белорусской версии сокращали, и с 1962 г. издание стало печататься исключительно на русском языке.

Наконец, две статьи, посвященные раскопкам Минского замчища были напечатаны К. М. Поликарповичем в «Минской праўде» в 1957 г. Эта газета была основана 1 ноября 1950 г. как орган Минского обкома и горкома КПБ, областного и городского Советов депутатов трудящихся. До того крупнейший регион БССР не имел своего издания, функции его выполняла уже знакомая нам газета «Звезда». «Минская праўда» выходила на белорусском языке [49; 53].

Несколько заметок Константина Михайловича были помещены в районные многотиражки и малотиражные ведомственные издания. Во-первых, это статья «Першабытная стаянка на Крывіне», отданная 21.07.1934 г. в газету «Коммунист Сенненщины» (Сенненский район Витебской области). Номер с вышедшей уже статьей выявить в архивах пока не удалось, но копия рукописи статьи имеется в личном архиве ученого [НА ЮКМ, ф. 1, д. 37/12, л. 1-3]. Во-вторых, это рассказ о раскопках в Елисеевичах в 1946 г. в газете «Коммунист» (Жирятинский район Брянской области РСФСР, ныне газета называется «Жирятинский край») [22]. В-третьих, это перепечатка заметки о находке черепа овцебыка под Гродно в «Ленинском знамени» в мае 1953 г. из республиканской «Звезды», но на русском языке [34]. Это многотиражка Вороновского района Гродненской области, издававшаяся с августа 1944 г. как «Путь социализма», в начале 1950-х переименована в «Ленинское знамя», а ныне выходит под названием «Воранаўская газета». Четвертая статья написана в соавторстве с археологом А. Г. Митрофановым в связи с находкой каменных топоров в с. Велятичи. Она опубликована в местной газете «За коммунизм» в 1954 г. [36]. Наконец, две заметки ученого (одна – в соавторстве с археологом А. Н. Лявданским, впоследствии репрессированным) известны со страниц академической многотиражки «За пролетарскую науку». Обе статьи посвящены результатам экспедиционных исследований в первой половине 1930-х гг. [16; 17].

Несправедливо будет не упомянуть и статью К. М. Поликарповича в стенгазету Института истории АН БССР, «Археологічныя работы 1947 года» посвященная раскопкам в с. Юдиново Брянской области. Ее черновик сохранился в личном архиве ученого [НА ЮКМ, ф. 1, д. 41/13, л. 1]. В ней, между прочим, ученый впервые пишет о существовании в палеолите костно-земляных жилищ, строительным материалом для которых служили кости мамонта. Эта заметка – одно из подтверждений его приоритета открытия и верной интерпретации такого рода объектов.

Константин Михайлович не только публиковался в газетах, как популяризатор научных знаний. Доводилось ему писать туда и гневные письма. В его личном архиве сохранилась копия коллективного письма в редакцию газеты «Правда» – орган ЦК КПСС, по сути дела главной газеты СССР [НА ЮКМ, ф. 1, д. 64/7, л. 1-2]. Письмо, по сути, является протестом части белорусской национальной элиты советского периода – специалистов-историков, археологов, архитекторов и искусствоведов против вандализма, возведенного в ранг государственной политики.

Известно, что политика государства в отношении религиозных конфессий в БССР определялась Постановлением ЦК КПСС от 7 июля 1954 г. «О

крупных недостатках в научно-атеистической пропаганде и мерах её улучшения» [7, с. 502-505] и вытекающим из него Постановлением ЦК КПБ от 28 июля 1954 г. «О состоянии и мерах улучшения научно-атеистической пропаганды в республике». Однако партийное решение вылилось на деле не столько в грамотную (и в принципе нужную) научно-атеистическую пропаганду, сколько в банальный вандализм местных властей в области культуры. Идеологическая борьба была подменена разрушением древних памятников религиозной архитектуры, являвшихся не столько оплотами церкви, сколько уникальным историко-культурным наследием древнерусского и белорусского народов, имеющим мировое значение.

После того, как в Витебске в 1957 г. был взорван Николаевский собор (построен в 1644 г. орденом иезуитов), уничтожено здание городской ратуши в Могилёве и ряд других исторических и культурных объектов, в редакцию газеты «Правда» было направлено гневное коллективное письмо с заголовком «В Белоруссии разрушают памятники культуры». Письмо подписали: В. Н. Перцев (1877–1960) – академик, заведующий кафедрой истории Средних веков Белорусского госуниверситета, депутат Верховного Совета БССР; К. М. Поликарпович (1889–1963) – кандидат исторических наук, заведующий отделом археологии Института истории АН БССР; И. И. Володько (1895–1984) – белорусский архитектор, кандидат архитектуры; М. С. Кацер (1906–1995) – историк искусствоведения, доктор искусствоведения, профессор; А. Я. Митянин (1918–1992) – кандидат архитектуры, сотрудник АН БССР; В. И. Нефёд (1916–1999) – заведующий сектором искусства в Институте литературы и искусства АН БССР, театровед; В. Р. Тарасенко (1899–1972) – кандидат исторических наук, ведущий сотрудник отдела археологии Института истории АН БССР; Н. Л. Тарасиков (1908–1965) – живописец.

Увы, это воззвание не было опубликовано и не возымело действия против осуществления «генеральной линии партии»: уже после обращения в «Правду» архитектурное и историческое наследие на территории Беларуси продолжили варварски уничтожать. В 1961 г. коммунистами был взорван в Витебске один из древнейших храмов – Благовещенская церковь XII века. В этом же году был разрушен и храм Пречистой Божьей Матери в Гродно («Фара Витовта»).

Подведём итоги. В настоящее время, будучи избалованными массой вариантов публикации результатов исследований, мы недооцениваем значение археологических публикаций в газетах 1920–1930-х гг. Зачастую, авторы относились к ним не менее серьезно, чем к публикациям в научном сборнике. Порой иной возможности, чтобы обнародовать свои исследования попросту не было. Каждая книга по археологии была событием (Бела-

русь в этом осуществила настоящий прорыв в 1920-х гг., завершившийся, правда, через десятилетие трагически – многие авторы книг Института Белорусской Культуры отправились кто в лагеря, а кто и в небытие, на расстрельные полигоны).

В наше время, когда ежегодно выходят десятки сборников археологических статей на территории бывшего СССР, когда оперативно появляются публикации в Internet, трудно понять исследователей, отделенных от нас менее чем столетием. Быть может потому и вызывает у нас ехидную, но совершенно несправедливую усмешку, к примеру, фраза академика Бориса Рыбакова о том, что результаты раскопок древнерусского города Вщижа, проведенных в 1940 г. были опубликованы... в газете «Пионерская правда».

Есть и обратная сторона медали: любая такого рода публикация в периодической печати (имея в виду общедоступные газеты и журналы, а не малотиражную академическую периодику) по сути дела работает на популяризацию научных знаний, а зачастую и на дело сохранения историко-культурного наследия. Многие ли современные исследователи могут сказать, что они вышли за рамки «чистой науки» и поделились своими мыслями и результатами работы с обывателем? И стоит ли после этого удивляться разгулу кладоискательского вандализма на археологических памятниках, бездушию строителей, сносящих городища и курганные группы при прокладке дорог и трубопроводов, легкости проникновения в умы разнообразных псевдоисторических лжеучений? Именно поэтому 44 публикации К. М. Поликарповича в прессе, вкупе с его лекциями по радио и общением с народом непосредственно на раскопах – весомый вклад в историческое просвещение населения.

Напомню слова из юношеского дневника будущего ученого, не догадывавшегося, что пишет он их, в общем-то, про самого себя: «Великий человек велик во всякой области, к которой он прикасается».

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бернштейн С.* Языковая сторона радиолекции // Речевое воздействие. Проблемы прикладной психолингвистики. М., 1972. С. 121-123.
2. «Гомельская праўда» // Энцыклапедыя гісторыі Беларусі: У 6 т. Гімназіі – Кадэнцыя / БелЭн; Рэдкал.: Г. П. Пашкоў (гал.рэд.) і інш. Мн.: БелЭн, 1996. Т. 3. С. 72.
3. *Дзядзюля А.* Адлік дзясяткамі (да 90-годдзя газеты "Чырвоная змена")

- // «Звязда». 2011. 21 октября. Приложение «Чырвоная змена». С. 1-2.
4. *Зубченок Н.* От «Рабочего до «Советской Белоруссии»: из истории первого десятилетия газеты // Журналістыка-2010: стан, праблемы і перспектывы. Матэрыялы 12-й Міжнароднай навукова-практычнай канферэнцыі (8–9 снежня). Мінск, 2010. С. 239-243.
 5. *Кісялёў У.* Наш папярэднік // Помнікі гісторыі і культуры Беларусі. Мн.: Полымя. 1985. № 4. С. 36-37.
 6. *Костюкевич А.* Свет любимой «Зорьки» [Газете «Зорька» – 70 лет!] // Беларусь сегодня. 2015. № 8 (24638). 16 января.
 7. КПСС в резолюциях и решениях съездов, конференций и пленумов ЦК. М., 1971. Т. 6. 528 с.
 8. *Кузнецов И. В., Фингерит Е. М.* Газетный мир Советского Союза. 1917–1970 в 2-х т. Т. 2.: Республиканские газеты. Научно-статистический обзор. М.: МГУ, 1976. 357 с.
 9. *Ліс А.* «Наш край» // Белорусская Энциклопедия ў 18 т. Мн., 2000. Т. 11.
 10. *Михайлов В.* Время и строки // Беларусь сегодня. 2004. № 141 (22051). 28 июля.
 11. О газете: историческая справка // Массово-политическая газета Пинского района «Полесская правда». URL: http://www.pinsknews.by/?page_id=2 (дата обращения 12.03.2016).
 12. О партийной и советской печати, радиовещании и телевидении [Сборник документов и материалов]. М.: Наука, 1972. 478 с.
 13. Перыядычны друк Беларусі. Мн.: БСЭ, 1981. 223 с.
 14. *Палікарповіч К. М.* Работа губбюро краеведения // Полесская правда. 1924. № 230. 10 октября.
 15. *Палікарповіч К. М.* Угасшая культура // Полесская правда. 1925. № 93. С. 3.
 16. *Палікарповіч К. М.* Папярэднія вынікі археалагічнай экспедыцыі на р. Зах. Дзвіну // За пролетарскую навуку. 1933. № 16(33). 29 октября (в соавторстве с А. Н. Лявданским).
 17. *Палікарповіч К. М.* Адкрыты новыя стаянкі першабытнага чалавека. Работы экспедыцыі сэкцыі археалогіі БелАН // За пролетарскую навуку. 1934. 29 октября.
 18. *Поликарпович К. М.* Стоянка человека четвертичной эпохи [открытие в Юдиново] // Рабочий. 1935. № 99. 6. Мая. С. 4.
 19. *Поликарпович К. М.* Стоянка людей ледникового периода [о работе в Елисеевичах] // Рабочий. 1935. № 257. 21 ноября. С. 4.
 20. *Палікарповіч К. М.* Дзве археалагічныя экспедыцыі БелАН // Чырвоная змена. 1935. № 252. 17 ноября.
 21. *Палікарповіч К. М.* Што ў курганах // Піонер Беларусі. 1940. № 6.
 22. *Поликарпович К. М.* Археологические раскопки в дер. Елисеевичах Жирятинского района // Коммунист. 1946. № 67(356). 5 сентября. С. 2.
 23. *Поликарпович К. М.* Николай Михайлович Никольский (к 70-летию со

дня рождzenia и 45-летию научно-педагогической деятельности) // Советская Белоруссия. 1947. № 226(5166). 12 ноября.

24. *Палікарповіч К. М.* Буйны скарб манет // Звязда. 1951. № 207. 13 января.
25. *Палікарповіч К. М.* Гісторыя агню // Беларусь. 1952. № 6.
26. *Палікарповіч К. М.* Старожытная карта Беларусі // Беларусь. 1952. № 6.
27. *Палікарповіч К. М.* Адкуль з'явіўся агонь // Піонер Беларусі. 1952. № 15. 10 апреля.
28. *Палікарповіч К. М.* Стародаўні географічны атлас // Звязда. 1952. № 107. 7 мая. С. 3.
29. *Палікарповіч К. М.* Знаходка касцей маманта // Звязда. 1952. № 209.
30. *Палікарповіч К. М.* Прылады першабытнага рыбалоўства // Беларусь. 1953. № 1. С. 32.
31. *Палікарповіч К. М.* Стародаўняя прылада // Звязда. 1953. № 161. 29 февраля. С. 2.
32. *Палікарповіч К. М.* Цікавая палеанталагічная знаходка // Чарвоная змена. 1953. № 85(100). 23 мая. С. 4.
33. *Палікарповіч К. М.* Рэшткі жывелы ледніковага перыяду // Звязда. 1953. № 113. 15 мая.
34. *Поликарпович К. М.* Интересная находка // Ленинское знамя. 1953. № 41(291). 23 мая.
35. *Поликарпович К.* О чем рассказывают археологические раскопки // Зорька. 1953. 3 июля.
36. *Палікарповіч К. М., Митрофанов А. Г.* Цікавая знаходка ў Вяляцічах // За коммунизм. 1954. № 43. 9 апреля.
37. *Поликарпович К. М.* Ценные археологические находки // Советская Белоруссия. 1954. № 143. 18 июня.
38. *Палікарповіч К. М.* Археалагічныя знаходкі // Гомельская правда. 1954. № 169. 22 сентября.
39. *Палікарповіч К. М.* Археалагічныя раскопки ў Беларусі // Звязда. 1954. № 259. 31 октября.
40. *Палікарповіч К. М.* Старажытнасці Беларусі [находкі в Велятичах Борисовского р-на] // Беларусь. 1954. № 12.
41. *Палікарповіч К. М.* Цікавая археалагічная знаходка [о находке костей мамонта] // Гомельская правда. 1955. № 44. 2 марта. С. 4.
42. *Палікарповіч К. М.* Знаходка рэшткаў маманта // Звязда. 1955. 8 марта. С. 3.
43. *Палікарповіч К. М.* Скарб старадавніх арабских монет // Звязда. 1955. № 114. 15 мая.
44. *Палікарповіч К. М.* Археалагічныя раскопки // Звязда. 1955. № 269. 13 ноября. С. 3.
45. *Поликарпович К. М.* Находки древности // Советская Белоруссия. 1957. № 23(7810). 27 января.
46. *Палікарповіч К. М.* Скарб старажытных манет // Звязда. 1957. 6 января.

47. *Поликарпович К. М.* Клад древних монет // *Заря*. 1957. 20 января.
48. *Палікарповіч К. М.* Археалагічныя экспедыцыі // *Звязда*. 1957. 2 июня. С. 3.
49. *Поликарпович К. М.* Раскопки Минского Замчища // *Минская правда*. 1957. № 153(1742). 3 августа.
50. *Поликарпович К. М.* Полезное начинание // *Звязда*. 1957. май (номер не установлен).
51. *Поликарпович К. М.* Территория района Минска в эпоху первобытно-общинного строя // *Беларусь*. 1957 (номер не удалось уточнить).
52. *Поликарпович К. М.* Археологические раскопки в Белоруссии в 1957 г. // *Советская Белоруссия*. 1957. Сентябрь.
53. *Палікарповіч К. М.* Археалагічныя даследаванні 1957 года // *Минская правда*. 1957. № 180. 10 сентября. С. 4.
54. *Палікарповіч К. М.* Старажытныя пасяленні на Беларусі // *Беларусь*. 1958. № 5. С. 31.
55. *Палікарповіч К. М.* Старажытныя скарбы // *Звязда*. 1959 (номер точно не установлен).
56. *Поликарпович К. М.* Редкая находка // *Советская Белоруссия*. 1962. 5 верасня.
57. *Суцько П. П.* Признание ў любові роднай газеце. Памяць: Гіст.-дакум. хроніка Брэста. У 2 кн. Мн.: БЕЛТА, 2001. Кн. 2. С. 597-598.
58. *Чубур А. А.* Система человек-мамонт в бассейне Десны (культурная адаптация в верхнем палеолите). Курск, 1993. 60 с.
59. *Чубур А. А.* Завершена обработка личного архива археолога К. М. Поликарповича // *Отечественные архивы*. 2005. № 2. С. 135-136.
60. *Чубур А. А.* Константин Михайлович Поликарпович. Жизнь, открытия, ученики. Сер. Люди белорусской науки. Минск: Белорусская наука, 2009. 216 с.

Об авторе:

Чубур Артур Артурович – кандидат исторических наук, профессор РАЕ, доцент кафедры отечественной истории Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

ЦЕНЗУРНЫЕ ВЗЫСКАНИЯ КАК ИНСТРУМЕНТ ГОСУДАРСТВЕННОЙ ПОЛИТИКИ В ОТНОШЕНИИ РОССИЙСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1865–1880-е гг.

В. А. Ромащенко

В статье рассматриваются особенности развития законодательства о печати в России, после принятия закона 6 апреля 1865 г., заимствовавшего важнейшие положения в этой сфере из французских средств контроля за прессой, времен второй империи. Ставится задача выяснения причин возникновения сложных и постоянно изменяющихся цензурных регламентаций, степени их эффективности.

Ключевые слова: *Органический декрет, закон 6 апреля 1865 г., цензура, периодическая печать, предварительная цензура, карательная цензура, предостережения, Главное управление по делам печати, свобода печати.*

В 1865 г. после длительного обсуждения и проволочек были утверждены «Временные правила о печати», просуществовавшие, несмотря на заявленную «временность», почти 40 лет [1, с. 397-406]. Система административных взысканий, вводимых в новом законе, была заимствована у Франции времен Наполеона III. Принятые там декреты 17 (известен под названием «Органический декрет») и 23 февраля 1852 г. регулировали положение печати до 1868 г.

Цель настоящей работы – рассмотреть особенности развития законодательства о печати в России после принятия закона 6 апреля 1865 г. и выяснить новые возможности контроля за средствами информации, полученные царской администрацией. Вопрос об эффективности применяемых цензурных законов в стремительно изменявшихся условиях, является одним из ключевых в оценке взаимоотношения печати, цензуры и общества. От его решения во многом зависел ход общественного развития страны во второй половине XIX в.

Одна из первых статей, посвященных анализу отмененного, наконец, в 1905 г. законодательно утвержденного положения, с иронией отмечала: «Мы первые взяли за пересадку цензурных порядков второй империи на родную почву. Раньше были сделаны такие же попытки в некоторых западноевропейских государствах, например, в Пруссии, в Австрии. Общим для

всех этих государств было то, что в них «по существующим условиям невозможно было восстановить цензуру предварительную, но вместе с тем являлось желание *приблизиться* к ней как можно более» [2, с. 119].

Примечательно, что даже на родине этого закона во Франции, утвержденные в 1852 г. положения, просуществовали неполных шестнадцать лет. Иная судьба ждала цензурное изобретение второй империи в России. Этот законодательный шаг, направленный на ужесточение контроля за печатью, сопровождавшийся единовременным закрытием 11 неугодных Наполеону III ежедневных газет, «у нас был сделан и официально истолковывался в качестве переходной меры к освобождению печати от цензурной опеки»: «Желая дать отечественной печати возможные *облегчения и удобства* (*курсив мой. – В. Р.*), – говорилось в высочайшем указе 6 апреля 1865 г., – мы признали за благо сделать в действующих цензурных постановлениях, при настоящем переходном положении судебной у нас части и впредь до дальнейших указаний опыта, нижеследующие перемены и дополнения» [3, с. 396].

Из французского цензурного законодательства были заимствованы все ключевые положения. Органический декрет, прежде всего, отменял свободу основания периодических органов печати. Как и во второй империи, где требовалось разрешение правительства (министра полиции) для начала издания газеты или журнала и для назначения ответственного или главного редактора, в России по новому закону для основания периодического издания требовалось специальное разрешение министра внутренних дел. Проситель должен был обязательно указать название, программу издания, сроки выпуска и подписную цену. Необходимо было также заявить издателя и ответственного редактора, их место жительства, сообщить, где точно издание будет печататься, приложить согласие типографа и заявление ответственного редактора. Любое изменение программы, названия, подписной цены, места издания требовало специального разрешения [1, с. 398].

На основе французского законодательства устанавливалась сумма залога для издания ежедневной газеты. Россия еще в большей степени преуспела в использовании этой финансовой меры для ограничения возможностей появления новых органов печати, которые претендовали в соответствии с законом от 6 апреля 1865 г. на право выхода в свет без предварительной цензуры. Была введена система залогов от 2,5 до 5 тысяч рублей (за ежедневную газету) [1, с. 399]. Такую значительную по тем временам сумму издатель должен был внести в казну. Залоговая система формально являлась гарантией уплаты штрафа издателем в случае наложения денежного взыскания на его журнал или газету. В случае назначения штрафных

санкций деньги изымались, а хозяин периодического издания должен был в определенный срок восполнить общую сумму [4, с. 96].

Однако на самом деле назначение залога служила, в первую очередь, ограничению в учреждении новых изданий, поскольку по действующим тогда в России законам максимальная сумма штрафа за проступки в печати составляла 500 рублей, а внести столько денег в виде залога могли только состоятельные люди.

Так, за отсутствие имени издателя, ответственного редактора и типографии, а также подписной цены полагался штраф «не свыше 25 рублей за каждый номер, книжку или выпуск» [1, с. 400]. Сумма не могла стать значительной из-за того, что таких экземпляров накопилось бы много, поскольку были определены жесткие сроки представления изданий в цензурные комитеты (одновременно с началом печати). За непредоставление экземпляров в срок предусматривался штраф «не свыше ста рублей» [1, с. 400]. «За непомещение в повременном издании: ежедневном – через три дня, а еженедельном или месячном – в следующем номере, судебного определения или административного предостережения», а также опровержений или исправлений, предусматривался штраф в 25 рублей за периодическое издание, выходящее чаще раза в месяц и 100 рублей – раз в месяц или реже [1, с. 400].

Более суровые наказания были определены в разделе IV «О суде в делах печати». Здесь взыскания предусматривались за напечатанные «оскорбительные и направленные к колебанию общественного доверия отзывы о действующих в империи законах или о постановлениях и распоряжениях правительственных и судебных установлений», возвания в печати, «возбуждающие вражду одной части населения государства против другой, или одного сословия против другого», «прямое оспаривание или порицание в печатных изданиях начал собственности и семейного союза». Не позволялось без специального разрешения обнародовать постановления дворянских, городских и земских собраний, сведений о «частном или должностном лице», наносящих вред их чести достоинству или «доброму имени», злословие, брань «без указания определенного позорящего обстоятельства» [1, с. 404-405].

За все эти проступки предусматривался штраф от 300 до 500 рублей, но не выше этих сумм. В случае же совокупности преступлений, наказания не складывались (не присоединялись друг к другу). Сколько бы нарушений не совершил редактор журнала или газеты, максимальный штраф не превысил бы те самые 500 рублей [5, с. 52-53].

В конце 1860-х – начале 1880-х гг. в России был принят ряд дополнительных положений, направленных на ограничение действовавших «Временных правил о печати». Здесь также был учтен опыт французского зако-

нодательства, предусматривавшего передачу всех правонарушений, совершаемых при помощи печати, от суда присяжных ведению судов исправительной полиции, уничтожив тем самым одну из основных гарантий независимости прессы.

В августе 1866 г. Петербургский окружной суд вынес оправдательный приговор по делу Ю. Г. Жуковского и А. Н. Пыпина, преданных суду за статью в «Современнике» под названием «Вопрос молодого поколения» (первый был автором статьи, а второй – редактором журнала). Главное управление по делам печати в июне 1866 г. обвинило обоих «в оскорблении, нанесенном означенною статьею чести и достоинству всего дворянского землевладельческого сословия» [6, с. 151]. После оправдания обвиняемых в первой инстанции «по отсутствию в вышеупомянутой статье обстоятельств, могущих повредить чести и достоинству дворянского сословия», в октябре 1866 г. решение суда было отменено Петербургской судебной палатой, которая вновь оправдала Пыпина и Жуковского по основным обвинениям, но присудила их к трехнедельному аресту на гауптвахте и к денежному взысканию в 300 рублей, поскольку они были признаны виновными «в помещении в периодическом издании статьи, заключающей в себе противную благопристойности брань относительно лиц дворянского сословия» [7].

После этого и других оправдательных приговоров по делам, возбужденным Главным управлением по делам печати против авторов и издателей, российское правительство также изъяло дела этого рода из ведения судебных палат. По закону от 7 июня 1872 г. они были переданы на рассмотрение одного из высших органов государственного аппарата империи – Комитета министров, который получил право запрещать издание без судебного преследования [8, с. 815-817]. Тем самым практически сводились на нет льготы, о которых объявлялось столичной печати законом 1865 г.

Наконец, ключевым нововведением Органического декрета было внедрение системы предостережений. Речь шла именно о нововведении, поскольку первоначальная попытка собрать воедино уже существовавшие цензурные законы натолкнулась на резонный аргумент, сводившийся к тому, что эти ограничения, существуя в прошлом, уже показали себя не вполне состоятельными: печать сумела к ним приспособиться, да и у власти возникли новые задачи и цели.

Представляют интерес рассуждения по этому поводу известного публициста и литературного критика Д. И. Писарев, который посвятил специальную статью положению печати во Франции и проблемам свободы слова: «...правительство желает обузывать, а не наказывать. Ему важно,

чтобы мысль не распространялась в обществе, а не то, чтобы мыслитель посидел в тюрьме или заплатил штраф. Процесс, тюрьма, штраф – всё это лишняя огласка, всё это нарушает дремоту общества, которую правительство старается поддержать во что бы то ни стало. Поэтому карательная система не удовлетворяет требованиям французского правительства. Возвратиться к предупредительной системе оно как-то совестится; вероятно, ему памятно то впечатление, которое постоянно производило на французское общество учреждение предупредительной цензуры; памятно и то обстоятельство, что Людовик-Филипп, вступая на престол, торжественно обещал нации, что цензура никогда не будет восстановлена» [9, столб. 490].

Петербургская газета «Голос», вскоре после вступления аналога французского закона в России, отметила еще одну немаловажную его черту: «...литературная собственность оказывается изъятою из общего права. Во всех странах, по всем законам никто не может быть лишен собственности без суда: никто не может отнять у вас вашего дома, вашего поля, вашей коммерческой конторы или лавки, а между тем, во Франции, правительство имеет право безнаказанно и бесконтрольно уничтожить ваш журнал, т. е. источник ваших доходов, средство к вашему существованию...» [10].

Принципиальным новшеством Органического декрета было то, что при формальной возможности говорить о чем угодно, издания становились сами себе цензорами, поскольку опасались предостережений, т. к. третье из них влекло за собой почти неминуемую приостановку. В будущей российской практике неоднократно были случаи, когда та или иная газета и журнал буквально из-за пустяковых придировок получали за короткий промежуток времени два предупреждения от министра внутренних дел и затем годами, опасаясь приостановки, по всякому поводу проявляли осторожность. Редакторы и издатели сами сдерживали смелость своих журналистов. При этом выданные предупреждения не имели срока давности.

Редким исключением были действия правительства в мае 1872 г., когда в честь 200-летия со дня рождения Петра I по предложению министра внутренних дел предостережения были сняты с тех изданий, которые подверглись этому взысканию до 30 мая 1871 г., а 16 декабря 1877 г. предостережения были сняты со всех изданий, имевших взыскания (с 13 газет и 2 журналов), в связи с успехами России в русско-турецкой войне и 100-летней годовщиной со дня рождения Александра I, ну а главное, благодаря тому патриотическому подъему, которым характеризовались в своем большинстве средства печати в этом году [11, с. 31].

По закону 6 апреля 1865 г. правом выхода без предварительной цензуры пользовались печатавшиеся в Санкт-Петербурге и Москве газеты и журналы, издатели которых получают соответствующее разрешение, все оригинальные сочинения объемом не менее 10 печатных листов на русском, и не менее 20 на иностранных языках. Освобождались от предварительной цензуры и все издания правительственные, академий, университетов и научных обществ, публиковавшиеся на древних классических языках. В случае отклонения от требований закона, освобожденные от предварительной цензуры издания подвергались судебному преследованию. Периодическая печать за «вредное направление» подлежала административным взысканиям по особым правилам.

В журнале заседаний Совета Главного управления 9 сентября 1865 г. было отмечено, что административные взыскания необходимо налагать в тех случаях, когда «не предвидится успеха в судебном направлении дела, по неопределительности и неуловимости нарушения закона» и когда наказание должно последовать немедленно [12, д. 1, л. 73 об.-74]. Однако чиновники цензурного ведомства, со всей очевидностью, проявили недостаточное понимание разницы между тем, в чем они видели определенную, специфически ими понимаемую опасность высказанных в печати мыслей и идей и теми действиями, которые судебный процесс, установленный новыми Судебными уставами 1864 г., мог бы признать «незаконными». Требования уголовного преследования представителей печати были обречены на неудачу из-за недостаточности оснований.

Характерно, что действие закона распространялось только на Санкт-Петербург и Москву, поскольку в провинции было достаточно своих собственных возможностей для контроля за местной печатью. Обвиненные во «вредном направлении» издания не имели возможности собственного оправдания перед вынесением им административного взыскания, лишены они были и права его последующего обжалования. Статья 145 «Устава о цензуре и печати» гласила: «Повременное издание, подвергнутое предостережению, обязано напечатать его в главе первого, имеющего после того выйти в свет номера, без всяких изменений или возражений» [13, с. 110].

Первыми периодическими изданиями, воспользовавшимися новым законом, который начал действовать с 1 сентября 1865 г., были «С-Петербургские ведомости» В. Ф. Корша и «Голос» А. А. Краевского, которые, по всей видимости, усматривали для себя положительные начала в цензурных изменениях. Подтверждением служит передовая статья «С-Петербургских ведомостей» от 4 сентября 1865 г. утверждавшая, что «кре-

постная зависимость наша от цензуры, от личной воли и личного усмотрения постороннего лица кончилась» [14].

«Голос» в своей передовой статье также был полон оптимизма: «Нам нечего скрывать чувства радости... радость наша не выразится шумно, не скажется фейерверочными шумихами, именно потому, что эта радость искренняя, глубокая, – писал А. А. Краевский. – Мы приступаем к более свободной деятельности не с тем детским восторгом, какой ощущает школьник, выходя из училища, с намерением забыть уроки, разорвать связь с только что прошедшим... Мы не скажем даже, что для нашей прессы настает новая эра, эра возрождения...» [15]. В тот же день министр внутренних дел П.А. Валуев сделал примечательную запись в своем дневнике: «Замечателен лакейский тон» [16, с. 66].

Газета «Голос» позднее отмечала, что в то время почти все бесцензурные номера газет начинались «благодарностью правительству за данное печати облегчение», но одновременно с этим в них стали появляться рассуждения «о таких вещах, о которых прежде и упоминать считалось неудобным» [17]. Именно по этому первое предостережение газете «С-Петербургские ведомости» было выдано уже 20 сентября 1865 г. за полемическую статью в № 243, адресованную правительственной «Северной почте». Публикация в газете вызвала всеобщее внимание тем, что по ней можно было хотя бы частично судить о том, что понимается властью под загадочным определением «вредное направление».

В феврале 1868 г. министр внутренних дел П. А. Валуев подготовил записку «О положении дел печати» [18, д. 104, л. 72-93 об.]. К этому времени прессе уже было выдано около 30 предостережений. В представленном вниманию Александра II документе министр сетовал на новый цензурный закон, принятый в 1865 г.: «...характер закона как будто изменил свой вид и принял свойства узаконения льготного, расширяющего права печати, между тем как прямой повод к его изданию и прямая цель его составления заключалась в необходимости вооружить правительственную власть теми предохранительными, оборонительными и репрессивными средствами, которых она уже не находила в прежних цензурных узаконениях» [18, д. 104, л. 75]. П. А. Валуев также утверждал, что прессу устраивала ответственность по суду, так как она научилась объясняться с читателями при помощи «оговорок или недоговорок», а суд «не имеет права догадываться» [18, д. 104, л. 75].

К моменту написания записки уже появились законодательные новшества, вызванные практикой реализации «Временных правил»: 17 октября 1866 г. редакциям периодических изданий, подвергшимся приостанов-

ке, запрещалось издавать и выдавать подписчикам отдельные сочинения, переводы или сборники от имени этой же редакции. Поводом к принятию закона послужила попытка редакции «Русского слова» во время приостановки журнала бесплатно выдать подписчикам сборник «Луч», в двух томах которого содержался материал четырех номеров журнала [19, с. 397]. Закон от 13 июня 1867 г. устанавливал, что постановления, отчеты и прения в дворянских, земских и городских собраниях, а также выступления их участников могли быть опубликованы в печати только с разрешения губернского начальства [20, с. 898-899].

В бытность Главного управления по делам печати при министре А. Е. Тимашеве, а это почти десять лет, – с марта 1868 по конец ноября 1878 гг., – политика в отношении печати носила преимущественно карательный характер, исчезли подробные объяснения причин, по которым были выданы предостережения. Более того, по воспоминаниям известного публициста и редактора Г. К. Градовского, «административных взысканий с печати не только не объяснялись, но их тщательно скрывали от ближайше заинтересованных лиц – редакторов и издателей... это считалось праздным любопытством и неуместным притязанием на проникновение в бюрократические виды и соображения» [21, с. 110]. Министерство внутренних дел старалось максимально освободиться от необходимости объяснения своих действий в отношении тех или иных органов печати.

К новшествам этого времени в сфере цензуры и печати можно отнести закон от 14 июня 1868 г., предоставивший министру внутренних дел право запрещать розничную продажу периодических изданий, оказывавшее влияние на финансовое положение издательств [22, с. 805]. При возможности приобретать читателей при помощи только одной подписки, газеты и журналы теряли тиражи за счет покупателей издания в людных местах. Уменьшение распространяемых тиражей в свою очередь сказывалось на денежных поступлениях от рекламы и объявлений.

Одной из действенных мер воздействия являлся запрет на обсуждение в печати различных вопросов. Вслед за законом от 13 июня 1867 г. был принят закон от 30 января 1870 г. [23, с. 125-126], запрещавший оглашение фактов, обнаруженных дознанием или предварительным следствием до судебного заседания или прекращения дела, а закон от 4 февраля 1875 г. [24, с. 114] запрещал обнародовать материалы закрытых судебных процессов. По закону от 16 июня 1873 г. министр внутренних дел получил право изымать на неопределенный срок из обсуждения в печати темы, признанные правительством неудобными. Издатели получали циркуляры, запрещающие им касаться определенных вопросов [25, с. 859-860].

Законом от 19 апреля 1874 г. была прекращена попытка издателей, освобожденных от цензуры, избавиться от разорительного печатания тиража книг, в случае налагаемого на них запрета. Они пробовали сделать лишь несколько экземпляров для предоставления их в цензуру, а весь тираж печатали позже, после цензурного разрешения. По новому закону в цензурный комитет можно было обращаться только после производства всего тиража, когда набор был бы разобран. Таким образом, при запрещении книги издатель нес значительные убытки [26, с. 667-668].

Еще один закон от 5 сентября 1879 г. предусматривал особое право министра внутренних дел на запрет помещения частных объявлений в периодическом издании на срок от двух до восьми месяцев [27, с. 87].

Приостановка после трех предостережений была дополнена законом от 27 августа 1882 г., в т. н. «Временных правилах для периодических изданий», просуществовавших, несмотря на свою «временность» до 1905 г. Согласно этому закону, редакции изданий (выходящие не реже одного раза в неделю), возобновленных после временной приостановки, должны были каждый номер представлять в цензурный комитет не позднее 23-х часов накануне дня выхода в свет, хотя они и считались освобожденными от предварительной цензуры. Цензорам разрешалось приостанавливать выпуск этих изданий без возбуждения судебного преследования против виновных. Срок действия наказания зависел от министра внутренних дел.

Таким образом, после приостановки, газеты как бы вновь подчинялись предварительной цензуре, да еще ставились в тяжелые условия, так как после 23-х часов никакие материалы уже не попадали в номер, и издание теряло оперативность в освещении событий. Редакции также обязаны были по требованию министра внутренних дел сообщать звания, имена и фамилии авторов статей, печатаемых в изданиях [28, с. 390].

Вопрос о совершенном прекращении или о приостановке периодических изданий решала специально созданная Верховная комиссия по печати, состоявшая из министров внутренних дел, народного просвещения, юстиции, обер-прокурора Синода и руководителя ведомства, возбудившего рассматриваемый вопрос. Это совещание четырех министров имело право лишить редактора и издателя возможности когда-либо в будущем редактировать или издавать другой периодический орган [29, с. 391]. Наказание, которое раньше могло быть наложено только по суду, было переведено в разряд административных взысканий. Закон распространялся на все периодические издания, а новые нормативные акты сузили границы гласности, расширили комплекс экономических мер воздействия на пе-

чать, изъяли дела о средствах информации из ведения суда и передали их в полное распоряжение администрации.

Таким образом, новая цензурная система, связанная с практикой предостережений, должна была заменить старую, предварительной цензуры, которая оказалась устаревшей, применительно к столичной печати. Правительство, напуганное расширением влияния на умы читателей радикальной публицистики 1860-х гг., посчитало возможным пойти на некоторые уступки прессе.

По словам Д. И. Писарева, правительство Наполеона III изобрело систему, чрезвычайно удобную для администрации и «невыносимо тяжелую для писателей. «Выгоды чисто карательной системы заключаются для писателей в том, что они, рискуя или жертвуя собою, могут пустить в ход самую смелую идею. Выгода чисто предупредительной системы заключается также для писателей в том, что они, по настоящему, ни за что не отвечают и ничем не рискуют. Система Наполеона отнимает у писателей выгоды обеих систем; писатель за всё отвечает и, не смотря на то, ничего не может провести в общество помимо воли правительства» [9, столб. 490]. Российская практика, вытекавшая из заимствованного цензурного законодательства во Франции, полностью подтвердила на первых порах эффективность таких способов воздействия на печать.

Уместно будет сослаться на еще одно авторитетное суждение свидетелей тогдашних событий – журнал «Вестник Европы», автор статьи в котором – писатель, общественный деятель, адвокат К. К. Арсеньев – утверждал, что «всего менее возможно преобладание печати в те переходные эпохи, когда для деятельности общества открываются новые пути» [30, с. 285]. Для России эта эпоха была связана с реформами Александра II. «В эти эпохи, – продолжил автор статьи, – печать не имеет *более* того значения, которое она могла приобрести среди всеобщей безгласности и неподвижности, как единственное проявление общественной мысли – и не имеет еще *того* значения, которое принадлежит ей в обществе, живущем полной жизнью» [30, с. 283-320]. Действительно, на смену «Современнику» и «Русскому слову» пришли новые издания, «толстые журналы» сменились объемными ежедневными газетами западноевропейского образца и новая цензурная система стала стремительно утрачивать свою новизну, требуя для себя многочисленные дополнения и поправки, утрачивая свою эффективность. Не смогла система предостережений и решить еще одну заявленную при ее внедрении задачу – она так и не стала связующим звеном между цензурой и реформированной судебной системой.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. О некоторых переменах и дополнениях в действующих ныне цензурных постановлениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40. (1865). Часть 1. № 41990.
2. Розенберг Вл. В мире случайностей // Русская печать и цензура в прошлом и настоящем. Статьи Вл. Розенберга и В. Якушкина. М.: Издание М. и С. Сабашниковых, 1905. С. 118-158.
3. О даровании некоторых облегчений и удобств отечественной печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 40 (1865). Часть 1. № 41988.
4. *Блохин В. Ф.* Всевидящим ли было «цензурное око» государево? (система цензурного управления, цензура и проблема становления гражданского общества в России) // Гражданогенез в России. Под общей редакцией В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. Брянск, 2009. С. 81-107.
5. *Арсеньев К. К.* Законодательство о печати. Великие реформы 60-х гг. в их прошлом и настоящем. СПб., 1903. 264 с.
6. Сборник постановлений и распоряжений по делам печати с 5 апреля 1865 г. по 1 августа 1868 г. СПб., 1868. 170 с.
7. Судебный вестник. 1866. № 55. 6 октября.
8. О дополнении и изменении некоторых из действующих узаконений о печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 47. (1872). Часть 1. № 50958.
9. *Писарев Д. И.* Очерки из истории печати во Франции // Писарев Д. И. Полное собрание сочинений: В 6 т. СПб., 1894. Т. 2. 616 с.
10. Голос. 1865. № 279. 9 октября.
11. *Патрушева Н. Г.* Периодическая печать и цензура Российской империи в 1865 – 1905 гг. Система административных взысканий. Справочное издание. СПб.: Нестор-История, 2011. 412 с.
12. Российский государственный исторический архив (РГИА). Ф. 776 Главное управление по делам печати. Оп. 2 (1865–1905 гг.).
13. *Блохин В. Ф.* О вреде «Вредного направления» (начальный этап реализации новой государственной модели управления печатью в 60-е гг. XIX в. // Вестник молодых учёных. 4' 2006.(Серия: Исторические науки). СПб., 2006. № 2. С. 109-115.
14. С-Петербургские ведомости. 1865. № 229. 4 сентября.
15. Голос. 1865. № 244. 4 сентября.
16. Дневник П. А. Валуева министра внутренних дел. В двух томах. М.: Издательство Академии Наук СССР, 1961. Т. II. 1865-1876. 592 с.
17. Голос. 1865. № 300. 30 октября.
18. Российский государственный исторический архив (РГИА). (РГИА). Ф. 908. П. А. Валуев. Оп. 1. 1823–1894 гг.

19. *Кузнецов Ф. Ф.* Журнал «Русское слово». М., 1965. 397 с.
20. О порядке печатания постановлений, отчетов о заседаниях, а также суждений, прений и речей, состоявшихся в земских, дворянских и городских общественных и сословных собраниях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 42. (1867). Часть 1. № 44691.
21. *Градовский Г. К.* К истории русской печати // Цензура в России в конце XIX – начале XX века. Сборник воспоминаний / Сост., вступ. ст., примеч. и указ. Н. Г. Патрушевой; Ред. М. А. Бенина / Рос. нац. б-ка. СПб.: Дмитрий Буланин, СПб., 2003. С. 103-124.
22. Относительно розничной продажи периодических изданий на улицах, площадях и в других публичных местах и торговых заведениях // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 43. (1868). Часть 1. № 45973.
23. Об установлении наказания за оглашение в печати сведений, обнаруживаемых дознанием или предварительным следствием // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 45. (1870). Часть 1. № 47966.
24. О дополнении существующих узаконений о печатании судебных решений // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 50. (1875). Часть 1. № 54353.
25. О взыскании с периодических изданий, изъятых от предварительной цензуры, за оглашение вопросов, не подлежащих, в течение известного времени, опубликованию // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 48. (1873). Часть 1. № 52395.
26. О разъяснении статьи 12 главы III временных правил о цензуре и печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 49. (1874). Часть 1. № 53398.
27. О применении пункта 55 прил. к статье 4 Устава Цензурного Т. XIV Свода Зак. по Прод. 1876 года // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 2. Т. 54. (1879 – 18 февраля 1880). Часть 2. № 59985.
28. О временных мерах относительно периодической печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. № 1072.
29. О временных мерах относительно периодической печати // Полное собрание законов Российской империи. Собр. 3. Т. 2. № 1072.
30. *Арсеньев К.* Политический процесс 1869–1871 г. // Вестник Европы. 1871. Ноябрь. С. 283-320.

Об авторе:

Ромащенко Валерия Александровна – лаборант лаборатории общественно-политического развития стран ближнего зарубежья исторического факультета МГУ имени М. В. Ломоносова.

СТАНОВЛЕНИЕ Н. И. КОСТОМАРОВА КАК ИСТОРИКА: МАГИСТЕРСКИЕ ДИССЕРТАЦИИ И ЦЕНЗУРА

Т. П. Малютина

В данной статье рассматривается вмешательство цензуры в издание и распространение первой магистерской диссертации Н. И. Костомарова «О причинах и характере унии в Западной России». Приводятся выводы молодого исследователя, идущие вразрез с официальной историографией и вызвавшие резкую реакцию властей. Затрагивается вопрос о последующем вмешательстве органов цензуры в публикацию работ историка.

Ключевые слова: Н. И. Костомаров, «О причинах и характере унии в Западной России», «Об историческом значении русской народной поэзии».

Уроженец Острогожского уезда Воронежской губернии Н. И. Костомаров известен как историк, этнограф, писатель, педагог и публицист XIX в. Его творческое наследие огромно и разнообразно. Самое полное на текущий момент собрание сочинений насчитывает восемнадцать томов.

Однако становление Н. И. Костомарова как ученого-исследователя проходило не так-то легко. Первое самостоятельное серьезное исследование будущего историка – магистерская диссертация «О причинах и характере унии в Западной России» – не было допущено к защите в Харьковском университете. По предписанию министра народного просвещения С. С. Уварова, все собранные экземпляры диссертации сожгли в присутствии автора. Подобное событие даже в условиях николаевской России относилось к числу исключительно редких.

Причина столь резкой реакции властей – нетрадиционные выводы молодого историка, расходящиеся с официальной историографией.

Определяя причины Брестской унии 1596 г., Костомаров рассматривал церковную историю государства, начиная с эпохи принятия христианства. Особое внимание уделял Флорентийскому собору 1439 г. и влиянию на православную церковь образования в 1569 г. объединенного польско-литовского государства Речи Посполитой. Анализ последствий унии историк довел до разделов Польши при Екатерине II, указывая, что только тогда там прекратились «гонения на православных», и унии окончательно не стало [1, с. 38].

Центральное место в работе занимает рассмотрение событий 1596 г. в Брест-Литовске. Поляки, инициаторы унии, тогда предложили православным сохранить их обряды и привычный богослужебный язык, но признать

догматы католицизма и подчиниться в вопросах церковного управления католической церкви с папой римским во главе. По мнению Н. И. Костомарова, «уния, какую приняли ее депутаты, ... была не только соединением с католическою, а просто принятием римско-католической веры; ... а что обряды греческие оставлены, так это только для того, чтоб народ постепенно сблизился с католицизмом» [1, с. 19].

В лагере защитников православия оказывается запорожское казачество. По мнению Н. И. Костомарова, казацкие восстания середины XVII в. хотя и проходили под религиозными лозунгами, но фактически представляли собой, с одной стороны, борьбу угнетенного крестьянства против помещиков, с другой стороны, борьбу за независимость от шляхетской Польши. Представители официальной историографии XIX в. предпочитали не затрагивать эту острую тему или в лучшем случае сводили вопрос к личности Богдана Хмельницкого.

Через всю диссертацию проходит мысль Костомарова о том, что историю делают не личности, а народные массы. «Восстание 1648 года было делом народа... Не Хмельницкий был действующим лицом, а народ; не Хмельницкий возвал народ к восстанию, а народная потребность вывела Хмельницкого из бездействия» [1, с. 32]. Большое внимание в диссертации уделено борьбе угнетенного малороссийского крестьянства с помещиками-поляками.

Диссертация содержит массу критических замечаний о православном духовенстве в Западной России до принятия унии: к началу XVI в. «нравственная порча духовного класса... была слишком повсеместна и сильна»; «руководствуясь личными выгодами», иерархи «совершенно были равнодушны к вере»; духовенство «сознавало упадок своего сана», было «лишено внутренней энергии». Принятие унии показало, что «духовенство было уничтожено и не имело голоса, а патриарх потерял свое достоинство» [1, с. 12, 17-18, 20].

«Соединение Малой России с Великой», по мнению Н. И. Костомарова, было одним из главных исторических следствий унии. Исследователь считал, что не политика московских государей, но народное движение сыграло определяющую роль в этом процессе. Автор диссертации утверждал, что «уния есть одно из важнейших событий; на нем почиет наше величие и благосостояние: она показала нам дорогу на чреду европейских народов. В ней проявилась высочайшая благость и правосудие: будучи сама величайшим злом, она погибла; ... а из ее развалин воздвиглось величественное здание» [1, с. 26].

Попечитель Харьковского учебного округа Н. А. Цертелев отправил диссертацию в столицу на экспертизу в Министерство народного просвещения. В сопроводительном письме товарищу министра от 4 апреля 1842 г.

Н. А. Цертелев писал: «Я остановил публичное защищение этой диссертации... из осторожности, опасаясь, чтобы некоторые необдуманно употребленные сочинителем выражения не оскорбляли нашего духовенства и не дали повода к невыгодным, хотя бы то и справедливым, толкам» [2, с. 19].

Через месяц пришел отзыв на диссертацию, написанный профессором Н. Г. Устряловым, с предписанием министра народного просвещения С. С. Уварова все изданные экземпляры диссертации уничтожить. В отрицательном отзыве Устрялов объявил работу Костомарова не научной, а журнальной статьей подражательного характера [2, с. 19].

Костомарова обязали собрать все, розданные профессорам, друзьям, знакомым, экземпляры диссертации. Их сожгли в присутствии автора.

Можно представить, какие чувства испытал молодой историк, глядя, как сгорают его труды. Далеко не каждый начинающий исследователь смог бы оправиться от подобного удара. Гораздо легче для многих было бы сдать: махнуть рукой на историю и все, что с ней связано, не рисковать, искушая судьбу вторично, и попробовать найти себя на другом поприще. Костомаров нашел силы перешагнуть через «диссертационное аутодафе», продолжить научные изыскания.

В советской историографии утвердился взгляд на первую диссертацию Костомарова как на «блестящую», «талантливо написанную» научную работу, вызвавшую «переполох в официальных правительственных кругах», так как «для николаевского правительства оказалось достаточным того оттенка националистической оппозиционности и известного интереса к народным массам, который был ей присущ» [3, с. 213, 215; 4, с. 129]

Однако, вполне вероятно, что для правительства империи не менее опасными и неприемлемыми представлялись в диссертации нетипичная для православного человека трактовка унии и радикальные замечания молодого исследователя, касающиеся польского вопроса [5, с. 52-53].

Сам Костомаров спустя годы смог понять и оправдать действия властей. Давняя брошюра об унии, отмечал историк в 1864 г., была «писана с целью быть магистерской диссертацией, но по справедливости не удостоилась этой чести. Я был тогда еще очень молод и взялся за предмет, требовавший многолетнего изучения и знакомства с источниками, до которых я не мог иметь и доступа». Свой сожженный труд Костомаров охарактеризовал следующим выражением: «такая дрянь» [6, с. 413]. Кстати, не каждый исследователь может схоже выразиться о своей работе.

До наших дней сохранилось лишь несколько экземпляров первой диссертации Н. И. Костомарова. По данным исследователя Л. М. Хлебникова, «самый замечательный экземпляр этой уникальной книги Костомарова, имеющий на

полях массу замечаний ректора Харьковского университета П. П. Гулака-Артемовского, находится в собрании журнала «Русская старина», в Институте русской литературы (Пушкинский Дом) в Ленинграде» [3, с. 215].

Хорошие отзывы о Н. И. Костомарове людей, его знавших, повлияли на решение университетского руководства. Ему было разрешено писать вторую диссертацию.

Новая, безобидная на первый взгляд тема: «Об историческом значении русской народной поэзии» у многих харьковских ученых сразу вызвала неодобрение. Профессор философии М. Н. Протопопов первым из них заявил, что «такой предмет, как мужицкие песни, унизителен для сочинения, имеющего целью приобретение ученой степени», считая «даже неприличным ходить на защищение такой диссертации» [7, с. 113, 114].

В своей новой диссертации Н. И. Костомаров постарался доказать необходимость и важность изучения народных памятников, с целью уразуметь взгляд народа на себя и на все его окружающее.

13 января 1844 г. состоялась защита диссертации Н. И. Костомарова, и он был утвержден в степени магистра.

И. И. Срезневский, один из оппонентов Костомарова, напечатал теплый отзыв о его диссертации в журнале «Москвитянин». Однако В. Г. Белинский в «Отечественных записках» язвительно заметил, что народной поэзией может заниматься лишь тот, «кто не в состоянии или не хочет заняться чем-либо дельнее» [7, с. 117].

Оценивая диссертацию Н. И. Костомарова, этнограф и публицист К. М. Сементовский (К. Калайденский), писал: «Взявшись первый за ученую обработку богатых материалов русской народной поэзии, г. Костомаров и этим одним приобрел уже полное право на благодарность каждого, умеющего понимать и ценить всеобъемлющую важность изучения народности... слишком мало у нас охотников пролагать новые пути исследования в области наук... он счастливо достиг своей цели и предъявил сочинение, достойное полного внимания всякого, кому дорога память о былой жизни Руси» [8, с. 81].

Таким образом, в случае с Н. И. Костомаровым цензура Российской империи сработала жестко, но без далеко идущих последствий. Крамольную диссертацию не допустили к защите, но никаких запретов на написание новых исследований наложено не было. Цензурная практика России XIX в. наглядно показала, что и самый жёсткий закон, и самый либеральный не только сохраняли определённое жизненное пространство для развития печати, распространения научной мысли, но и не в состоянии были остановить, а зачастую и изменить, совершавшиеся в этих сферах внут-

ренние процессы [9, с. 42].

В дальнейшем историк за участие в Кирилло-Мефодиевском обществе опять попадет в «цензурную опалу». Изданные им под псевдонимом Иеремии Галки сочинения «Украинские баллады» и «Вітка» будут изъяты из продажи. Костомарову запретят работать «по ученой части». Но, несмотря ни на что он продолжал заниматься историей. В итоге – все запреты будут сняты [10, с. 84, 97]. Труды историка издаются и становятся известными. Они и сейчас продолжают находить своих читателей.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Костомаров Н. И.* О причинах и характере унии в Западной России // Науково-публіцистичні і полемичні писання Костомарова / [под ред. М. Грушевського]. Київ, 1928.
2. *Смирнов А. Ф.* Страницы жизни и творчества историка // Костомаров Н. И. Русская история в жизнеописаниях ее главнейших деятелей. М., 1998. Т. 1.
3. *Хлебников Л. М.* Сожженная диссертация // Вопросы истории. 1963. № 9.
4. *Станиславская А. М.* Исторические взгляды Н. И. Костомарова // Очерки истории исторической науки в СССР. М., 1969. Т. II.
5. *Чалая Т. П.* Запрещенная диссертация Н. И. Костомарова // Личность в истории. Личность историка. Тезисы 2-й региональной научной конференции. Воронеж, 2008.
6. *Костомаров Н. И.* Ответ на ответ Г. Кояловича // Русские инородцы: сб. моногр. и исслед. М., 1996.
7. *Костомаров Н. И.* Автобиография // Н. И. Костомаров Автобиография. Бунт Стеньки Разина. Киев, 1992.
8. *Калайденский К.* [Рецензия] // Маяк. 1844. Кн. 30.
9. *Блохин В. Ф.* Из истории цензурного реформаторства: государство и легальная печать России в политическом контексте (1865-1905 годы) // Вестник Челябинского государственного университета. 2009. № 6. С 34-44.
10. *Чалая Т. П.* Славянский мир Н. И. Костомарова. Воронеж, 2007.

Об авторе:

Малютина Татьяна Петровна – кандидат исторических наук, доцент кафедры истории, философии и русского языка гуманитарно-правового факультета Воронежского государственного аграрного университета им. императора Петра I.

ЗАМЕТКИ О НЕМЕЦКОМ ГЕРОИЗМЕ (ПО МАТЕРИАЛАМ ЖУРНАЛА «SIMPLICISSIMUS»)*

Ю. Н. Устинова

В статье предпринята попытка на основе материалов периодической печати показать средства формирования образа героя в Германской империи в годы Первой мировой войны.

Ключевые слова: Первая мировая война, героизм, герой, периодическая печать, общественное мнение.

В условиях войны пресса оказывала колоссальное воздействие на формирование тех или иных общественных настроений. До широкого распространения других средств массовой информации общедоступность, периодичность и многотиражность периодической печати придавали ей исключительное значение в распространении информации о войне.

Именно пресса служила проводником политики власти в деле формирования тех или иных представлений о событиях войны и в определенной мере выполняла государственный заказ. Многообразие печатных изданий, в том числе определенного политического толка, создавало некое подобие обратной связи, демонстрировало официальным властям восприятие и трактовку событий общественными силами, имеющими легальный голос.

Пропаганда превратилась в важный инструмент политики идеологической мобилизации. Пропагандистский характер имело не только содержание публикаций, появлявшихся в прессе, но и их размер, количество, расположение на печатном листе, шрифты. Все это в совокупности должно было производить определенное впечатление на читателя. Ещё большим потенциалом впечатления обладали визуальные образы, которые были призваны не столько проиллюстрировать сообщения печати, сколько дополнить их, расставив акценты на основных компонентах пропаганды (образе врага, образе героя, боевых успехах и т. д.).

Первая мировая война, как и все войны, породила своих героев. В военной пропаганде Первой мировой войны идее формирования образа героя отводилось особое место. Задача демонстрации «героя» и «героического» заключалась в мотивации населения, в призыве к борьбе на благо общего дела – победы. «Герои» любого ранга и уровня были призваны поднимать боевой дух родной армии.

* Статья написана при поддержке гранта РГНФ 15-01-00399.

Пропаганда видела свою главную задачу в том, чтобы разъяснить немецкому народу необходимость и исключительность этой войны. Она апеллировала главным образом к чувствам, задевающим сердце и душу народа, то есть к немецкому национализму, к готовности народа к самопожертвованию, к его вере в своих руководителей и преданности своим властям, равно как и к его солдатским добродетелям.

В Германской империи было несколько общедоступных периодических изданий массового характера разной политической направленности, содержащих материалы «на злобу дня»: «Simplicissimus», «Der Wahre Jacob», «Kladderadatsch», «Ulk» и др.

Первоначально журналы основывались как литературно-художественные издания, однако уже очень скоро стали выпускаться как сатирически-юмористические. С изменением политической ситуации – началом Первой мировой войны – некоторые из них изменили направленность публикаций. Так, например, еженедельно издававшийся в Мюнхене «Simplicissimus» утратил сатирическую тональность, начал печатать патриотические и пропагандистские материалы, а мишенью его критики

стали державы-противники Германии.

Чтобы как-то существовать в условиях жесткой цензуры, публикации журнала «Der Wahre Jacob» приобрели умеренно социалистический характер, а цветные карикатуры на политические темы, обеспечивали хорошую продаваемость. «Ulk» стал еженедельным приложением к более крупным изданиям. «Simplicissimus» являлся умеренным изданием по отношению к власти, чрезмерно жестких и критичных заметок не печатал, изображения и картинка были официального стиля, выдержанные, недвусмысленные.

Die Kosaken vor der deutschen Landwehr.

Положение дел на фронте определяло содержание буквально каждого номера. До 1917 г., для демонстрации боевого духа германской армии и усиления впечатления от боевых побед, авторы помещали картины отдельных родов войск, сопровождая их небольшими стихотворениями и заметками. Так, можно найти строчки о по-

стоянной боевой готовности и доблести ландвера [1, heft 3, s. 36; 3, heft 20, s. 249], матросов [1, heft 6, s. 61]. Например:

Штурмует пехота!

Гей, так кричит барабан!

Мушкетер и гренадер, прежде всего, пионер-герои,

Что и я сообщаю.

А также артиллерия, не забудь, попадает в десяточку!

Так как они рушат мосты

И русские непременно должны с ними встретиться! [1, heft 9, s. 98]

Выходивший в Штутгарте журнал «Der Wahre Jacob» содержал карикатуру «Козаки перед немецким ландвером», где противник, встретившись лицом к лицу с немецкой пехотой, поднимая руки вверх, трусливо падает на колени, показывая тем самым, что не готов воевать со столь мощной армией кайзера [5].

У немцев, как и у каждого народа, есть свои национальные герои. Во времена войн среди них почетное место занимали военачальники. Так, в «Simplicissimus», на титульном листе одного из номеров журнала за 1915 г. изображено крепкое рукопожатие главнокомандующего на Восточном фронте П. фон Гинденбурга и генерала-фельдмаршала А. фон Макензена, которое приветствуют ликующие на заднем плане солдаты.

Макензена и Гинденбурга называли «непревзойденными, беспрецедентными героями», которые «объединились для будущих побед и протянули друг другу руки» [1, heft 19, s. 217]. Или ещё пример, который восхваляет полководческий талант Гинденбурга. Картина представляет видение русского солдата, которому на поле боя предстоит встретиться с Макензеном, Линзингеном, Пфланцером, но самое худшее – это встреча с Гинденбургом, массивная фигура которого возвышается над всеми! [1, heft 13, s. 153].

Гинденбург изображается всеобщим почитаемым героем, который несет благо, освобождение нации, его полководческий талант призван вселять уверенность общественности в успехе военных кампаний империи. Так, в одной из картинок главнокомандующий стоит рядом с обступившими его простыми гражданами и в своих речах требует самого трудного – протянуть ему руку. И народ заключает: «Чего хочет он, того хочет и Отечество!» [1, heft 33, s. 409].

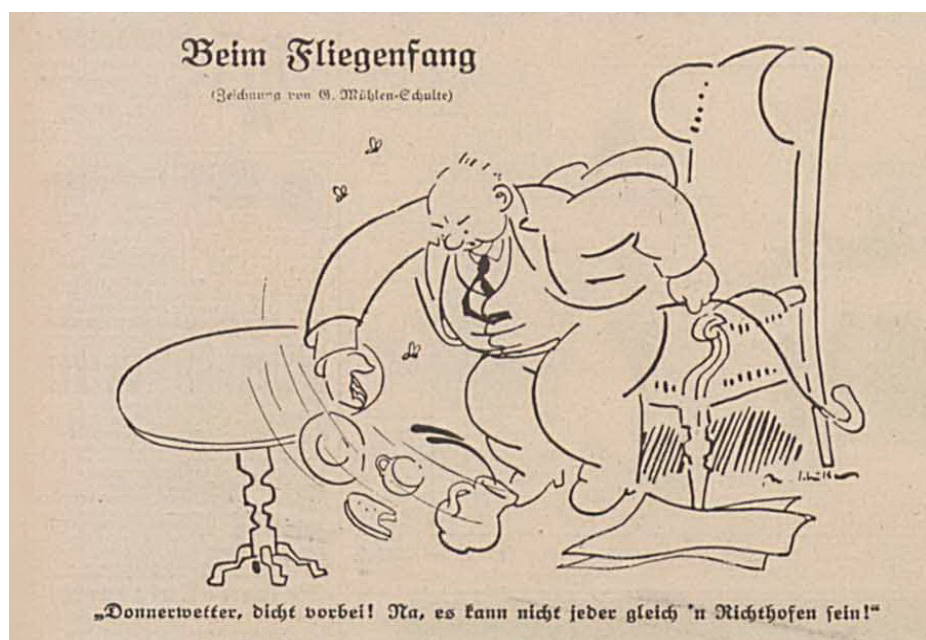
Начиная с конца 1916 г. и в начале 1917 г. освещению хроники боевых действий, проблемам фронта уделялось всё меньше внимания. Наиболее приоритетными становятся во внутренней политике вопросы со-

циального характера, а во внешней – проблема перемирия, внешних займов. Но, тем не менее, авторы стремятся показать, что все германские проблемы вполне разрешимы, так как их решением занимаются талантливые, компетентные, заслуживающие доверия люди, национальные герои, которым априори все по плечу.

Гинденбург представляется эдаким отцом нации, который заботится о гражданах. «Мои друзья, моя задача заключается в ослаблении врага, не испытывая при этом ваши нервы» [3, heft 18, s. 221]. И жители страны в благодарность за его отцовскую заботу, признавая его добрые намерения, предлагают возглавить Германию после войны [3, heft 27, s. 337]. Даже в очень непростые для империи времена, в 1918 г., на Гинденбурга смотрят как на «спасителя», отождествляя его образ с наступлением весны, с обнов-

лением, с новыми, безусловно, ещё предстоящими победами германской армии. Об этом свидетельствует несметное количество изготовленных гипсовых фигурок Героя [4, heft 48, s. 620].

Желая убедить население в том, что для Антанты Гинденбург все ещё представляет опас-

ность, авторы сравнивают его с Наполеоном, который также способен перейти через Альпы [4, heft 50, s. 641]. Великий полководец обязательно одержит крупные победы, поэтому его решение представляется единственно верным [4, heft 19, s. 221].

Тем не менее, иногда можно наблюдать и более реалистичные мотивы. Сомневающийся, даже немного растерянный Гинденбург, окруженный своими советниками, за очередной вечерней кружкой пива говорит завсегдатаям подобных совещаний, что внешне мы должны внушать ответственность и надежность, однако только внешне, так как в действительности ждать хороших вестей с фронта не имеет смысла [4, heft 26, s. 309].

Отметим, что изображения Гинденбурга были наиболее популярны и часты. Достойное место также занимали генералы Э. Людендорф [1, heft

53, s. 77; 2, heft 26, s. 326] и А. фон Макензен. Последнему практически посвятили оду во славу его побед. Макензена представляли как героя-полководца, возглавившего ряд успешных битв на Севере и Юге и уверенно продвигавшегося в сторону России, который, несомненно, достоин, чтобы его имя было увековечено тысячами железных крестов [1, heft 26, s. 131]. «Макензен – человек, у которого, как и у Германии, есть индульгенция от безмолвно проходящей мимо смерти, он хватает и мучит русских, которые должны подохнуть» [1, heft 7, s. 83].

Также необходимо сказать о всемирно известном немецком летчике Первой мировой войны М. фон Рихтгофене, который за профессионализм и успех в военном деле получил прозвище «Небесный король» (наиболее известен как «Красный барон»). Карикатура называется «Ловля на лету» и повествует о том, что так мастерски может далеко не каждый ловить мух на лету, а не то что быть летчиком-ассом [3, heft 14, s. 180].

В «Simplicissimus» нет упоминаний о героизме «простых» людей. С целью воздействия на сознание читателя авторы использовали общеизвестные и общепризнанные, уже «апробированные» в массовом сознании образы. Иногда эти герои были абстрактны – солдаты пехоты, флота, авиации. Тем самым, авторы пытались сказать, что вся германская армия как единое целое в едином порыве стремится к единой цели – победе в войне. Появление изображений выдающихся полководцев на страницах журнала, кроме отражения их успешно проведенных операций, обеспечивало лояльность власти и позволяло сохранить тираж издания.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Simplicissimus. 1915. Heft 3. S. 36.;
2. Simplicissimus. 1916.
3. Simplicissimus. 1917.
4. Simplicissimus. 1918.
5. Der Wahre Jacob. 1914. № 736 (2. Oktober). S. 8481.

Об авторе:

Устинова Юлия Николаевна – кандидат исторических наук, старший преподаватель кафедры иностранных языков Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского.

НОВОЧЕРКАССКИЕ СОБЫТИЯ 1962 ГОДА В ОТРАЖЕНИИ СОВЕТСКОЙ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ

Р. А. Соловьев

В статье рассматривается отражение советской периодической печатью Новочеркасских событий 1962 г. В связи с этим анализируются соответствующие материалы с учетом их тональности, характера и направленности. Автор публикации на материалах прессы различных политических направлений показывает как в условиях изменения государственной информационной политики в 1980–1990 гг. начинают по-новому анализироваться внутривнутриполитические процессы в СССР. Особое внимание при этом акцентируется на роли советской периодической печати в этих процессах.

Ключевые слова: *периодическая печать, советская военная журналистика, Новочеркасские события 1962 года, Советская Армия, внутренние войска, государственная информационная политика, цензура.*

Выявляя особенности различных этапов истории советской периодической печати и публицистики, историки сходятся на коренном отличии СМИ периода перестройки от предшествующей эпохи. Универсальным в отечественной исторической науке является осмысление данного периода как этапа резкого роста роли прессы в жизни общества и публицистического бума. Исследователями отмечается, что именно благодаря расцвету исторической публицистики в эпоху перестройки произошел прорыв в осмыслении прошлого и настоящего отечественной и мировой истории [1, с. 101].

Не осталась в стороне от происходящего и военная пресса. С целью более эффективного влияния на социально-политические процессы в армии и на флоте советские военные СМИ в исследуемый период меняли свою держательную сторону: искали новые темы, поднимали актуальные проблемы. В феврале 1990 года начинается распространение окружных и флотских газет через отделения «Союзпечати». Этот шаг был направлен на «улучшение информирования населения о ходе перестройки в армии и на флоте, влияние на формирование общественного мнения о советском военном строительстве». По каналам «Союзпечати» реализовывалось около 100 тыс. экземпляров газет. Спрос читателей был выше, однако увеличение тиражей сдерживал лимит на бумагу [2, с. 151].

К сожалению, «публицистическая буря» периода перестройки сперва породила, а затем и регулярно сопровождалась усилением конъюнктуры и непрофессионализма в средствах массовой информации. Осмысление прошлого превращалось в огульную критику и подбор «жареных фактов».

Политика «гласности» и ослабление идеологического диктата КПСС привели к кардинальной трансформации информационного поля, создаваемого прессой. В советских СМИ горбачевской эпохи отражалась вся сложность и многогранность происходивших перемен, борьба группировок в партийной элите, раскол общества по идеологическому и этническому принципу. В условиях идеологического и политического конфликта газеты и журналы становились своеобразным инструментом и оружием, используемым в борьбе против «врага», для привлечения и консолидации союзников. Для идеологии противостояния нормой становилось восприятие точки зрения оппонента не в качестве дискуссионной, а как «чистой фальсификации и лжи».

Одним из примеров описанных изменений в советских СМИ может служить отражение в периодической печати событий в городе Новочеркасске 1–3 июня 1962 года. В те дни стихийные выступления рабочих одного из крупнейших предприятий города – Новочеркасского электровозостроительного завода (НЭВЗ), недовольных существенным увеличением норм выработки (фактически означавших уменьшение заработной платы), совпавшим по времени с публикацией в центральной прессе решения руководства страны о повышении закупочных и розничных цен на мясо, мясные продукты и масло [3] переросли в массовые беспорядки, продолжавшиеся несколько дней.

Для пресечения беспорядков в город были введены подразделения внутренних войск и Советской Армии. В результате применения военнотружущими оружия 2 июня на городской площади и у отдела милиции было убито 22 и ранено 39 участников беспорядков.

Информация о событиях в городе Новочеркасске долгое время тщательно скрывалась и узнать о них жители СССР могли только со страниц «самиздата». Например, событиям в Новочеркасске А. И. Солженицын в своем произведении «Архипелаг ГУЛАГ» посвятил одну из глав. Известным писателем-диссидентом была показана картина кровавой расправы властей над мирной демонстрацией рабочих. Бездоказательные обвинения в адрес советских властей и сведения о якобы сотнях убитых долгие годы были единственной информацией об этих событиях.

Коренным образом ситуация изменилась во второй половине 1980-х годов. В 1989 году на страницах центральной печати появляется ряд ста-

тей, проливающих свет на события в Новочеркасске [4; 5]. Публикация газеты «Комсомольская правда» практически полностью состояла из воспоминаний жителей Новочеркаска, которые подтверждали «кровавую расправу» над мирной демонстрацией. Л. Фесенко, например, уверен, что «...людей ждали войска с «приказом применять оружие». А. Симонов, так описывает последствия столкновений митингующих с военнослужащими: «...долго пытались смыть кровь с площади. Сначала пожарной машиной, потом еще какой-то со щетками, и, наконец, пригнали каток – заасфальтировали все толстым слоем» [4]. Особое место во всех упомянутых публикациях занимали воспоминания бывшего заместителя командующего войсками Северо-Кавказского военного округа генерала М. К. Шапошникова, утверждавшего, что он отказался выполнять приказы своего непосредственного начальника генерала армии И. А. Плиева о применении оружия против демонстрантов [4].

С некоторым опозданием в военной прессе также были опубликованы материалы о массовых беспорядках в Новочеркасске, явившиеся своеобразным опровержением статьям в «Комсомольской правде», «Литературной газете» и «Огоньке». Так, например, в 1990 году в одном из номеров журнала «Советский воин» была помещена статья «Новочеркасск 1962-го: вымыслы и правда» [6], автор которой в качестве цели определил необходимость «высветить след, оставленный трагедией в памяти людей, волею судьбы оказавшихся свидетелями событий». В публикации были приведены воспоминания исключительно военнослужащих, которые в 1962 году проходили службу на различных должностях, от курсанта военного училища до заместителя начальника штаба Северо-Кавказского военного округа.

Это была одна из первых попыток военных журналистов изменить уже сложившееся под влиянием газетных и журнальных публикаций мнение у жителей страны о событиях в Новочеркасске в 1962 году. Воспоминания военнослужащих совершенно в ином свете показали роль военнослужащих в новочеркасских событиях. В статье также появилась информация о погромах в городе, которые учинили демонстранты.

В 1991 году в «Военно-историческом журнале» был опубликован за подписью подполковника юстиции А. В. Третьяцкого материал под названием «Новочеркасск: июнь 1962 года» [7]. Цель публикации становится очевидной после ее прочтения. Авторы статей в «Комсомольской правде», «Литературной газете» и «Огоньке» обвинялись в «очернительстве армии», «извращении сути новочеркасских событий», а генералу М.

К. Шапошникову ставилось в вину стремление «свести счеты с бывшим начальником генералом Плиевым» [7, с. 68].

Публикация, подготовленная А. В. Третецким, была основана на документах прокурорской проверки, инициированной I съездом народных депутатов СССР. Примечательно, что, судя по тексту, она была написана еще в начале 1990 года. На это в частности указывает то, что автор, упоминаемая статьи в «Литературной газете» и в «Комсомольской правде», увидевшие свет в 1989 г., именует их «вышедшими в минувшем году» [7, с. 68].

А. В. Третецким неоднократно подчеркивает, подкрепляя свою точку зрения приведенными в тексте выдержками из показаний (объяснений) непосредственных участников событий в Новочеркасске, что применение оружия военнослужащими было «эпизодическим», «вынужденным для того, чтобы как-то "отпугнуть" взбудораженную толпу», «в ответ на явное нападение и попытки завладеть оружием» [7, с. 73]. Особо подчеркивалось, что «нигде не производилось массированного огня по нападавшим», а сотрудниками КГБ оружие вообще не применялось [7, с. 73].

Значительная часть статьи А. В. Третецкого была также посвящена опровержению измышлений генерала Шапошникова. Так, например, были приведены показания П. П. Фалынскова, который в 1962 году проходил службу в должности заместителя командира танкового полка по политической части о том, что «генерал-лейтенант Шапошников никаких команд на то, чтобы разряжать автоматы, сдать боеприпасы (как об этом извращенно описывается в печати, а именно: в газетах "Литературная газета", "Комсомольская правда"), не давал и не мог давать, поскольку никаких боеприпасов у личного состава не было» [7, с. 75].

Как утверждает П. П. Фалынсков, генерал Шапошников проявил себя во время службы в Северо-Кавказском военном округе как волевой и умный начальник, но его также знали как «до без предела самолюбивого командира». Это явилось одной из причин ненормальных служебных, деловых и просто «по-человечески порядочных взаимоотношений», которые сложились (возможно, не только по вине Шапошникова) между ним и командующим войсками округа генералом Плиевым [7, с. 76]. В статье также были приведены слова одного из бывших руководителей Ростовской области М. К. Фоменко, который считал, что «высказывания генерала Шапошникова о якобы даче указаний командующим округа генералом армии Плиевым на применение оружия против демонстрантов это его личные безосновательные выдумки» [7, с. 73].

Наконец, 3 июня 1991 года в газете «Правда» были опубликованы результаты проверки причин и обстоятельств произошедшего в Новочеркасске

1–3 июня 1962 года, проведенной Прокуратурой СССР по поручению I съезда народных депутатов СССР [8]. Генеральный прокурор Н. С. Трубин применение оружия военнослужащими определяет статье в качестве использования «в целях самозащиты», не ставит под сомнение и необходимость привлечения военнослужащих для ликвидации массовых беспорядков.

Результаты проведенного расследования показывают, что приказа о применении оружия для нормализации обстановки руководством Северо-Кавказского военного округа отдано не было, однако участие внутренних войск и подразделений Советской Армии, имевших боевые патроны, делало трагическую развязку неизбежной. Было выяснено, что некоторые демонстранты пытались вырвать оружие из рук, стоявших в оцеплении солдат, которые, отбиваясь, и произвели выстрелы. Было также установлено, что генерал-майор Олешко, руководивший действиями подразделений Советской Армии, никаких команд на применение оружия военнослужащими против демонстрантов не давал, а, наоборот, пытался криками остановить стрелявших.

В статье утверждалось, что подразделения Советской Армии были задействованы только после того как протестующие от мирных выступлений перешли к хулиганским действиям (была перекрыта железная дорога, разгромлены здания городского отдела милиции и КГБ), а находившиеся на тот момент в городе военнослужащие внутренних войск (около 650 человек) самостоятельно навести порядок в Новочеркасске не могли. Была опровергнута и версия о том, что отдельные военнослужащие отказывались принимать участие в операции в Новочеркасске [8].

В статье также довольно подробно в хронологическом порядке были описаны события 1–3 июня 1962 года. Следует упомянуть, что Н. С. Трубин не снимал вину с руководства предприятия и прежде всего с директора Б.Н. Курочкина за нагнетание обстановки и подталкивание к перерастанию забастовки нескольких десятков рабочих Новочеркасского электровозостроительного завода в массовые беспорядки с участием нескольких тысяч человек. «...На просьбу забастовщиков отменить снижение расценок и возбудить ходатайство перед правительством о приостановлении повышения цен на мясо и масло директор НЭВЗа Курочкин в грубой форме ответил отказом. Его высказывания обострили ситуацию, вызвали еще большее возмущение митингующих...» [8].

В начале 1993 году в рамках подготовки так называемого «дела КПСС» был рассекречен большой массив документов из бывших партийных архивов, архивов МВД СССР и Прокуратуры СССР, которые подтверждают выводы прокурорской проверки, озвученные в 1991 году.

Используя рассекреченные документы, исследователи вновь обратились к событиям в Новочеркасске [9, с. 167–178; 10, с. 330–404; 11, с. 176–181]. Полученные результаты в целом подтвердили официальную версию Прокуратуры СССР.

Таким образом, советская пресса во второй половине 1980-х годов отражала борьбу группировок в партийной элите, раскол общества по идеологическому принципу. Газеты и журналы явились индикатором дифференциации общественных настроений. При этом можно говорить об очевидном оформлении двух основных лагерей: «демократическая пресса» («Литературная газета», «Комсомольская правда», «Огонек» и др.) и «консервативная печать» («Правда» и военные СМИ – газета «Красная звезда», журналы «Советский воин» и «Военно-исторический журнал»).

Освещение в советской прессе событий в Новочеркасске 1–3 июня 1962 года стало ярким примером преобразования отечественных СМИ в годы перестройки. И если в причинах беспорядков и хронологии развития событий разногласий у двух «противоборствующих лагерей» не было, то в оценке роли Вооруженных сил и количестве жертв мнения были кардинально противоположными. Важно так же отметить, что в условиях конституционного запрета цензуры она пытается найти более гибкие формы воздействия, носит скрытый характер, использует внеправовые способы воздействия на СМИ [12, с. 22]. Статьи в «Комсомольской правде», «Литературной газете» «Огоньке» и вышедшие им в ответ публикации в «Советском воине» и «Военно-историческом журнале» наглядно показали как, выбирая «нужные воспоминания», можно совершенно по-разному интерпретировать одни и те же события.

Не смотря, на то, что версия, озвученная военными СМИ, была подтверждена результатами расследования Прокуратуры СССР и архивными документами, точка в истории Новочеркасских событий так и не была поставлена.

В прессе, в том числе и военной, и в наши дни появляются материалы, авторы которых диаметрально противоположно трактуют события в Новочеркасске [13; 14; 15]. Отдельные исследователи даже пытаются найти исторические параллели между этими событиями и печально известным «Ленским расстрелом» [16]. В документальных («Следствие вели...», «Как это было») и художественных («Однажды в Ростове») фильмах появляются версии о снайперах, которые вели прицельную стрельбу по демонстрантам, говорится о целенаправленном расстреле участников беспорядков. Однако высказываемые предположения по-прежнему не находят документального подтверждения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Юматов К. В.* К проблеме источниковедческого анализа периодической печати периода перестройки по истории Армяно-Азербайджанского этнополитического конфликта // Вестник Томского государственного педагогического университета. 2012. № 3. С. 100-105.
2. *Козлов А. В.* Военная журналистика в годы коренных преобразований в сфере гласности и свободы прессы в Советском Союзе (1986–1991 гг.) // Армия и общество. 2009. № 1. С. 149-154.
3. Обращение ЦК КПСС и Совета Министров СССР ко всем рабочим и работницам, колхозникам и колхозницам, рабочим и работницам совхозов, советской интеллигенции, ко всему советскому народу // Правда. 1962. 1 июня. С. 1.
4. *Беспалов Ю.* Новочеркасск, 1962 // Комсомольская правда. 1989. 2 июня. С. 4.
5. Тогда в Новочеркасске // Литературная газета. 1989. 21 июня. С. 13.
6. *Мельничук Н.* Новочеркасск 1962-го: вымыслы и правда // Советский воин. 1990. № 10. С. 69-71.
7. *Третьцкий А. В.* Новочеркасск: июнь 1962 года // Военно-исторический журнал. 1991. № 1. С. 68-76.
8. *Трубин Н.* Новочеркасск-62: Как это было // Правда. 1991. 3 июня. С. 4.
9. *Абрамова Ю. А.* Взаимоотношения руководства КПСС и Советской Армии в период хрущевской «оттепели». 1953–1964 гг.: дисс. ... канд. ист. наук. М., 2000.
10. *Козлов В. А.* Неизвестный СССР. Противостояние народа и власти 1953–1985 гг. М.: ОЛМА-ПРЕСС, 2006.
11. *Пихоя Р. Г.* Советский Союз: история власти 1945–1991. Новосибирск: сибирский хронограф, 2000.
12. *Куликова С. А.* Теоретико-методологические подходы к правовому понятию цензуры // Конституционное и муниципальное право. 2012. № 7. С. 20-23.
13. *Карпов В.* Расстрелянный город // Труд. 2007. 2 июня. С. 4.
14. *Котов П.* Оттепель под прицелом // Вокруг света. 2012. № 6.
15. *Скорик А. П.* Хронограф Новочеркасской трагедии 1962 г. // История в подробностях. 2012. № 4 (22). С. 28-50.
16. *Бондарев В. А.* Ленский расстрел – Новочеркасский расстрел: об исторических параллелях // История в подробностях. 2012. № 4 (22). С. 92-98.

Об авторе:

Соловьев Рустам Арсланович – аспирант кафедры отечественной истории факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

«ЦЮРИХСКОЕ ДЕЛО» РУССКИХ СТУДЕНТОК 1873–1874 гг. И ЕГО ПОСЛЕДСТВИЯ ДЛЯ РАЗВИТИЯ ВЫСШЕГО ЖЕНСКОГО ОБРАЗОВАНИЯ В РОССИИ

Е. В. Петров, Т. С. Криницына, В. И. Коньков

Данная статья посвящена особым мерам правительства Российской империи в отношении русских студенток, обучавшихся в Швейцарской конфедерации в 1870-е гг. XIX в. В условиях радикализации общественных взглядов и настроений, правительство запретило русским студенткам Цюрихского университета заниматься педагогической деятельностью на территории империи. В то же время, из членов правительства и Собственной Е. И. В. Канцелярии была образована особая Комиссия, которой Высочайшим указом было поручено разработать проект устава Высших женских курсов. В статье рассматриваются чрезвычайные меры, предпринятые правительством по «Цюрихскому делу» и его последствия для развития высшего женского образования в России.

Ключевые слова: русские студентки Цюрихского университета и политехникума, история женского образования в России.

Вопросам изучения истории и теории развития женского образования в России посвящено немало работ [1, 2, 3, 4, 5]. Однако так называемое «Цюрихское дело русских студенток» пока не получило должной оценки в историографии. Под «Цюрихским делом» традиционно понимают и рассматривают систему чрезвычайных мер, предпринятых правительством в отношении русских студенток, обучавшихся в Швейцарии в 1870-е гг. Развертывание этих событий было напрямую связано с распространением революционных идей в среде студенчества. В более ранней публикации мы приводили список студенток, подвергшихся «запретительным мерам» со стороны правительства [6]. Но само дело не ограничивалось только рестриктивным списком, а включало в себя широкий спектр правительственных инициатив по предупреждению последствий данного явления.

Документы, свидетельствующие о развитии женского высшего образования в России во второй половине XIX века, находятся на хранении среди материалов Департамента народного просвещения Российской империи в фондах Российского государственного исторического архива [7]. В деле за номером 268 под заголовком «О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум» имеются рукописные и машинописные бумаги Департамента народного просвещения Россий-

ской Империи по разряду женских учебных заведений. Хронологические рамки дела охватывают период с 1873 по 1874 гг. Подобные материалы в отечественной историографии традиционно и преимущественно рассматривались не столько с точки зрения изучения истории высшего женского образования, сколько с точки зрения развития и распространения народно-вольческого революционного движения в студенческой среде (многие женщины из данного списка входили в кружок «Фриче»). Тем не менее, представляется крайне важным рассмотреть не только меры рестриктивного характера предпринятые царским правительством в отношении русских студенток в Цюрихе, но и частные инициативы, обсуждавшиеся в ходе заседаний правительственной комиссии, и имевшие непосредственное значение для создания, открытия и работы высших женских курсов.

Дело представляет собой многочисленную служебную переписку сотрудников III-го и IV-го Отделения Собственной Его Императорского Величества Канцелярии*, Министерства народного просвещения, попечителей учебных округов Российской империи, руководства и сотрудников ряда крупнейших университетов (Московского, Киевского и др.), ряда учебных заведений среднего звена и т. д., свидетельствующую о развитии «Цюрихского дела». Однако особый интерес представляют собой материалы специальной Комиссии, созданной с целью обсуждения вопроса о создании высших женских учебных заведений, и частные инициативы по организации «Общества для пособия учащимся женщинам в высших учебных заведениях» Российской империи.

В марте 1873 года по Высочайшему повелению, была создана Комиссия в составе министров внутренних дел и народного просвещения, главного начальника III-го Отделения и товарища главноуправляющего IV-м Отделением Собственной Е. И. В. Канцелярии – А. Тимашева, Д. Толстого, П. Шувалова и Н. Шторха [7, л. 25-26 об.]. Главной причиной созыва Комиссии стал факт постоянно возрастающего количества русских женщин в Цюрихских университете и политехникуме, и тех особенностей, которые

* III Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии было создано в 1826 году как высший орган политической полиции Российской империи. Особый интерес для данного исследования представляет III Экспедиция III Отделения, которая в 1826–1866 гг. осуществляла надзор за пребыванием иностранных граждан на территории Российской империи. С середины 1866 года к III Экспедиции перешли функции по наблюдению за общественным и революционным движением и производству дознаний по политическим делам. С 1873 на III Экспедицию также были возложены функции по сбору сведений о происшествиях на территории России. IV Отделение Собственной Е. И. В. Канцелярии Было создано на основе канцелярии императрицы Марии Федоровны в 1828 году. Занималось делами, связанными с женским образованием, приютами, здравоохранением.

это явление сопровождали. Тщательное изучение собранных Комиссией сведений убедило ее членов, что данное явление тесно связано с женским вопросом, поднятым первоначально радикальной печатью, а затем получившим распространение в общественной среде. Важно отметить, что, несмотря на «особое значение, придаваемое ему журналистикой», члены Комиссии признавали, что никакого решения по данному вопросу так и не было принято.

Под «женским вопросом» радикальная общественность понимала не только развитие «прочного, основательного образования» и расширения сфер деятельности, но и уравнивание прав женщины с правами мужчины, участие женщин в политике и т. д. Отметая подобные «утопические» требования, Комиссия, тем не менее не могла ни обратить внимание на проблемы, с которыми сталкивались женщины при желании получить образование.

Во второй половине XIX века в Российской империи назрела необходимость создания и регулярного функционирования высших женских учебных заведений. Уже имеющиеся в то время учебные заведения, доступные для женской аудитории (Аларчинские, Владимирские курсы и др.), не могли в полной мере удовлетворить потребностей русских женщин в получении высшего образования. Стремление их лишь отчасти могло быть компенсировано возможностью обучения за рубежом – в европейских университетах. Исключением не были и Цюрихский университет и политехникум, которые стали своеобразным центром концентрации русских студенток: общий список обучающихся там женщин на 1873 г. включал порядка 100 имен [7, л. 25]. Тем не менее важно упомянуть, что Швейцарская конфедерация, и в частности, Цюрих, были также и средоточием русской революционной мысли. Оба этих факта не могли ни обратить на себя внимание сотрудников III-го Отделения.

По данным III-го Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии, если первые женщины в Цюрихском Университете действительно стремились к получению знаний (среди подобных женщин упоминают, в первую очередь, доктора медицины Н. П. Суслову) [7, л. 25-25 об.], то со временем, женщин в Швейцарию стали привлекать именно революционные идеи русских эмигрантов (М. А. Бакунина, П. Л. Лаврова, С. Г. Нечаева и др.) [7, л. 25]. Социальный, национальный и религиозный состав учащих девушек, не оставлял сотрудникам Отделения, а затем и членам Комиссии сомнений в том, что данное явление был случайным. Об этом же говорят и цифры: из 103-х студенток только 2 прибыли в 1869 году, в 1870 – 5, в 1871 – 4. Все остальные девушки прибыли в Цюрих в 1872 и 1873 годах [7, л. 25 об.].

Опасаясь дальнейшего распространения революционных и утопических идей внутри страны (предполагалось, что студентки, по возвращении, займутся, в том числе, и педагогической деятельностью), Комиссия выработала комплекс мер.

С одной стороны, предполагалось объявить всем русским женщинам, посещающим Цюрихский университет, что те из них, кто в назначенный срок не прекратят своих занятий, по возвращении в Россию не будут допущены «ни к какой деятельности» или обучению в русских учебных заведениях, требующих санкции правительства [7, л. 26-26 об.]. Предвосхищая общественные дискуссии, предполагалось подробно разъяснить данную меру с помощью специальной публикации в «Правительственном Вестнике», которая знакомила бы общество с ситуацией, сложившейся в Цюрихе.

С другой стороны Комиссия, понимая всю сложность решения «женского вопроса», предлагала принять меры, улучшающие положение женского образования в Российской империи. Констатируя сложившуюся ситуацию, Комиссия отмечала, что и в более ранний период правительство не оставалось совершенно безучастным к проблеме женского образования. При нескольких учебных заведениях, подведомственных IV Отделению Собственной Е. И. В. Канцелярии, к тому времени уже были учреждены особые педагогические курсы, хотя и не имеющие статуса высших учебных заведений. Кроме того, Министерство народного просвещения способствовало открытию в Петербурге и Москве особых курсов, читаемых профессорами университетов (в объеме университетского курса). Наконец, при Императорской медико-хирургической академии были учреждены, хоть и временно, курсы акушерок. В период работы Комиссии, в Министерстве народного просвещения, также, составлялся проект учреждения медицинских курсов при всех университетах, имеющих медицинские факультеты [7, л. 25 об.].

Однако Комиссия признавала, что правительство едва ли может считать задачу выполненной, а проблему – решенной. Несмотря на констатацию факта, власти, тем не менее, не были готовы пойти на расширение круга деятельности женщин, допустив их к работе на телеграфе, железных дорогах, в почтовых и других учреждениях, как того требовали революционные деятели и как уже имело место быть в Европе. Всё, что предлагала Комиссия для разрешения женского вопроса в сфере образования, сводилось к созданию высших женских учебных заведений со строго определенным курсом, основанном на изучении историко-филологических предметов. В качестве образца и примера Комиссия приводила высшие женские училища в Берлине (*Victoria-Lyceum für Damen*, *Königliche Luisenstiftung*, *Königliche Augusta-Schule* и др.). Подобные заведения предполагалось соз-

дать, первоначально, в Петербурге и Москве, а затем, по мере изыскания средств, и в других городах, где находились университеты.

Таким образом, Комиссия предполагала данным решением развязать клубок противоречий: с одной стороны, подобные учебные заведения удовлетворяли бы желаниям женщин в получении образования, снижая поток русских студенток в европейских университетах, а другой – решало бы проблему с нехваткой квалифицированных преподавательниц. Дело в том, что воспитанницы педагогических курсов не могли полностью удовлетворить данного запроса, а профессорские курсы в Петербурге и Москве «едва ли достигали цели», так как «не имели строгого, законченного характера» [7, л. 26 об.].

Важно отметить, что в мае 1873 года заключение Комиссии было одобрено императором и на проекте о создании высших женских учебных заведений была наложена резолюция «Исполнить» [7, л. 1.].

В течение последующих месяцев была собрана новая Комиссия из сотрудников и ведущих педагогов Министерства народного просвещения и IV Отделения Собственной Е. И. В. Канцелярии с целью создания устава и учебного плана нового учебного заведения. В результате работы комиссии в ноябре 1873 года был представлен проект устава высшего общеобразовательного заведения для женщин. Проект этот в последствии несколько раз пересматривался комиссией, которая, в том числе анализировала европейский опыт. Например, помимо немецкого опыта, члены Комиссии знакомились с положением о Королевском женском училище в Милане [7, л. 60-60 об.].

Согласно предложенному уставу, высшие женские курсы должны были состоять под Высочайшим покровительством одной из женских особ Царствующего дома и под главным начальством Министерства народного просвещения. Управление курсов должно было осуществляться Советом штатных преподавателей под руководством председателя. Штатными преподавателями могли быть только преподаватели университета и других равных ему высших учебных заведений или же лица, имеющие степень магистра в своей области. Штатные преподаватели определялись состоящими на государственной службе и первоначально назначались министерством, а затем уже утверждались им при избрании в Совет посредством баллотировки. Нештатные преподаватели могли быть приглашены Советом, но не более чем на 2 года, кандидатуры их должны были утверждаться попечителем соответствующего учебного округа. Нештатные преподаватели в период их преподавания также зачислялись на государственную службу [7, л. 37].

На Высших женских курсах предполагалось изучение следующих обязательных предметов: энциклопедия, всеобщая и русская история, история церкви, история искусства, политическая экономия, всеобщая и русская литература, физика, химия, физика Земного шара (физическая география с геометрией), физиология (растений и животных), письмо. Математика, педагогика («педагогия»), языки (французский, немецкий, английский, итальянский, латинский, греческий) предлагались как предметы необязательные. Помимо лекционных занятий профессорам литературы и истории предписывалось руководство практическими занятиями [7, л. 37 об.- 38].

В число слушательниц курсов допускались девицы и замужние женщины не моложе 16 лет, окончившие курс в учебном заведении среднего звена, пансионе первого разряда, имевшие диплом на домашнюю учительницу и наставницу. В число вольнослушательниц допускались также и лица, которые вследствие своих педагогических занятий или семейных обстоятельств не имели возможности слушать все лекции. Полный курс охватывал все обязательные предметы и продолжался 3 года.

По окончанию курса и сдаче устного экзамена слушательницы получали диплом, предоставляющий право преподавания во всех классах сельских средних учебных заведениях [7, л. 38-38 об.].

Столь высокие требования, предъявляемые и к уровню преподавания на курсе, и к будущим слушательницам не могли не повлечь за собой вопросы к уровню преподавания в государственных женских гимназиях. Как писал попечитель Московского учебного округа князь А. П. Ширинский-Шихматов министру народного просвещения графу Д. А. Толстому в своем ходатайстве о превращении частной гимназии г-жи Фигнер в казенное учебное заведение, «если правительство признало необходимость высшего образования женщин, то соответственно этому, и программа женских гимназий ничем не должны отличаться от программы гимназий мужских» [7, л. 43]. Важно отметить, что в своем письме попечитель отмечает, что подобная тенденция уже имеет место быть: педагогическим советом Владимирской женской земской гимназии, Усачева-Чернявского женского учебного заведения были введены занятия латинским языком. Подобное желание изъявляли и воспитанницы кандидатских классов Николаевского сиротского института. Эти факты, а также ходатайство о принятии частной гимназии на баланс государства говорит, скорее, о том, что женское образование в Российской империи находилось на начальной стадии своего развития. Многие достойные учебные заведения были недоступны, так как

находились в частных руках, а программа казенных гимназий редко когда могла обеспечить успешное продолжение образования.

Понимая проблему малодоступности высшего образования для женщин из семей с недостаточным доходом, общественность, в лице Анны Павловны Философовой*, в феврале 1874 года направило в Министерство внутренних дел предложение и проект устава Общества для пособия женщинам в высших учебных заведениях [7, л. 97-103]. Главной целью Общества должна была стать помощь нуждающимся женщинам для получения высшего образования.

Предполагалось, что общество будет выдавать учащимся денежные пособия (единовременные или постоянные), а также снабжать их необходимыми предметами и вещами, помогать в решении бытовых проблем, содействовать в организации занятий. Условия оказания помощи в каждом отдельном случае должны были оговариваться отдельно.

Предполагалось, что процедура выдачи пособия будет выглядеть следующим образом: нуждающиеся в пособиях учащиеся женщины должны были обратиться с ходатайством в Комитет общества, который, после сбора необходимых сведений о нуждающейся и признании ее заслуживающей помощи, разрешал выдачу пособия в размере и на основаниях правил, утвержденных Собранием (и Министерством внутренних дел).

Члены общества (почетные и действительные) должны были избираться посредством баллотировки на общем собрании. Средства общества образовывались: из ежегодных взносов действительных членов (5 рублей ежегодно или 100 рублей единовременно); из пожертвований; из возвращаемых обществу ссуд; из сборов от устраиваемых в пользу общества литературных чтений, концертов, спектаклей, лотерей и т. д. Из ежегодных доходов общества должна была отделяться часть в его запасный капитал, расходование которого возможно было произвести только с разрешения общего собрания.

Данный проект был подвергнут серьезному обсуждению. В марте 1874 года проект общества был переадресован для ознакомления в Министерство народного просвещения и рассмотрен на заседании Ученого комитета Министерства. Было признано, что проект «составлен последовательно и не

* Анна Павловна Философова (в девичестве – Дягилева) – общественный деятель, один из лидеров женского движения в Российской Империи 1860–1880-х годов. Выступала одним из организаторов Владимирских женских курсов (1870), а затем вместе с Н. В. Стасовой, М. В. Трубниковой и А. Н. Бекетовым добилась открытия и Бестужевских высших женских курсов (1878). Принимала активное участие в создании «Общества для доставления средств Высшим женским курсам» (1878).

представляет ничего такого, что было бы противно общим постановлениям относительно подобных благотворительных обществ» [7, л. 82 об.].

Большинство замечаний Министерства носили, скорее, уточняющий характер, однако важно обратить внимание на одно из них. Принципиальным стал вопрос о том, на какие учреждения будет распространяться деятельность Общества (еще не созданные высшие женские учебные заведения, или курсы при Медико-хирургической академии, или же педагогические курсы при гимназиях). Из данного вопроса логично вытекал следующий: о необходимости согласования деятельности Общества с руководителями образовательных учреждений и их «ближайшим начальством». Таким образом, ставилось несколько вопросов: на какие учреждения будет распространяться деятельность Общества и какому ведомству оно будет подотчетно. Министерство народного просвещения не могло взять Общество под свой контроль, так как педагогические курсы, как часть гимназических курсов, подчинялись IV Собственной Е. И. В. Канцелярии. В ходе обсуждения был поднят вопрос о том, будет ли юрисдикция Общества распространяться на будущие высшие женские учебные заведения, проект устава которых в тот момент разрабатывался. Так как смежные с этими вопросы все еще находились на обсуждении Комиссии, было принято решение отложить решение вопроса о создании Общества до момента создания высших женских курсов [7, д. 112-112 об.].

Безусловно, подобные попытки решения проблемы не могли быть одобрены русскими революционными деятелями в Швейцарии. Еще в июне 1873 года профессорско-преподавательский состав целого ряда университетов империи (Московского, Киевского и др.), а также редакции газет получили печатные прокламации* под заглавием «Русским цюрихским студенткам» [7, л. 4, 6, 8, 11]. Текст этой прокламации обличал русское правительство в произволе и призывал к борьбе с самодержавием. После длительного разбирательства, к ноябрю 1873 года был составлен список из 44 студенток, которые не должны были быть допущены к какой бы то ни было педагогической деятельности на территории Российской империи, и сведения о которых были в распоряжении III-го Отделения [7, л. 47-49]. Список был разослан попечителям учебных округов Российской империи.

При составлении и проверке данного списка, властями была выявлена закономерность – несколько девушек, попавших в него, обучались в одной и той же гимназии в Симферополе, что спровоцировало проверку на

* Подробнее с текстом прокламации можно ознакомиться: Лавров П. Л. Избранные сочинения на социально политические темы в 8 томах. Т. 2. М., 1934. С. 7-21.

местах. На запрос от Министерства к попечителю учебного округа, последовал ответ, что подобное совпадение – случайность. В качестве аргументов попечитель обратил внимание властей, что напротив 22 из 44 студентов вообще не было указано место их обучения, а также, что в Цюрих приезжали студентки и из других, в том числе внутренних, регионов империи [7, л. 69-72]. Аналогичная ситуация возникла и в Саратове, где по инициативе ведомства проходило разбирательство, заканчивала ли студентка Екатерина Обухова Саратовский институт. Директор этого института сообщил, что такой студентки никогда не значилось в списках. Позднее выяснилось, что Обухова, закончив гимназию и выдержав экзамен на звание домашней учительницы, брала частные уроки у преподавателей института, после чего и уехала в Цюрих [7, л. 73-74 об., 92-92 об.].

Безусловно, подобный запретительный документ не мог быть приведен в действие без попытки оспаривания. Возвратившаяся из Швейцарии в Полтавскую губернию Леонида Кольченко, изъявила желание открыть учебное заведение в имении матери, на что и испрашивала разрешения властей. Однако, несмотря на ходатайства местного предводителя дворянства, с приложением всех документов, положительно характеризующих Л. Кольченко, а также письма полтавского губернатора с просьбой вернуть Кольченко право преподавания, хотя бы и без возможности открытия учебного заведения, право какой бы то ни было педагогической деятельности ей возвращено не было [7, л. 50-50 об., 75-77, 93-93 об., 104-105 об.]. В своих запретительных действиях правительство было непреклонно.

Таким образом, правительственные инициативы во избежание недовольства и «прекращения оттока русских женщин в европейские университеты» не ограничивались только созданием рестриктивного списка. Члены особой Комиссии в ходе заседаний рассматривали и учли европейский опыт в решении женского вопроса. Выработанные и предложенные правительственной комиссией меры носили превентивный характер и способствовали открытию в городах империи Высших женских курсов, ставших прообразом женского высшего образования в России.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Бемерт В.* Университетское образование женщины. СПб., 1873.
2. *Вахромеева О. Б.* Новая женщина в старой России. Очерки по истории женского образования. СПб., 2011.
3. *Зимин И. В., Журавлев А. А.* СПбГМУ им. акад. И. П. Павлова: Этапы большого пути: Возникновение женского медицинского образования в России и создание Женского медицинского института (XVIII – начало XX вв.). СПб., 2012.
4. *Котовская М. Г.* К истории женского образования в России (XVIII–XIX вв.) // Вестник Православного Свято-Тихоновского гуманитарного университета. Серия 4: Педагогика. Психология. 2014. № 4 (35). С. 103-113.
5. *Алферова И. В.* «Женский вопрос в аспекте гражданогенеза: Россия и мировое сообщество // Гражданогенез в России. Под общей редакцией В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. Брянск, 2009. С. 205-213.
6. *Петров Е. В., Криницына Т. С., Дудченко Г. Б., Подсадников Д. А.* «Не должны быть допускаемы к какой бы то ни было педагогической деятельности»: о списке российских подданных в Цюрихском университете и «политехникуме» в 1873–1874 гг. // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук В. Ф. Блохина. Выпуск 8. Сер. Историография и источниковедение отечественной истории. СПб.: Гегемон, 2015. С. 297-303.
3. «О мерах к прекращению прилива русских женщин в Цюрихские университет и политехникум» // РГИА. Ф. 733. Оп. 191. Д. 268.

Сведения об авторах:

Петров Евгений Вадимович – д. и. н., профессор кафедры источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Криницына Таисия Сергеевна – студентка 4 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

Коньков Валерий Игоревич – студент 2 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

**ДЕЯТЕЛЬНОСТЬ МИРОВЫХ ПОСРЕДНИКОВ
НА СТРАНИЦАХ
«ОРЛОВСКИХ ГУБЕРНСКИХ ВЕДОМОСТЕЙ»
1862–1864 гг.**

А. В. Новикова

В статье освещается процесс деятельности института мировых посредников, созданного в 1861 г. Материалы «Орловских губернских ведомостей» позволяют сделать ряд выводов: во-первых, обращение к периодической печати и публицистике 1860-х гг. дает возможность оценить значение и роль института мировых посредников в системе государственной власти России XIX в. Во-вторых, можно определить причины недовольств, требований, замечаний, жалоб дворянского сословия по отношению к конкретным мировым посредникам, выявить оценки помещиками созданного нового института пореформенного управления в деревне.

***Ключевые слова:** пореформенная Россия, губернские ведомости, периодическая печать, мировые посредники, губернские и уездные по крестьянским делам присутствия; крестьянская реформа, дворянское сословие, крестьянство, уставная грамота, мировые съезды.*

Вопросы реализации реформы 1861 г. в центральных губерниях России неоднократно попадали в поле зрения историков, а юбилей отмены крепостного права, широко отмеченный в стране в 2011 г., привлек внимание к целому ряду, как оказалось, не до конца изученных исследовательских проблем, связанных с этим, несомненно, ключевым событием в российской истории XIX в.

По объективной оценке одного из виднейших современных исследователей аграрной реформы, профессора Санкт-Петербургского университета С. Г. Кащенко, центр тяжести в изучении крестьянской реформы 1861 г. сегодня оказался заметно смещенным в сторону от одного из основных историографических направлений, которое было сформулировано более 60 лет назад и получило широкое распространение в канун столетнего юбилей отмены крепостного права в работах крупных российских историков. В те годы внимание обращалось на анализ результатов, экономических последствий реформы [1].

В настоящее время под новым углом зрения рассматриваются сюжеты, освещающие предреформенную ситуацию в России, объективные

и субъективные предпосылки отмены крепостного права, расширилась география исследований [2, 3, 4, 5, 6, 7, 8, 9, 10]. Однако приходится констатировать, что, несмотря на значительные исследовательские усилия, на сегодняшний день еще не написана обобщающая работа, в которой в деталях, на основе анализа обширного комплекса дошедших до нас источников была бы освещена история реализации реформы в рамках Российской империи [11].

О необходимости создания «обобщающего труда по истории крепостничества в России, основанного на надежном источниковом фундаменте и новейших разработках российских историков», шла речь и на «круглом столе» в Институте российской истории РАН [12]. Важным фрагментом такой обобщающей картины, на наш взгляд, выступает история появившегося в результате отмены крепостного права в 1861 г. нового государственного института мировых посредников, который был непосредственно связан с реализацией намеченных преобразований в деревне.

В перечень обязанностей чиновников созданного новообразования входило составление уставных грамот, урегулирование межсословных конфликтов, рассмотрение споров и жалоб дворянства и крестьян. Посредниками устанавливалось время проведения сельских сходов, утверждалось назначение волостных старшин и старост. Чиновники обладали большим кругом обязанностей и избирались на трехлетний срок Сенатом. Мировые посредники каждого уезда составляли мировой съезд, который возглавлял предводитель дворянства. Подотчетны мировые посредники были губернскому по крестьянским делам присутствию, но при этом обладали большой самостоятельностью. Снять с должности мирового посредника можно было только по решению суда и согласию Сената.

Несмотря на очевидную важность созданного в ходе осуществления реформы института, его изучению долгие годы уделялось незначительное внимание. Исключение составили труды А. А. Корнилова [13], Н. М. Дружинина [14], Л. Г. Захаровой [15], В. Г. Чернуха [16]. Причиной ограниченного внимания к проблеме, на наш взгляд, являлось то, что основные источники, связанные с его деятельностью, находятся в региональных архивах. Сенат занимался лишь формальным по представлениям из губерний назначением и увольнением посредников, выражал согласие/несогласие с решением суда по поводу их отстранения от должности. Документы о составлении уставных грамот, урегулированию возникавших конфликтов, многочисленная переписка по этому поводу находятся в фондах губернских и уездных по крестьянским делам присутствий.

В последние годы заметно расширился круг региональных исследований, посвященных рассматриваемой тематике [17, 18, 19, 20, 21, 22, 23, 24, 25, 26, 27, 28, 29, 30, 31, 32]. Тем не менее, значительное количество еще неизученного материала, отражающего деятельность института посредников, лишь подчеркивает необходимость обращения к этой проблеме для составления полной картины процесса реализации реформы 19 февраля 1861 г. в России.

Изучение этого вопроса было бы далеко неполным без использования такого источника как периодическая печать. Публицистика того времени служила своего рода показателем отношения общественности к мировому посредничеству с момента его появления и на протяжении всего развития.

Обращение к периодической печати и публицистике 1860-х годов, дает возможность оценить значение и роль института мировых посредников в системе государственной власти России XIX века. С началом 1860-х гг. вопрос отмены крепостного права и способов реализации реформы был самым обсуждаемым как в обществе, так и в печати. Таким образом, всеобщее внимание было обращено на специально созданный, новый институт мировых посредников, ключевой целью которого являлось реализовывать положения реформы на местах.

Однако цензура не допускала к печати разбор «Положений 19 февраля», и ограничения касались широкого круга аспектов: от обсуждения «Положений», до критики решений губернских присутствий. Это обстоятельство способствовало возрастанию значимости губернских ведомостей, так как читатели с их помощью имели возможность получить относительно достоверное представление о реализации крестьянской реформы на местах.

Губернские ведомости в качестве официальных правительственных органов печати в провинции появились с января 1831 г. Изначально предполагалось, что они будут выходить в свет один или два раза в неделю. С момента зарождения «Ведомостей» предусматривалось наличие в них двух отделов: 1) общего, статьи которого содержали общегосударственные распоряжения, и 2) местного, со сведениями по конкретной губернии. По замыслу учредителей, «Ведомости» должны были в первую очередь более оперативно и полно доводить до сведения населения распоряжения губернского начальства [33, с. 59-61]. На страницах губернских изданий рассматривались принципиально важные вопросы, проблемы и ситуации, связанные с деятельностью нового института.

Стоит также отметить, что в 1862 г. в Санкт-Петербурге начал издаваться журнал-газета «Мировой посредник», редактором-издателем ко-

торого выступил журналист, писатель и историк Е. П. Карнович. Журнал отслеживал деятельность института мировых посредников во всех губерниях, основываясь именно на материалах губернских ведомостей, издававшихся в различных губерниях России. Таким образом, читатели могли получать достаточно полные сведения о ходе реализации крестьянской реформы.

В данной статье будет рассмотрена деятельность мировых посредников на основе материалов «Орловских губернских ведомостей». В «Ведомостях» можно встретить публикацию множества жалоб со стороны дворянства в адрес чиновников, освещение споров и конфликтов, предметом которых было неправильное составление уставных грамот, решения губернского по крестьянским делам присутствия, постановления Сената как о назначении, так и снятии с должности посредников. Все эти сведения дают возможность восстановить образ мирового посредника, представшего на страницах газеты перед читателями.

В издании широко отражены разного рода постановления Орловского губернского по крестьянским делам присутствия: рассматривалось множество вопросов касательно деятельности мировых посредников. Дело в том, что чиновники, наделенные широкими полномочиями, были подотчетны уездному съезду мировых посредников, а сам съезд – Орловскому губернскому по крестьянским делам присутствию, которое представляло собой независимую межведомственную комиссию, возглавляемую губернатором. Помимо него в губернское присутствие входил предводитель дворянства, прокурор окружного суда, вице-губернатор и два представителя от правительства.

Присутствием контролировались и решались следующие вопросы: выкуп имений, измерение земель при выкупе, льготы дворовым людям, представление к награде старшин и старост, отслеживание исполнения мировыми посредниками постановлений губернского присутствия, прошения крестьян, в которых они жаловались на помещиков, отобравших надел и имущество [35, № 19, 11 мая]. В последних случаях мировому посреднику приходилось вмешиваться в возникшую проблему и выносить свое собственное решение [35, № 19, 11 мая]. Также рассматривались бесчисленные жалобы дворян, публиковались указы правительствующего Сената о назначении на должность мирового посредника и его отстранении.

Чаще всего в издании встречаются жалобы помещного дворянства на мировых посредников и их деятельность, адресованные губернскому присутствию. Так, например, помещица Карачевского уезда, Кашаева, подавала прошение, в котором жаловалась на неправильные, по ее мнению, дей-

ствия мирового посредника, не приказавшего крестьянам платить ей оброка и разных сборов за особо предоставленную крестьянам от надела землю. Помещица настаивала на «уничтожении неправильных действий» мирового посредника [34, № 12, 24 марта].

Получил освещение на страницах «Орловских губернских ведомостей» и другой эпизод: помещик Саранчов, адресовал свою жалобу о «несправедливых и притеснительных» действиях мирового посредника, орловскому губернскому предводителю дворянства. Помещик просил предводителя оказать ему свое покровительство и «употребить свое содействие» о предоставлении его имени в ведение другого мирового посредника [34, № 31, 4 августа].

Стоит отметить, что в число полномочий предводителя не входило вмешательство в деятельность мировых посредников, однако помещик придерживался иного мнения, которое было основано на традиционных представлениях о функции органов сословного управления. Дворянство не стеснялось обвинять посредников по любому поводу, а наиболее часто повторяющимися были всякого рода недоразумения, связанные с уставными грамотами.

Так, брянский помещик Пряженцев подал прошение в губернское присутствие, в котором написал об отклонении его ходатайства по вопросу уставных грамот. При этом он сообщил, что мировой посредник прислал ему уставную грамоту для исправления вечером, а вернуть ее необходимо было в девять часов утра. В такой, по мнению помещика, поспешности нельзя было не видеть «явное пристрастие и стеснение». Однако губернское присутствие иначе подошло к этой ситуации и не обнаружило в ней ничего «заслуживающего особенного внимания», так как для исправления уставной грамоты, по сделанным ранее замечаниям, не требовалось много времени. Помимо всего прочего, на тот момент, связанный с началом реализации реформы на местах, мировые посредники были обременены колоссальным количеством работы по введению в действие уставных грамот. Таким образом, вполне естественной оказалась и реакция присутствия, которое отнеслось к этой «поспешности» с пониманием, и посчитало, что действия мирового посредника никак не заслуживают порицания [34, № 31, 4 августа].

На страницах газеты получил освещение и другой случай, связанный с утверждением уставных грамот. Помещик Малоархангельского уезда П. Казаков подал в губернское присутствие прошение, в котором жаловался на неправильные действия мирового посредника по введению в его имени уставной грамоты. Жалоба состояла из нескольких пунктов и сводилась к следующему: посредник вернул помещику предоставленную ему грамоту.

Однако не дождался исправлений, которые должен был сделать Казаков, а сам внес необходимые, на его взгляд, изменения. При этом туда не были включены «заявления о разверстании угодий и переселении крестьян», которые, очевидно, заметно ущемляли интересы крестьянской общины. Губернское присутствие и на этот раз посчитало жалобу помещика несправедливой, а действия посредника вполне законными. На основании этого было принято решение отказать П. Казакову в прошении [35, № 10, 9 марта].

Примечателен и другой эпизод, отраженный на страницах «Орловских губернских ведомостей». Помещица Грыневецкая подала прошение начальнику губернии, в котором жаловалась на не взыскание оброка с ее временно обязанных крестьян мировым посредником, несмотря на неоднократные ее жалобы. В свою очередь мировым посредником было установлено, что крестьяне Грыневецкой, в виду обремененности барщинной повинностью, не в состоянии были оплатить оброк. При рассмотрении этого дела, губернское присутствие пришло к решению о необходимости введения в имении помещицы Грыневецкой уставной грамоты, «по введению которой, должны были значительно уменьшиться крестьянские повинности» [35, № 1, 5 января].

Помещики во многих случаях были не довольны работой не только посредников, но и мирового съезда. Например, малоархангельский владелец имения М. Лаврениус подал в губернское присутствие прошение, в котором жаловался на мирового посредника, не принявшего от него объявления с требованием об удалении из общины крестьянина Ивана Максимова. Помимо претензий к посреднику, помещик сетовал на постановление малоархангельского мирового съезда, который, по его мнению, в большей степени, должен был заниматься делом удаления крестьянина из усадьбы [35, № 10, 9 марта].

Наиболее распространенными в подаваемых прошениях в губернское присутствие были обвинения мировых посредников в «пристрастных действиях» в отношении поместных дворян. При этом, претензии не содержали каких бы то ни было обоснований или доказательств [35, № 12, 23 марта]. Присутствие, как правило, направляло подобные жалобы самому посреднику, либо отказывало в прошении, ввиду его откровенной неправомерности. Так, малоархангельская помещица баронесса Черкасова подала в губернское присутствие прошение, в котором объяснила, что категорически не согласна с решением мирового посредника предоставить льготы и отстранить от обязательных работ в течение трех месяцев крестьян-погорельцев. Баронесса высказала свое возмущение и сочла требование мирового посредника незаконным. Однако губернское присутствие откло-

нило прошение помещицы, признав его «не заслуживающим удовлетворения» [35, № 29, 20 июля].

В жалобах владельцев имений, содержавших обвинения в адрес посредников, чаще всего фигурировали несправедливые, по мнению апеллянтов, действия при отводе дворовым людям земли и усадеб [35, № 31, 3 августа], неправильное назначение полугодий [35, № 31, 3 августа], не взыскание с крестьян следуемых недоимок [35, № 33, 17 августа], «медленность» в совершении выкупной сделки [35, № 36, 7 сентября], неправильное назначение оброка [35, № 36, 7 сентября].

Таким образом, материалы «Губернских ведомостей» дают возможность восстановить характер заявленных неудовольствий, исков и требований поместного дворянства Орловской губернии к конкретным мировым посредникам и к созданному новому институту власти в целом. Раздраженные новыми порядками, помещики, не смея напрямую высказать свои претензии верховной власти, весь свой гнев направили на тех, кто выступал доверенным лицом государства в отношениях между владельцами имений и крестьянами. Именно этим можно объяснить стремление всячески досадить посредникам, подавая жалобы, которые априори не имеют каких-то обоснованных причин и доказательств. В свою очередь, мировые посредники предстают перед глазами читателей «Губернских ведомостей» в 1862–1864 гг. как чиновники, на которых были возложены колоссальные обязанности в реализации крестьянской реформы. На основе опубликованных в газетах материалов можно хотя бы приблизительно определить масштаб и разнообразие их деятельности.

В «Орловских губернских ведомостях» также регулярно публиковалась информация о назначении по указу Сената новых мировых посредников [35, № 19, 11 мая], уведомлялось о получении губернским присутствием указа Сената об отстранении от должности того или иного чиновника [34, № 31, 4 августа]. Помимо этого, в издании также сообщалось об увольнении посредника от занимаемой должности по собственному желанию [36, № 4, 25 января]. Таким образом, информация о смене посредника и назначении нового, была доступна общественности.

Анализ «Орловских губернских ведомостей» позволяет сделать вывод, что в первые годы реализации крестьянской реформы мировым посредникам и институту вообще уделялось заметное внимание – в каждом из номеров губернской газеты содержались материалы об их деятельности. Благодаря регулярности таких публикаций можно оценить отношение к институту современников, администрации, представителей дворянского и крестьянского сословий. Важным являлось то, что «в освещении проблемных ситуа-

ций в газете приводилась точка зрения местных властей, которая за счет печатного слова выносилась за внутренние пределы губернского управления» [37, с. 108].

Консервативное дворянство встретило назначение мировых посредников враждебно: об этом свидетельствуют многочисленные и, как правило, мало обоснованные с точки зрения их доказательной базы обвинения, поданные в период с 1862–1864 гг. в губернское присутствие, адресованные предводителю дворянства, губернатору или напрямую министру внутренних дел.

Позиция помещиков вполне объяснима: новые отношения в деревне вызывали с их стороны открытое недовольство и всю свою враждебность к осуществляемым преобразованиям, дворянство перенесло на мировых посредников. Либерально настроенные посредники первого созыва (с 1861 по 1863 г.), максимально стремились к справедливым разрешениям конфликтов, что опять-таки вызывало недовольствие помещиков, обвинявших их в исключительном пристрастии к крестьянам. Необходимо отметить и тот факт, что с момента начала реализации реформы на мировых посредников было возложено огромное количество работы, носящей срочный характер, в частности, это касалось составления уставных грамот. Очевидным фактом в этой ситуации выступают намеренные неправомерные действия помещиков, направленные на то, чтобы посредники покинули свои должности по собственному желанию. Поместное дворянство сознательно создавало условия, побуждающие чиновников к такому решению.

Таким образом, «Орловские губернские ведомости» являются для современных исследователей одним из источников, отражающих деятельность института мировых посредников в регионе. В первой половине 1860-х гг. эта проблема была одной из активно обсуждаемых, поскольку она складывалась из непосредственного отношения различных сословий к главным идеям «Положений 19 февраля» и отмене крепостного права в целом. Консервативно настроенные дворяне-помещики относились к деятельности института в основном с неприязнью, пытаясь навязать общественности через прошения и жалобы свой негативизм в отношении к мировым посредникам.

Список источников и литературы:

1. *Кащенко С. Г.* К вопросу о специфике материалов главного выкупного учреждения по Орловской губернии. Опыт изучения реализации реформы 1861 г. с помощью математико-статистических методов и компьютерных технологий //

Труды исторического факультета Санкт-Петербургского университета. 2013. С. 118-128.

2. *Щевьев А. А., Подкидышев А. А.* Создание и деятельность Рязанского губернского дворянского комитета и участие в нем А. И. Кошелева // Молодые историки о прошлом и настоящем Тезисы докладов студенческой научной конференции. Ответственный редактор Л. М. Головкина; Рязанский государственный университет имени С. А. Есенина. 2004. С. 47-50.

3. *Никулин В. Н.* Помещики Петербургской губернии накануне и после реформы 1861 года // Вестник Балтийского федерального университета им. И. Канта. 2006. № 6. С. 20-26.

4. *Шаповалов В. А.* Провинциальное дворянство и выработка проектов реформы отмены крепостного права: социально-психологический аспект (на примере Центрального Черноземья) // Проблемы истории, филологии, культуры. 2012. № 1. С. 226-235.

5. *Карпачёв М. Д.* Дворянство Воронежской губернии об отмене крепостного права // История и историческая память. 2012. № 5. С. 118-142.

6. *Блохин В. Ф.* К истории создания Орловского губернского дворянского комитета для составления положений об улучшении быта помещичьих крестьян (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2012. № 8 (28). С. 38-41.

7. *Блохин В. Ф.* Участие орловского дворянства в «Определении главных начал для улучшения быта помещичьих крестьян» (1858–1859 гг.) // Брянский государственный университет им. акад. И. Г. Петровского. Брянск, 2013.

8. *Блохин В. Ф.* Проекты орловских дворян на страницах «Журнала землевладельцев» (1858–1859 гг.) // Вестник Орловского государственного университета. Серия: Новые гуманитарные исследования. 2013. № 4 (33). С. 41-46.

9. *Терентьев В. В.* Взаимодействие власти и дворянского сообщества при реформировании крепостного права в России // Вестник НИИ гуманитарных наук при Правительстве Республики Мордовия. 2013. Т. 28. № 4. С. 49-59.

10. *Селиверстова Н. М.* Социально-экономическая программа российского помещного дворянства в период подготовки крестьянской реформы // Вестник Тамбовского университета. Серия: Гуманитарные науки. 2015. № 1 (141). С. 109-119.

11. *Кащенко С. Г.* Экономические последствия крестьянской реформы 1861 г. в Орловской губернии. Краткий обзор отечественной историографии // Историк, документ, цензура. Источниковедческие и историографические аспекты изучения истории отечественной и зарубежной периодики. Сборник статей к 60-летию со дня рождения доктора исторических наук Валерия Фёдоровича Блохина. Сер. «Историография и источниковедение отечественной истории». Кафедра источниковедения истории России, Институт истории, Санкт-Петербургский государственный университет, Кафедра отечественной истории, Брянский государственный университет. Санкт-Петербург-Брянск, 2015. С. 62-78.

12. *Перхавко В. Б.* «Круглый стол» на тему «Крепостное право в истории России» // Труды Института российской истории РАН. 2012. № 10. С. 475-490.
13. *Корнилов А. А.* Деятельность мировых посредников // Великая реформа. Т. 5. М., 1911. С. 237-252.
14. *Дружинин Н. М.* Мировые посредники 1860–1870-х годов (к вопросу о реализации реформы 1861 г.) // Труды Института экономики и права АН ГрузССР. Тбилиси, 1968. Т. 15. С. 114-127.
15. *Захарова Л. Г.* Крестьянство России в буржуазных реформах 60-х годов XIX в. // Социально-политическое и правовое положение крестьян в дореволюционной России. Воронеж, 1983. С. 194-207.
16. *Чернуха В. Г.* Правительственная политика и институт мировых посредников // Внутренняя политика царизма (сер. XIX – нач. XX вв.). Л., 1967. С. 197-238.
17. *Рыбков А. Г.* Мировые посредники саратовской губернии. Сборник документов и материалов. Саратов, 2009. 187 с.
18. *Изли Р.* Отмена крепостного права в России: мировые посредники и создание гражданского общества. Easley R. the emancipation of the serfs in Russia: peace arbitrators and the formation of civil society. L.; N. Y.: Routledge, 2009. XII, 226 P.
19. *Зинина М. М.* Деятельность института мировых посредников по проведению крестьянской реформы 1861 года : автореф. дис. ... канд. ист. наук. Саратов, 2009. 22 с.
20. *Рыбков А. Г., Зинина М. М.* Мировые посредники в крестьянской реформе 1861 года: (на материалах Саратовской губернии). Балаково: Балаковский ин-т экономики и бизнеса (филиал) СГСЭУ, 2010. 172 с.
21. *Большакова О. В.* Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2011. № 2. С. 53-57.
22. *Беспалов С. В.* Социальные и гуманитарные науки. Отечественная и зарубежная литература. Серия 5: История. Реферативный журнал. 2011. № 1. С. 46-51.
23. Институт мировых посредников в реализации реформы 1861 года. Реализация реформы 19 февраля 1861 г. в Орловской губернии. Документы и материалы / Под общей ред. В. Ф. Блохина. Выпуск II. Брянск: «Курсив», 2012. 224 с.
24. *Зинина М. М.* Деятельность мировых посредников Поволжья по созданию сельских обществ и волостей // Вестник Саратовского государственного социально-экономического университета. 2013. № 2 (46). С. 113-116.
25. *Шишкарева Т. Н.* Составление уставных грамот в Курской губернии в 1861–1865 гг. // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2013. № 11-1 (37). С. 205-208.
26. *Трушков С. А.* Специфика деятельности мировых посредников в Вятской губернии (1861–1874 гг.) // Педагогика. Общество. Право. 2014. № 4 (12). С. 82-88.

27. *Зверев В. А., Зверева К. Е.* Мировые посредники, крестьяне и школьные «наймиты». Судьба сельских общественных училищ в Алтайском округе середины XIX века // Сибирский педагогический журнал. 2014. № 2. С. 134-139.

28. *Хакимов С. Х.* Формирование института мировых посредников на Южном Урале в 60-е годы XIX века // Актуальные проблемы государства и общества в области обеспечения прав и свобод человека и гражданина. 2015. № 18-2. С. 116-123.

29. *Серета А. С.* Роль мировых посредников в развитии крестьянского образования во 2-й пол. XIX в. в белорусских губерниях // Региональные аспекты современных историко-правовых, филолого-культурологических, психолого-педагогических, естественнонаучных и экономических исследований Сборник материалов международной научно-практической конференции, посвященной 85-летию Брянского государственного университета имени академика И. Г. Петровского и 20-летию филиала университета в г. Новозыбкове : В 2-х частях. 2015. С. 107-115.

30. *Новикова А. В.* К проблеме отношений мировых посредников с губернской администрацией 1860-е – начало 1870-х гг. (на материалах Орловской губернии) // Вестник Брянского государственного университета. 2015. № 3. С. 107-110.

31. *Новикова А. В.* Мировые посредники и поместное дворянство: особенности взаимоотношений (на материалах Орловской губернии) // Исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2016. № 4-1 (66). С. 130-133.

32. *Новикова А. В.* К истории создания института мировых посредников в России // Россия в эпоху политических и культурных трансформаций. Сборник научных статей. Брянск, «Курсив», 2016. Выпуск I. С. 48-55.

33. *Блохин В. Ф.* Провинция газетная: Государственное управление периодической печатью и становление газетного дела в российской провинции (1830-е – 1870-е гг.). Брянск: «Курсив», 2009. С. 59-61.

34. Орловские губернские ведомости. 1862.

35. Орловские губернские ведомости. 1863.

36. Орловские губернские ведомости. 1864.

37. *Шевцов В. В.* Неофициальная часть «Томских губернских ведомостей» в период редакторства Е. В. Корша (1882–1883): прерванный полет // Вестник Томского государственного университета. 2011. № 343. С. 107-112.

Об авторе:

Новикова Алина Владимировна – аспирант I курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

К ВОПРОСУ ОБ ИЗУЧЕНИИ ОБРАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО АКТОРА В МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЯХ: ВНЕШНИЙ ОБРАЗ РОССИИ И ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

И. Е. Петрова

Образ/имидж международного актора (государство, международная организация, региональное интеграционное объединение) рассматривается обычно на стыке теории международных отношений и теории коммуникации. И хотя образ государства в других странах является одним из основных факторов влияющим на эффективность его внешней политики, в литературе данный вопрос исследован недостаточно. Настоящая работа посвящена анализу литературы по образу России и Европейского Союза в шести странах СНГ, также входящих в политику Восточного Партнерства ЕС. Ставится задача сравнить восприятие России и ЕС, а также сформулировать задачи для последующего изучения.

Ключевые слова: образ, имидж, Россия, Европейский Союз, СНГ, Восточное Партнерство.

ВВЕДЕНИЕ

Изучение образа международных акторов (в основном речь идет и государствах, а также региональных интеграционных объединениях – в первую очередь Европейском Союзе, и в меньшей степени, НКО и ТНК) развивалось параллельно в нескольких дисциплинах: международные отношения, связи с общественностью, география, психология, культурология и т. д. Появление интереса к образу международных акторов было обусловлено развитием бихевиоризма в 1950-е годы, многие идеи и концепции «теории образа» в международных отношениях опирались на достижения социальной психологии.

Основным направлением изучения образа международного актора был анализ механизма принятия решений в сфере международной политики и роли образа или восприятия при принятии внешнеполитических решений. По наблюдению Р. Хермана с середины XX в. в анализе внешней политики и международных отношений установилось два подхода: первый подход делал упор на системные, и, соответственно, внешние факторы в принятии внешнеполитических решений, а также на материальные ресурсы. Неспособность данного подхода полностью объяснить принятие политических решений

привела к развитию альтернативного подхода. Для него характерно внимание к образу государства, который влияет на принятие того или иного внешнеполитического решения [1]. Так как в это время системообразующим элементом международной архитектуры являлось противостояние США и СССР, большинство исследований были посвящены образу СССР в Соединенных Штатах Америки, и, следовательно, лейтмотивом литературы об образе государства стал образ врага и дихотомия «враг-союзник» и ее влияние на принятие политических решений [2].

К настоящему моменту накоплен определенный массив исследований образа России внутри страны и за рубежом, сформулированы предварительные теоретические положения и обобщения. Вместе с тем, литература по образу государства остается недостаточно интегрированной в теорию международных отношений. Как тот или иной образ государства за рубежом влияет на его внешнюю политику? Как формируется образ государства и как он может стать более привлекательным? Как образ связан с мягкой силой и как эта сила может быть использована для достижения внешнеполитических целей? Несмотря на то, что исследование образа/имиджа государства находится на повестке дня в течение нескольких десятилетий, подобные вопросы недостаточно освещены в отечественной литературе. Данное исследование ставит целью изучить российскую и зарубежную литературу по образу международного актора с точки зрения теории международных отношений с целью ее систематизации и получения целостного представления о сформулированных выводах и существующих лакунах в литературе. За пример берется образ России и Европейского Союза в регионе «общего соседства» двух акторов – а именно, в шести постсоветских странах, также входящих в политику Восточного Партнерства Европейского Союза (Армения, Азербайджан, Белоруссия, Грузия, Молдова и Украина).

Работа строится следующим образом: в следующей части мы рассмотрим несколько общих положений сформулированных в литературе, а также методологию исследования образа международного актора. Во второй и третьей части будет проанализирована имеющаяся литература по образу России и ЕС соответственно в шести постсоветских странах. В заключительной части будет дана сравнительная оценка образов России и ЕС и степени их изученности, а также сформулированы вопросы для дальнейшего исследования.

ИЗУЧЕНИЕ (ВНЕШНЕГО) ОБРАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО АКТОРА

Весь массив литературы по образу или восприятию государства условно делится на **внутренний и внешний образ страны**. Внутренний образ относится к изучению того как страна воспринимается собственным

населением или определенными социальными группами внутри страны (политическая элита, гражданское общество и активисты, молодежь и т. д.). Внешний же образ относится к тому, как страну видят за рубежом, какие существуют стереотипы относительно данного государства в других странах и т. д. Внешний и внутренний образы взаимосвязаны, но могут значительно отличаться друг от друга.

Другое важное положение, сформулированное в современной русскоязычной литературе это разделение понятий «образ» и «имидж». Основным критерием дифференциации терминов является намеренность действий по формированию того или иного образа. Т. Э. Гринберг дает следующее определение – «под имиджем понимают именно целенаправленно создаваемый (на основе исследований потребностей и «идеалов» целевых аудиторий) образ», в то время как понятие «образ» относится к конечному результату [3]. «Имидж является частью образа, но образ не исчерпывается имиджем, более того, они могут противоречить друг другу. Образ формируется большей частью стихийно, подспудно, неуправляемо, а имидж, в нашей интерпретации, – продукт сознательных государственных усилий, которые именуются пропагандой или информационной политикой» [4]. В англоязычной литературе такое деление часто отсутствует, а термин «image» (образ) заменяется понятием «externalperceptions» (внешнее восприятие).

Изучение имиджа/внешнего образа того или иного государства обычно подразумевает анализ нескольких компонентов:

1. Эмпирическое исследование того, как государство воспринимается другими акторами. Данный компонент включает общий образ государства, анализ существующих стереотипов, определение того, насколько сформирован положительный или отрицательный образ.

2. Анализ внешнего образа государства в различных сферах (экономика, политика, культура и т. д.) и восприятие различными социальными группами. Анализ существующей литературы показывает, что зачастую государство воспринимается по-разному в различных секторах – государство может быть сильным экономически, но слабым актором на мировой арене. В то же время, различные социальные группы могут быть по-разному настроены в отношении того или иного государства. Данные различия ведут к более рельефному и сложному образу государства за рубежом, чем показано в первом компоненте.

3. Исследование факторов, определяющих положительный или отрицательный образ государства. Внешние образы часто исторически детерминированы, поэтому отправной точкой в изучении образа того или

иногo государства должен быть анализ истории и ее влияния на современный имидж. Другими важными факторами являются географические, политические, социально-экономические, культурные и т. д.

4. Анализ механизмов формирования образа. Внешний образ формируется как преднамеренно, так и непреднамеренно. К непреднамеренным причинам относят историю самого государства, опыт взаимодействия с другими странами и т. д. Таким образом, государственная политика по выстраиванию собственного образа всегда накладывается на ряд уже существующих представлений о стране.

5. Изучение внешнего образа государства через призму теории международных отношений часто влечет за собой выработку политических рекомендаций по улучшению образа того или иного государства. Чаще всего образ государства воспринимается через призму концепции мягкой силы. В то же время, как будет показано ниже, рекомендации российских и зарубежных ученых часто расходятся по вопросу участия в этом процессе государства.

За десятилетия изучения внешнего образа государства был накоплен **ряд методологических методик**. Изучение внешнего образа часто сводится к анализу того, как то или иное государство воспринимается населением в целом, политическими элитами и определенными социальными группами. Методология исследования зависит от того, чье восприятие интересует автора. Так, при изучении образа государства населением другого государства, чаще всего используются две методологии: анализ опросов общественного мнения, в которых задаются прямые или косвенные вопросы относительно восприятия того или иного государства, а также анализ периодической печати. Считается, что СМИ транслируют образ, который в большинстве также разделяется населением, так как средства массовой информации являются проводником между политическими элитами и населением [5]. В случае, если в исследовании ставятся задачи изучить восприятие определенного государства политической элитой, наиболее широко используется анализ политических заявлений и исследовательские интервью с представителями политической элиты. Наконец, если исследуется образ государства среди определенной социальной группы, наиболее подходящим методом исследования будет серия интервью и фокус-групп с представителями данной социальной группы.

ОБРАЗ РОССИИ В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

Изучение образа России началось с распадом СССР. Всю литературу об образе России можно разделить на изучение внутреннего и внешнего образа. В данной статье мы концентрируемся на изучении внешнего образа, в то время как внутренний образ России был исследован в ряде работ

[6]. В свою очередь, литература по внешнему образу государства может быть условно разделена по регионам – так, чаще всего российских исследователей интересует вопрос, как Россия воспринимается в странах Запада. В частности, ряд работ был посвящен образу России на Западе в целом [7], и в частности в США [8], Франции [9], Германии [10] Великобритании [4]. В то же время, восприятие России на пост-советском пространстве гораздо менее исследовано к настоящему моменту. Учитывая растущую напряженность в регионе, исследование восприятия России странами пост-советского пространства является первостепенной задачей.

Многие работы по образу России за рубежом остаются достаточно политизированными. Такие работы ставят целью определение причин негативного образа России за рубежом и факторов, которые могли бы улучшить образ России [11]. В то же время, в русскоязычных работах довольно редко критически рассматриваются причины формирования того или иного образа России и, в особенности, причины того, что образ остается негативным, несмотря на многочисленные усилия государства по улучшению имиджа в последнее десятилетие. В литературе также уделяется внимание формированию политики России по выстраиванию имиджа в странах СНГ, т. е. нормативные заявления, в то время как академический анализ настоящей ситуации практически отсутствует.

Работы, посвященные непосредственно имиджу России в странах СНГ, очень малочисленны, что ведет к отсутствию системного представления об образе России на постсоветском пространстве. Имеющаяся к настоящему моменту информация довольно фрагментарна. Ведущим направлением на данном этапе является изучение того, насколько позитивным или негативным является образ России в странах СНГ. Кобзева указывает, что образ государства зависит от региона – так, образ России на Западе скорее негативный, в то время как на постсоветском пространстве и в странах третьего мира – относительно позитивный [12]. Факторы позитивного и негативного образа России на постсоветском пространстве были проанализированы в работе Беспалова и др. [13]. Согласно исследованию, источниками положительного отношения к России в странах СНГ являются ее огромная территория, богатые природные ресурсы, международный статус, культура и толерантность, роль России на постсоветском пространстве как страны-правопреемницы СССР, ментальная близость народов постсоветского пространства, а также роль России как противовесу доминирования Запада.

В то же время, Беспалов и др. выделяют следующие факторы, объясняющие негативное отношение к России в странах СНГ: двойные стандар-

ты в российской политике, западная пропаганда против России, процесс государственного строительства в странах СНГ. Перечень был дополнен Кошляковым [14], так, негативные оценки России на постсоветском пространстве также объясняются национализмом и широким кругом российских внутренних проблем, в частности, уровнем коррупции и криминала, ухудшающейся демографической обстановкой, а также российской внешней политикой (например, война в Грузии в 2008 г. существенно повлияла на восприятие России в регионе). Представляется, что основной причиной негативного восприятия является общее прошлое и опасения потенциальной «гегемонии и экспансии» России (Дубин 2005). Общее прошлое накладывает негативный отпечаток, во-первых, потому, что Россия до сих пор ассоциируется с империей и Советским Союзом, во-вторых, после обретения независимости начались активные процессы государственного строительства и становления национальной идентичности стран СНГ. При этом, в процессе укоренения и развития национальной идентичности Россия играет роль «значимого Другого».

Попытки России выстроить позитивный образ страны как в странах СНГ, так и в мире в целом, стали предметом внимания исследователей работающих над анализом «мягкой силы». Концепция мягкой силы, разработанная Дж. Наем [15], утверждает, что со времени окончания Холодной войны произошло изменение в силе внешнеполитических ресурсов. Если в период Холодной войны военные ресурсы были определяющими, в последние десятилетия достижение внешнеполитических целей обуславливается иными ресурсами, основным из которых является привлекательность того или иного государства или модели развития. В то же время, западные исследователи подчеркивают, что привлекательность государства создается в большей степени бизнесом, гражданским обществом, но не самим государством. Именно по этой причине, по утверждению Дж. Наем, Россия и Китай не имеют привлекательного имиджа, подобного тому который был создан США и Европой. В России попытки выстроить привлекательный образ идут сверху вниз, т. е. от государства к обществу, а не наоборот. Российские же ученые в анализе и политических рекомендациях призывают государство взять большую ответственность за строительство позитивного внешнеполитического имиджа России.

ОБРАЗ ЕВРОПЕЙСКОГО СОЮЗА В СТРАНАХ ВОСТОЧНОГО ПАРТНЕРСТВА

Степень изученности внешнего образа Европейского Союза варьируется в зависимости от региона. Одни регионы изучены достаточно полно (например, Азиатско-Тихоокеанский регион), в то время как по другим

информация довольно фрагментарна. Примером последнего служат страны-члены Восточного партнерства Европейского Союза – общих работ систематизирующих внешний образ в шести странах Восточного Партнерства до сих пор не существует. Частично это объясняется статусом «стратегического партнера» России и европейским подходом «Russiafirst». Это значит, что долгое время основным партнером ЕС в Восточной Европе являлась Россия, поэтому имеется значительное количество работ, изучающих образ России в ЕС, и наоборот, в то время как значительно меньше внимания уделялось другим странам постсоветского пространства.

Эта часть посвящена обзору имеющихся работ по внешнему образу ЕС в шести странах постсоветского пространства. Одно из ранних исследований по теме сравнивало все страны политики добрососедства ЕС и выделяло четыре группы в зависимости от того насколько ЕС заметно в третьих странах (*visibility*) и насколько позитивно или негативно воспринимается Европейский Союз в этих странах (*supportiveattitude*) [16]. Согласно исследованию, шесть государств-членов Восточного Партнерства можно разделить на три группы – страны в которых ЕС явно присутствует в политическом дискурсе и в то же время воспринимается достаточно позитивно (Армения, Грузия, Молдова и Украина); страны в которых ЕС мало заметен в политической жизни страны и которые одновременно настроены к Европейскому Союзу достаточно скептически (Азербайджан); наконец, третья группа характеризуется высокой степенью репрезентативности Евросоюза и относительно негативным восприятием (Беларусь).

Давая определенную категоризацию, эта работа является базовой, но имеет ряд серьезных недостатков. Основным недостатком является методологическая слабость исследования – не понятно, чьи представления о ЕС исследуются в работе (политические элиты, население в целом и т. д.). Методология изучения имиджа не описана, что приводит к выводу о том, что работа не опирается на глубокое эмпирическое исследование. Помимо того, подход «имидж страны в целом» представляется полезным как начальный пункт, однако также требуется более детальное исследование определенных сфер (экономическая, политическая, культурная и т. д.).

Несколько исследований было выполнено по изучению отдельных стран, в частности был проведен анализ имиджа Европейского Союза в Грузии и Украине [17]. Данные исследования приходят к одинаковым выводам: во-первых, образ ЕС меняется и эволюционирует с течением времени, во-вторых, образ может значительно отличаться между восприятием политических элит и населения в целом, в-третьих, важный вывод для изучения национальной и супранациональной идентичности заключается в том, что по-

ложительное отношение к ЕС не исключает такого же положительного отношения к другим акторам в регионе – в данном случае, к России.

В последнее десятилетие в европейских исследованиях важную роль играет концепция нормативной силы, а также растет количество исследований оценивающих насколько Европейский Союз занимает лидирующую позицию в международных переговорах. Однако было замечено, что подобные исследования часто концентрируются на самом ЕС, уделяя недостаточно внимания партнерам Европейского Союза. Ряд исследователей высказывает озабоченность тем, что ЕС не может считаться «нормативной силой» или лидером, если он не признается таковым партнерами по переговорам. Статья Бенгдсон и Ольгстром [18] посвящена этому вопросу. Авторы проводят сравнительный анализ нескольких регионов и приходят к выводу, что, в отличие от других регионов, государства-члены политики Восточного Партнерства (Армения, Азербайджан, Грузия, Молдавия и Украина) воспринимают ЕС и как нормативную силу, и как лидера в международных переговорах.

ИЗУЧЕНИЕ ОБРАЗА МЕЖДУНАРОДНОГО АКТОРА: ПЕРСПЕКТИВЫ

События на Украине проявили конфликтный потенциал, заложенный в отношениях России и Европейского Союза в странах пост-советского пространства. Государства «общего соседства» являются приоритетными для внешней политики как России, так и ЕС. Следовательно, необходимо всестороннее изучение аспектов сотрудничества в регионе «Большой Европы». Одним из важных аспектов представляется изучение образа России и ЕС в этих странах. Вместе с тем, можно констатировать, что на данный момент очень ограниченное количество работ было посвящено данной проблеме.

Из имеющихся по теме работ можно сделать несколько заключений. Во-первых, образы и России и Европейского Союза в странах Восточного Партнерства неоднозначны – имеются как позитивные, так и негативные тенденции восприятия. Вместе с тем, можно отметить, что в целом преобладает позитивный образ Европейского Союза, в то время как образ России видится более противоречивым. Исследование причин формирования того или иного образа на данный момент исчерпывается несколькими общими работами. Так, был выделен ряд универсальных причин формирования позитивного или негативного образа международного актора, включающий в себя причины исторического характера, а также политические, экономические, культурные и другие факторы. В то же время, рассмотрение вопроса с точки зрения концепции «мягкой силы» Дж. Ная дает некоторые ответы на вопрос, почему ЕС воспринимается на пост-советском пространстве более позитивно.

Вместе с тем, как было отмечено выше, несмотря на важность темы, до сих пор остается множество вопросов. Будущие исследования должны обратить внимание на системный подход в изучении образа международного актора. Важно осветить вопрос восприятия на по крайней мере, нескольких социальных уровнях: политическая элита, средства массовой информации, гражданское общество, а также в различных аспектах – например, образ России/Европейского Союза как международного, экономического, политического актора и т. д. Важно в том числе разработать общую методологию, которая дала бы возможность сравнивать результаты нескольких исследований. На более теоретическом уровне необходимо, опираясь на эмпирические исследования, ответить на вопросы: каковы механизмы формирования того или иного образа? Как образ связан с внешней политикой международного актора? Удастся ли добиться желаемого образа? Будущие исследования, таким образом, выиграют от междисциплинарного подхода. Очевидно, что должны быть изучены и интегрированы выводы, сделанные в рамках истории, политологии, международных отношений и теории коммуникации. Такая работа будет иметь не только важное теоретическое, но и практическое значение.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. *Herrmann R.* (2013) Perceptions and Image Theory in International Relations. In Huddy L., Sears D., and Levy J. (eds.) *The Oxford Handbook of Political Psychology*. Oxford University Press.
2. *Silverstein B.* (1989) Enemy images: The psychology of U.S. attitudes and cognitions regarding the Soviet Union. *American Psychologist*, 44(6), 903–913.
3. *Гринберг Т.* (2008) Образ страны или имидж государства: поиск конструктивной модели. *Медиаскоп*, выпуск 2.
4. *Громыко А.* (2008) Образы России и Великобритании: Реальность и предрассудки. *Институт Европы РАН*.
5. *Entman R.* (2003) Cascading Activation: Contesting the White House's Frame After 9/11, *Political Communication*, 20:4, 415-432.
6. *Пищева Е., Виноградова Н., Недова А.* (2010) Образ России под углом зрения политических коммуникаций. *Полис. Политические исследования*, 4, 107-121; *Малева О.* (2007) Образ России в СМИ. *Научно-аналитический журнал Обозреватель-Observer*. Институт Диаспоры и интеграции (Институт стран СНГ); *Смирнова А.* (2014) Образ России в начале XXI в.: структура и содержание. *Вестник Ярославского государственного университета им. П. Г. Демидова. Серия «Гуманитарные науки»*.

7. *Paul M.* (2001) Western negative perceptions of Russia: “The Cold War mentality” over five hundred years. *InternationalSocialScienceReview*, 76(3-4), 103-121.

8. *Просвянюк Д.* (2014) Образ России в призме социально-проектных информационных технологий. *Власть*, 1, 50-54; *Лисихина М.* (2014) Современный образ России в средствах массовой информации США. *Наука и современность*, 32-2, 108-113; *Залесова Н., Коленко В.* (2014) Образ России по данным новостного канала CNN. *Вестник Амурского государственного университета*, 66, 16-22; *Малова И.* (2012) Образ современной России XXI в. в американской прессе // *Ученые записки Комсомольского-на-Амуре государственного технического университета*, 2(9), 84-87.

9. *Латина Н.* (2013) Представления о современной России во Франции. *Мировая экономика и международные отношения*, 6, 38-46; *Богословская Г.* (2015) Образ России во Франции в 2000-2012 гг. По материалам французской прессы. *Известия Алтайского государственного университета* 4(88).

10. *Федоров А.* (2014) Образ России на экране Федеративной Республики Германии. *Медиаобразование*, 3, 104-128.

11. Образ России: дефицит «мягкой силы» (2013) Круглый стол журнала «Полис» и РАПН.

12. *Кобзева С., Халтурина Д., Коротаев А., Качков Д.* (2009) Имидж России в мире: количественный и качественный анализ. *Полис. Политические исследования*, 5, 128-140.

13. *Беспалов С., Власов А., Голубцов П., Казанцев А., Караваев А., Меркушев В.* (2007) Евразийская сеть политических исследований, ИАЦ МГУ по изучению общественно-политических процессов на постсоветском пространстве.

14. *Кошляков Д.* (2011) Внешнеполитический образ пост-Советской России. *Известия Алтайского Государственного Университета*, 4:2, 258-262.

15. *Nye J.* (1990) Softpower. *ForeignPolicy*, 80, 153-171

16. *Bendiek A.* (2008) The ENP: Visibility and perceptions on the partner countries. SWP Working Paper.

17. *Bolkvadze K., Müller M. and Bachmann V.* (2014) ‘I am Georgian and therefore I am European’: Comparing Elite and Public Perceptions of Europe in Georgia, 2003–2013 In Chaban N. and Holland M. (eds.) (2014) *Communicating Europe in times of crisis: External perceptions of the European Union*. Palgrave Macmillan; *Bolkvadze K., Naylor R.* (2015) Popular and elite perceptions of the EU in Georgia. *Bachmann V., Muller M.* Perceptions of the EU in Eastern Europe and Sub-Saharan Africa: Looking in from the Outside. Palgrave Macmillan.

18. *Bengtsson R., Elgström O.* (2012) Conflicting Role Conceptions? The European Union in Global Politics. *ForeignPolicyAnalysis*, 8(1), 93-108.

Об авторе:

Петрова Ирина Евгеньевна – аспирант Левенского университета, Бельгия.

**«ПОЧТОВО-ТЕЛЕГРАФНЫЙ ЖУРНАЛ» -
ВЕДОМСТВЕННОЕ ИЗДАНИЕ
ГЛАВНОГО УПРАВЛЕНИЯ ПОЧТ И ТЕЛЕГРАФОВ:
ВОПРОСЫ ИСТОРИИ И ИЗУЧЕНИЯ**

Е. А. Фролова

Статья посвящена «Почтово-телеграфному журналу» – ведомственному органу Главного управления почт и телеграфов с 1888 по 1919 гг. Рассматривается история создания журнала, его структура, тематика, история изучения, проблемы и перспективы изучения.

***Ключевые слова:** история периодической печати, журналы, «Почтово-телеграфный журнал», история связи, Главное управление почт и телеграфов, ведомственные журналы, Министерство связи, ПТЖ, ГУПиТ, ГУПТ, музей связи.*

Изучая историю связи в Российской империи и конкретно – вопрос государственного регулирования и государственного предпринимательства в этой сфере, необходимо работать со множеством разнообразных источников, в первую очередь официальных документов – законодательными и нормативными актами, узаконениями, распоряжениями, постановлениями, циркулярами и пр. Многие из этих актов не попадали в «Полное собрание законов Российской Империи», особенно в период 1914–1917 гг., что затрудняет работу исследователей истории связи. Однако большинство этих распоряжений и узаконений были опубликованы на страницах «Почтово-телеграфного журнала» (ПТЖ) – официального органа Главного управления почт и телеграфов, входившего в состав Министерства внутренних дел (МВД).

Структурные изменения в государственных учреждениях, занимавшихся вопросами связи, – вопрос для отдельного исследования. На протяжении почти всего XIX столетия почта и телеграф находились в ведении Министерства внутренних дел. Особое Министерство почт и телеграфов существовало в Российской империи с 1865 по 1868 гг., после чего было ликвидировано, а вновь созданный Департамент почт и телеграфов вновь был придан МВД. После многочисленных преобразований, в 1880 г. вновь было создано Министерство почт и телеграфов, но в 1881 г. оно опять было разделено на Почтовый и Телеграфный департаменты. Наконец, в 1884 г. департаменты были окончательно объединены в Главное управление почт и телеграфов (ГУПиТ) в составе МВД, просуществовавшее до Февральской

революции 1917 г. [1, с. 201], сменившись на короткое время Министерством связи Временного правительства.

Сориентироваться в изменениях управленческого аппарата отрасли не просто, а разобраться во множестве законодательных актов, циркуляров, распоряжений, регулировавших ее функционирование – ещё тяжелее. Изучение ведомственного издания отрасли может значительно облегчить этот процесс и помогает составить более цельное и системное представление о государственном управлении связью.

Идея создания ведомственного периодического издания по вопросам связи была основана на политике государства по расширению информационно-правового пространства, «замене устного слова власти печатным» [2, с. 114]. Инициатива по созданию журнала принадлежала надворному советнику Н. Е. Славинскому (1839–1918 гг.), чиновнику Телеграфного департамента [3, с. 9]. С 1873 по 1884 г. Телеграфный департамент издавал «Сборник распоряжений по Телеграфному ведомству». После создания Главного управления почт и телеграфов в 1884 г. издание стало именоваться «Сборником распоряжений по Главному Управлению Почт и Телеграфов». В 1888 г. «Сборник» был реорганизован в «Почтово-телеграфный журнал», главным редактором его по-прежнему был Н. Е. Славинский [4].

Журнал выпускался в Санкт-Петербурге (с 1914 г. Петрограде) с 1888 по 1918 г. [5]. В 1919 г. он был переведён в Москву, вскоре после этого его Неофициальный отдел влился в журнал «Техника связи» (ТС), позже слившийся с журналом «Жизнь связи» и превратившийся в издание «Жизнь и техника связи» (ЖТС).

Первоначальный тираж «Почтово-телеграфного журнала» составлял 8 тыс. экземпляров, рассылался он в основном бесплатно по почтово-телеграфным учреждениям, управлениям, губернаторам и градоначальникам, зарубежным предприятиям связи, различным правительственным и общественным организациям, и в среде специалистов соответствующего профиля имел достаточно широкое распространение.

Как практически всякий официальный ведомственный журнал, ПТЖ имел два отдела – Официальный и Неофициальный. Изначально оба они выпускались в одной книжке, выходявшей два раза в месяц, но пагинация у каждого раздела была своя – сквозная, годичная. С 1892 г. отделы стали выходить по отдельности, и в принципе можно говорить, что они превратились в два разных журнала.

С 1892 г. Официальный отдел выходил еженедельно. Он отводился под «все правительственные постановления и распоряжения, касающиеся почтово-телеграфного ведомства; сведения о <...> дополнениях и измене-

ниях в тарифах внутренней и международной корреспонденции, <...> статистические сведения, инструкции, отчёты и проч.» [6]. Иначе говоря, в Официальный отдел попадали законодательные акты отрасли, циркуляры начальника ГУПиТ, инструкции и прочие ведомственные материалы, а также сведения об открытии и закрытии почтовых и телеграфных станций, результаты ревизий почтово-телеграфных округов, сведения о назначениях чиновников, отчеты командированных за границу для изучения почтово-телеграфного дела, судебные приговоры по должностным преступлениям и т. д. Также размещались реклама, частные и коммерческие объявления, служившие источником частичного покрытия расходов на издание журнала. В последнем за год номере давался подробный финансовый отчет.

Как уже сказано выше, абсолютное большинство этих материалов не попадало и не могло попасть в «Полное собрание законов Российской империи». Исследователям истории связи в России, особенно в области законодательства, совершенно необходима весьма кропотливая работа с Официальным отделом. К сожалению, на сегодняшний день по Официальному отделу не существует никаких указателей, кроме его собственного внутреннего оглавления, полного опечаток, неточностей и упущений, поэтому поиск по отделу и ориентирование внутри него достаточно осложнены.

Неофициальный отдел ПТЖ с 1892 г. выпускался раз в месяц отдельной книжкой. В нём помещались «оригинальные, компилированные и переводные статьи <...> учёного, исторического и технического содержания, по телеграфии, телефонии и вообще по электротехнике, а также и по почтовой части, <...> юридические: по разработке русских почтовых и телеграфных законодательств, <...> статистические <...> биографические, <...> библиографические материалы, <...> сведения о привилегиях» [6]. Кроме того, Неофициальный отдел помещал множество отечественных и переводных новостей, сообщений, объявлений о выставках, конкурсах, конгрессах.

Внутри Неофициального отдела существовали тематические разделы. Они появились не сразу и формировались в течение примерно пяти-шести первых лет существования журнала под разными названиями. В их числе: отдел «Телеграфы и телефоны», Биографический отдел, Почтовый, Юридический, Библиографический, отдел «Почтово-сберегательные кассы» и «Разные известия». Количество и названия внутренних отделов очень сильно варьировались – даже в одном номере могли существовать отделы «Телефон», «Телеграф» и «Телеграфы и телефоны», но в следующем номере уже могло использоваться название «Телеграфный и телефонный отдел» [7].

Следует отметить, что в среднем переводными были около половины статей, заметок и сообщений. Редакторы ПТЖ очень неаккуратно указывали авторов и переводчиков, а также источники, откуда брали те или иные сообщения. Путались инициалы, искажались фамилии, изменялись номера и названия иностранных изданий. Всё это осложняет установление личностей тех, кто был связан с изданием «Почтово-телеграфного журнала», и критику переводных и компилятивных материалов. Не всегда можно с точностью установить происхождение статьи, поскольку на это нет никаких прямых указаний.

Составители «Почтово-телеграфного журнала» привлекали обширный круг зарубежной технической периодики – ведущие французские, немецкие, английские, американские, итальянские специальные отраслевые журналы и газеты: «La lumière électrique», «L'électricien», «Elektrotechnische Zeitschrift», «Post und Telegraph», «The electrician», «Scientific American», «Electrical Engineer», «L'Electrica». Зачастую извлечения из этих изданий были не самыми оперативными – задержка между появлением оригинальной публикации и переводом могла составлять от месяца до полугода и более. Переводы не всегда были абсолютно точными, нередко переводчики добавляли собственные комментарии к тексту или несколько изменяли его.

Соотношение между переводными и отечественными публикациями журнала на первый взгляд складывалось не в пользу последних. На один номер могла приходиться весьма объёмная статья об истории связи в России, а остальное пространство занимали зарубежные обзоры, новости и заметки неясного происхождения. Однако нельзя преуменьшать роль «Почтово-телеграфного журнала» и полагать, что он только лишь передавал российским техническим специалистам зарубежный опыт – отнюдь. Многие отечественные исследователи истории связи и технические специалисты публиковали свои статьи в ПТЖ, и нередко потом эти материалы издавались как самостоятельные труды. «Почтово-телеграфный журнал» предоставляет возможность изучать эволюцию работ отечественных специалистов в области связи и отдельные элементы их биографий, связанные с этим изданием.

Однако с публикациями о состоянии связи в России и изучением этого аспекта нашей истории на материалах ПТЖ связан один существенный нюанс.

Поскольку ГУПиТ подчинялось МВД, почта и телеграф являлись сферой государственного предпринимательства и жёстко контролировались. «Почтово-телеграфный журнал» не стал исключением. Зачастую

среди авторов, публиковавшихся в Неофициальных частях других ведомственных изданий, было принято полемизировать, вести очень активные обсуждения, отвечать на чьи-либо статьи и получать ответы на свои. В Неофициальной части «Почтово-телеграфного журнала» никакая сколько-нибудь активная полемика не допускалась. Чрезвычайно редко два автора могли заочно обсуждать на страницах издания какие-либо технические тонкости – и не более того.

Естественно, какой бы то ни было критики текущего состояния связи в Российской империи в подобном издании появиться не могло в принципе. Что не мешало авторам писать обзорные статьи об истории российской связи, об отечественных изобретателях и изобретениях, сообщать о происшествиях, рассказывать о проектах по устройству, к примеру, телеграфа или телефона в России, давать практические советы.

Однако получить представление о положении отрасли связи в России на основе материалов Неофициального отдела, тем не менее, вполне возможно. Позиции отечественных авторов всегда очень выдержанны, поэтому самый лучший метод анализа – сравнительный. К примеру, из различных статистических сводок (разумеется, переводных!) можно узнать о количестве абонентов телефонных станций в странах Европы, в Америке и России, соотнести с известным числом населения и территорией и примерно понять, насколько телефонная связь была распространена в том или ином регионе. Разумеется, необходимо поднимать несколько различных сводок и уточнять, на чьих материалах они основываются. Конечно, это только один и самый простой пример подобного анализа. Сложнее и интереснее делать выводы о передовых тенденциях в развитии техники связи в России и за рубежом на основании переводных и отечественных публикаций. Ещё более всесторонний и комплексный анализ подобных явлений, безусловно, должен учитывать материалы неправительственных технических изданий – к примеру, журнала «Электричество», второго крупного российского печатного органа об электротехнике и связи.

Необходимо отметить определённые трудности, возникающие при исследовании большого кластера статей Неофициального отдела и, скажем, выявлении статистических закономерностей. Эти трудности схожи с теми, что возникают у исследователей, работающих с Официальным отделом, и это трудности поиска и ориентирования в массиве статей, выражаясь современным языком – «трудности навигации».

Разумеется, у Неофициального отдела есть оглавления. Их два типа: помесечное (оглавление одного номера) и годовое (сводное оглавление за год, печатавшееся в каждом декабрьском номере с 1892 г.). Сложности за-

ключаются в том, что оба этих оглавления весьма часто могут различаться между собой и с фактическим расположению материала в журнале. Часто не совпадают названия статей в тексте издания и в помесечном оглавлении. Обычно такая ошибка кочевала потом и в годичное оглавление, но бывали и исключения, и тогда одна статья имела три варианта названия. Они могли отличаться незначительно – в оглавлении помещался сокращённый вариант, а могли и кардинально. Ошибки в номерах страниц в обоих оглавлениях совершенно обыденны. Некоторые статьи могли в оглавления (помесечное, годичное или оба) вообще не попасть, и если исследователь ориентируется при поиске материалов только на оглавления, такие потерянные статьи он установить не сможет.

Частично эту проблему призваны компенсировать существующие библиографические указатели. Как говорилось выше, по Официальному отделу никаких указателей нет, а по Неофициальному их существует целых два. Однако и при работе с ними возникают существенные сложности.

Первый и единственный достаточно полный библиографический указатель по Неофициальной части ПТЖ был издан в 1929 г. [8]. Его составил заведующий архивом Народного Комиссариата Почт и Телеграфа (НКПиТ) А. Е. Степин. Полное название этого издания – «Библиографический указатель очерков, обзоров, статей и заметок, помещенных в неофициальных почтово-телеграфных журналах, изданных бывшим Главным управлением почт и телеграфов и Народным комиссариатом почт и телеграфов (за период с 1884 по 1927 год включительно)». Однако этот указатель был составлен не только по Неофициальному отделу ПТЖ, но также и по журналам «Жизнь связи» (ЖС) и «Жизнь и техника связи» (ЖТС), изданий Народного Комиссариата почт и телеграфов.

Указатель охватывает весьма важную часть истории «Почтово-телеграфного журнала», а именно – тот период, когда журнал был ещё «Сборником распоряжений по Почтово-телеграфному ведомству». Однако наличие статей ЖС и ЖТС несколько перегружает указатель и затрудняет вычленение публикаций исключительно из ПТЖ.

Кроме того, в указатель не вошли заметки из «Разных известий» ПТЖ, а они составляли не меньше трети от всех публикаций Неофициального отдела. Это серьезная лакуна, её следует учитывать при работе с этим указателем.

В указателе Степина все статьи разбиты на пять отделов: общий отдел, почта, телеграф и электричество, телефон, радио. Это разбиение – авторское, оно мало согласуется с фактическим расположением публикаций в ПТЖ. Общий отдел включает тематические подразделы в алфавитном

порядке, посвящённые отдельным аспектам отрасли: законодательство, обзоры развития мировой связи (по странам), вопросы организации труда и т. д. Внутри подразделов статьи размещены в хронологическом порядке. В отраслевых разделах статьи также сгруппированы по темам и расположены в хронологическом порядке. Если в статье затронуты несколько различных тем, она может повторяться в нескольких подразделах. Всё это одновременно и плюсы, и минусы.

Указатель Стёпина, как было сказано, – единственный наиболее полный (с учётом отсутствия «Разных известий»). Автор проделал колоссальную работу, в том числе по систематизации тематик публикаций. Разумеется, на конечном результате отразилось его персональное видение необходимости выделения каких-то отраслей знания и категорий, но, тем не менее, это разделение может значительно облегчить поиск статей по конкретным тематикам.

Для ПТЖ Стёпин указывает только год и номер первой страницы статьи, но благодаря сквозной годовой пагинации это не столь существенно. Также в указателе в принципе отсутствуют фамилии авторов и переводчиков.

Второй библиографический указатель был издан в 2011 г. в издательстве СПбГЭТУ «ЛЭТИ» [9]. Строго говоря, называется он не «Указатель», а «Путеводитель по «Почтово-телеграфному журналу» за 1888–1916 годы», то есть он не охватывает 1917–1919 гг., последние годы издания ПТЖ. В предисловии к «Путеводителю» ошибочно указывается, что ПТЖ издавался по 1918 г. включительно.

Путеводитель состоит из двух частей: именного и предметного указателей. В именной указатель вошли, во-первых, авторы статей, во-вторых, персоналии, указанные в заголовках статей. Предметный указатель составлен на основе заголовков статей.

Авторы «Путеводителя» не указывают страницы, только год, в котором была опубликована та или иная статья. Иначе говоря, при поиске всех статей, автором которых является известный специалист в области электро-связи П. Д. Войнаровский (или в заголовках которых он упоминается), можно получить только список годов, когда публиковались статьи с его именем, без указания конкретных номеров или страниц. Аналогично сформирован и предметный указатель, поэтому с «Путеводителем» значительно тяжелее работать, чем с «Библиографическим указателем» Стёпина.

Наибольший интерес в «Путеводителе» представляет предметный указатель. Он в определённой степени восполняет существенный пробел в указателе Стёпина – отсутствие навигации по фамилиям авторов. В имен-

ной указатель «Путеводителя» включены изобретатели, учёные, общественные деятели, чиновники, работники почт, телеграфов и телефонных станций – словом, все фамилии, которые попадали в заголовки статей. Это весьма полезное дополнение.

К сожалению, в «Путеводителе» очень много лакун – у многих авторов указано очень мало отсылок к тем годичным номерам ПТЖ, где появлялись их статьи. Список упоминаний остальных персоналий – не авторов и не переводчиков – по каким-то причинам значительно более полный. Предметный указатель тоже имеет множество пробелов, сходных с именным, – многих статей там попросту нет.

Учитывая, что «Путеводитель» ЛЭТИ появился всего четыре года назад, можно говорить о появлении более широкого, чем прежде, интереса к «Почтово-телеграфному журналу». В свете этого приобретает особую актуальность вопрос создания более полного и точного, чем имеющиеся на данный момент, библиографического указателя, который поможет в изучении журнала как профессиональным историкам, так и исследователям истории отечественной техники и связи, не имеющим профессионального исторического образования, а таковых среди связистов и техников достаточно много. Научно-техническая библиотека Центрального музея связи имени А. С. Попова в настоящее время выражает большую заинтересованность в создании такого указателя и проводит подготовку к его изданию.

«Почтово-телеграфный журнал» – крайне интересный, но малоисследованный и в достаточной степени недооценённый источник как по истории связи в России, так и по истории периодической печати. Он предоставляет обширный материал для анализа, а в процессе его исследования возникает множество источниковедческих проблем и вопросов, весьма любопытных для разрешения.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Почта и телеграф в XIX столетии: Приложение 2. Министерство Внутренних Дел: Исторический очерк. СПб., 1901. 248 с.
2. Шевцов В. В. Губернские ведомости в законодательстве Николая I // Вестник Томского государственного университета. 2008. № 308. С. 110-115.
3. Бажитова Л. И. Н. Е. Славинский – первый директор Почтово-телеграфного музея в Санкт-Петербурге // Электросвязь: история и современность. 2007. № 2. С. 9-11.

4. Почтово-телеграфный журнал 100 лет тому назад // Распространение печати. 1989. № 4. С. 42-45.

5. *Меженко Ю. А.* Русская техническая периодика. 1800–1916 гг.: Библиограф. указатель / Ин-т истории естествознания и техники АН СССР. М.; Л.: Изд-во АН СССР. 1955. 300 с.

6. Почтово-телеграфный журнал. Неофициальный отдел. 1892. № 1.

7. *Фролова Е. А., Фролова О. В.* Почтово-телеграфный журнал как источник по истории отечественной телефонии // Музеи связи: популяризация науки и техники: Материалы IV Всероссийской конференции музеев связи (10-12 октября 2013 г.). СПб.: Центральный музей связи имени А. С. Попова, 2013. 180 с.

8. Библиографический указатель очерков, обзоров, статей и заметок, помещенных в неофициальных почтово-телеграфных журналах, изданных бывшим Главным управлением почт и телеграфов и Народным комиссариатом почт и телеграфов (за период с 1884 по 1927 год включительно) / Сост. Степин А. Е. Изд-во НКПТ: М., 1929. 147 с.

9. Путеводитель по «Почтово-телеграфному журналу» за 1888 – 1916 годы [именной и предметный указатели к постатейной росписи журнала] / Минобрнауки России, С.-Петербург. гос. электротехн. ун-т «ЛЭТИ»; [сост.: О. И. Курбетова и др.]. СПб: Изд-во СПбГЭТУ «ЛЭТИ», 2011.

Об авторе:

Фролова Евгения Алексеевна – сотрудник информационно-методического отдела Центрального музея связи им. А. С. Попова (Санкт-Петербург).

ЛИСТАЯ СТРАНИЦЫ ЖУРНАЛА «ОХРАНА МАТЕРИНСТВА И МЛАДЕНЧЕСТВА»

Ю. А. Мамрова

В рамках данной статьи рассматриваются отдельные аспекты истории журнала «Охрана материнства и младенчества» – главного периодического издания Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества, созданного в 1913 г. под покровительством Александры Федоровны. Рассматривается предистория издания журнала, на основе изучения содержания периодического издания выявляется его структура, анализируется содержание.

Ключевые слова: *Всероссийское Попечительство об охране материнства и младенчества, периодическая печать, журнал «Охрана материнства и младенчества».*

Всероссийское Попечительство об охране материнства и младенчества – это благотворительное учреждение, созданное по инициативе императора Николая II с целью уменьшения детской смертности в Российской империи. Действовало под покровительством императрицы Александры Федоровны. Устав попечительства был утвержден 4 мая 1913 года. Согласно уставу, целью создания попечительства было – путем охраны здоровья женщин и детей младшего возраста, особенно грудных, способствовать уменьшению детской смертности и увеличению здорового населения в России [1].

В работе Всероссийского Попечительства, как и большинства общественных организаций, преобладало просветительское направление. Оно занималось теоретической разработкой проблем охраны материнства и младенчества и борьбы с детской смертностью, а также популяризацией этих знаний.

С этой целью 28 мая 1914 г. Совет Попечительства принял постановление по созданию Редакционной и Справочно-статистической комиссий, для сбора и разработки статистических материалов по охране материнства и младенчества, организации справочного отдела и печатания журнала «Охрана материнства и младенчества», который мог бы отвечать на всевозможные вопросы. В российской истории это была первая попытка подготовки периодического издания, освящавшего проблемы материнства и детства на материалах общегосударственного масштаба и предлагавшего решения многих из них. Необходимо отметить, что создание Попечитель-

ства под столь высоким покровительством и издание соответствующего журнала были весьма насущными мероприятиями. Российская империя, переживающая модернизацию и демонстрирующая резкое увеличение населения, тем не менее, находилась на одном из первых мест по числу детских смертей в Европе [2, с. 404-405].

В целом в деле охраны материнства и младенчества Российская империя резко отставала от многих западных стран, что давало повод оппозиционным партиям жестко критиковать власть, как с трибуны Государственной думы, так и в печати. Так, фракция социал-демократической партии в Думе, например, предложила свою программу по страхованию материнства, которая была разработана А.М. Коллонтай на основе наиболее передовых систем страхования того времени [3, с. 40].

Создание Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества должно было, таким образом, активизировать деятельность в этом аспекте и вывести ее на новый, общегосударственный уровень, соответствующий статусу Российской империи.

На первом же заседании вновь образованной комиссии в июне 1914 г. ответственным редактором нового издания был назначен широко известный деятель по борьбе с детской смертностью – доктор Н. А. Русских, а также принята программа журнала и сформирована его структура.

Первый Отдел (раздел) журнала был посвящен формальной стороне деятельности Попечительства, а именно включал официальные сведения о Попечительстве, постановления его совета и комиссий, протоколы общих собраний. Второй – размещал материалы по охране материнства просветительского характера. Его содержание составляли статьи, раскрывающие особенности гигиены беременной и кормящей женщины; освещавшие существующую в Российской империи государственную и общественную помощь матерям; трактующие в популярном ключе законодательство об охране и страховании материнства. Третий – публиковал статистику по детской смертности и анализировал ее причины, описывал всевозможные формы призрения детей; особенности ухода за младенцами и т. п. В четвертом отделе печатались отчеты научных и благотворительных обществ (статистические и финансовые отчеты, исторические очерки, уставы и инструкции), исторические и этнографические статьи. Пятый отдел представлял обзор русской и иностранной печати (рефераты, рецензии) по проблеме. Наконец, в шестом – предлагались справки по вопросам охраны материнства и младенчества, а также находился «Почтовый ящик», в котором помещались вопросы читателей и ответы на них, а также обмен мнениями и полемика [4, с. 115].

Выход первого номера журнала задержала начавшаяся война, работа комиссии по подготовке его издания была приостановлена. Однако деятельность Попечительства, получившая новое звучание в связи с военными реалиями, и растущий к нему интерес широких кругов общественности побудили Совет вернуться к вопросу об издании журнала «Охрана материнства и младенчества». С целью подготовки его выпуска 15 октября 1915 года была возобновлена работа Редакционного и Справочно-статистического комитетов под руководством В. П. Герасимовича.

Начало работы комиссии совпало со смертью первого председателя К. А. Раухфуса, который более других был заинтересован в издании журнала и распространению с его помощью идей охраны материнства и младенчества в российском обществе. Первый номер был посвящен его памяти, как основателя Всероссийского Попечительства об охране материнства и младенчества.

13 сентября 1916 г. Комиссия и редакция журнала вновь понесла тяжелую утрату – скончался первый редактор Н. А. Русских. Обязанности редактора взял на себя Председатель комиссии В. П. Герасимович в соредакторстве с доктором П. С. Медовиковым.

В 1916 г. было выпущено всего три номера журнала, хотя работа проводилась довольно обширная. Так, справочным отделом журнала в 1916 г. был составлен список организаций в Российской империи и конкретно в Петрограде, которые так или иначе занимались вопросами охраны материнства и младенчества (призрением подкидышей, детскими приютами, больницами, родильными приютами, приютами для грудных детей, приютами-яслями, кухнями детского питания «капли молока», школами нянь и т. д.). Справочно-статистическая комиссия журнала работала и в других направлениях – разрабатывала указатели и справочники по всем отраслям охраны материнства и младенчества и через журнал отвечала на вопросы, направленные в справочный отдел. Для этого в редакции прибегали к помощи компетентных лиц и консультантов. С журналом сотрудничали видные российские педиатры и акушеры, которые размещали на его страницах свои публикации. Многие из них были приглашенными консультантами в издании.

В журнале публиковались статьи, посвященные различным аспектам женского репродуктивного здоровья, достижениям в данной области, правильному уходу за новорожденными и их вскармливанию, социальной политике в отношении охраны материнства и младенчества [5, с. 54]. При этом журнал был открыт для научных дискуссий и печатал кардинально

разные мнения по вопросам социальной помощи матерям и роли женщины в воспитании детей.

Губернские статистические комитеты высылали в журнал весь собранный материал, касающийся деятельности местных Попечительств. Авторами статей давалось подробное разъяснение целей и методов проводимой работы, а так же анализировались первые статистические данные и результаты деятельности этих учреждений. Библиотека попечительства выписывала несколько медицинских журналов, как русских, так и иностранных, пополнялась книгами, которые служили материалом для написания статей в журнал «Охрана материнства и младенчества» [4, с. 119].

К основному направлению деятельности Попечительства, помимо заботы о здоровье грудных детей, мер по борьбе с младенческой смертностью, относились мероприятия по формированию системы государственной защиты материнства и детства. Члены Попечительства предлагали меры не только по поддержке матерей из социальных низов, но и планировали изменить сам институт материнства. Материалы этого аспекта работы Попечительства также находили свое отражение на страницах журнала.

В журнале освещались собрания проводимые Попечительством, доклады участников собрания публиковались частично (либо указывались журналы, в которых они опубликованы полностью).

Статьи, присылаемые в редакцию, подлежали сокращению и исправлению. За опубликованный материал авторы получали гонорар в 60 рублей за лист и 25 бесплатных отгисков статьи. В первый год работы журнала подписка для членов Отделов попечительства стоила 1 р. в год, для посторонних подписчиков – 2 р., для иностранных подписчиков – 3 р. Отдельный номер стоил 50 коп. К 1917 г. расходы Попечительства заметно возросли, средств не хватало, цена на подписку возросла в 2 раза.

Журнал планировался как ежемесячный, но сроки выпуска, ввиду военного времени точно не указывались. Так, с января по декабрь 1917 г. вышло 6 номеров.

Смена политического строя в России в феврале 1917 г. привела к появлению «новых» тем публикаций издания. В частности в статьях, публикуемых в 1917 г., разрабатывалась идея «нового материнства» [6, № 2, с. 129-146; № 3, с. 245-254; 7, с. 507-518], которая подразумевала более высокий уровень профессионализма в уходе за детьми [8, с. 177].

Кроме этого, на страницах журнала стали публиковаться комментарии редакции, не самым лестным образом оценивающие работу нового правительства, отмечающие упадок дисциплины и морали армии, обли-

чающие большевистскую пропаганду [9, с. 343]. В 6-м декабрьском номере «Охраны материнства и младенчества» 1917 г. было размещено объявление об открытой подписке на 1918 год. Планировалось издать 6 номеров, однако, Декретом Народного комиссариата государственного призрения от 12 января 1918 г. Всероссийское попечительство об охране материнства и младенчества было упразднено и издательство журнала «Охрана материнства и младенчества» прекратилось [10, 253]. Большевистская власть преступала к реализации собственной программы по охране материнства и младенчества...

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Энциклопедия благотворительности. Санкт Петербург. Режим доступа: <http://encblago.lfond.spb.ru/showObject.do?object=2806468307>.
2. Миронов Б. Н. Благосостояние населения и революции в имперской России: XVIII – начало XX века. М., 2010. 844 с.
3. Алферова И. В. «Женский вопрос» в теории и практике большевизма. Брянск, 2011. 352 с.
4. Деятельность Редакционной и Справочно-статистической Комиссии по 1 января 1917 г. // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 115.
5. Гинденс Е. Я. Об охране материнства // Охрана материнства и младенчества. 1916. № 1. С. 54.
6. Редлих А. А. Страхование материнства, как мера охраны его // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 2. С. 129-146; № 3. С. 245-254.
7. Михайлова А. Т. Музей по охране материнства и младенчества // Охрана материнства и младенчества. 1917. № 6. С. 507-518.
8. Мицюк Н. А. Материнство у дворянок центральной России во второй половине XIX – начале XX в: историко-антропологический и этнокультурный аспекты: диссер. ... докт. ист. наук. М., 2016. С. 768 с.
9. Охрана материнства и младенчества. 1917. № 4.
10. Собрание узаконений и распоряжений правительства за 1917–1918 гг. Управление делами Совнаркома СССР. М., 1942. 1483 с.

Об авторе:

Мамрова Юлия Александровна – аспирант I курса факультета истории и международных отношений Брянского государственного университета им. академика И. Г. Петровского.

КОРНИЛОВСКИЙ МЯТЕЖ НА СТРАНИЦАХ ПЕРИОДИЧЕСКОЙ ПЕЧАТИ 1917 г.

Н. П. Чувилов

В работе рассмотрена российская периодическая печать августа-сентября 1917 года. Благодаря этому источнику, мы имеем возможность глубже изучить корниловищину как явление, а также посмотреть на генерала Корнилова глазами современников. Различие мнений, царившее в то время в прессе, создает основу для анализа отношения к Корниловскому выступлению тех или иных политических сил.

Ключевые слова: Л. Г. Корнилов, корниловский мятеж, периодическая печать, большевики, меньшевики, кадеты, эсеры.

После свержения самодержавия в феврале 1917 г. сложились особенно благоприятные условия для деятельности партий, борьбы за реализацию их программ. В период между Февральской и Октябрьской революциями в России действовало более 100 политических организаций [1, с. 4], многие из которых активно использовали периодическую печать. Публикации газет, отразившие события, связанные с выступлением Л. Г. Корнилова, дают возможность узнать мнение различных политических сил, понять, какого рода агитацию вели руководители партий среди сочувствующих. Следует отметить, что исследователи отдельно выделяют феномен «агитации», отмечая, что для пропаганды характерен акцент на просвещение, имеющее целью снабдить население системой политических знаний, а агитация опирается преимущественно на разъяснение, обеспечивая идеологическое решение ближайших тактических задач. Присутствующие же в ней элементы просвещения, не определяют ее сущности [2, с. 17].

В ходе стремительно развивавшихся событий 1917 г. внутри России обострилась так называемая «информационная война», главным полем для которой стала периодическая печать. О масштабах и последствиях этой войны можно судить по событиям 5(18) июля 1917 г., когда сообщения о большевистском восстании в Петрограде привели к тому, что Сейм Финляндии, используя момент, одобрил социал-демократический проект о передаче верховной власти, в корне изменявший взаимоотношения с Россией. При обсуждении закона большинство участников собрания были уверены в низложении Временного правительства [3, с. 283]. В работе исполь-

зованы материалы крупнотиражных газет самых влиятельных партий, непосредственно участвовавших в развернувшихся событиях.

Во время корниловского выступления в печати социалистических партий стали появляться материалы, резко критиковавшие действия Временного правительства, которые, по их мнению, были направлены на установление жесткой власти и уничтожение демократических завоеваний. Этого вполне хватило, чтобы поднять народ на борьбу с корниловщиной. И именно с событий конца августа 1917 г. стало укрепляться доверие народных масс к большевикам, так как правительство Керенского в их глазах уже было неспособно вести революцию за собой.

Участие меньшевиков и эсеров во Временном правительстве, их одобрение его действий во время наступления корниловских войск, поведение в первые дни мятежа были расценены «Правдой», «Деревенской беднотой», «Солдатской правдой» и другими большевистскими газетами как предательство интересов революции, интересов народа. Также большевистская печать сообщала о готовящейся провокации со стороны корниловцев и раскрывала их сговор с правительством и кадетами.

«Итак:

Факт, что контрреволюции нужен был “большевистский заговор” для того, чтобы расчистить дорогу Корнилову, идущему на Петроград якобы для “усмирения большевиков”.

Факт, что вся буржуазная печать от “Русской Воли” и “Биржевки” до “Нового Времени” и “Речи” помогала Корнилову, усиленно распространяя в эти дни слухи о “заговоре большевиков”.

Факт, что нынешнее выступление Корнилова есть лишь продолжение известных происков контрреволюционных командных верхов, сдавших в июле Тарнополь, а в августе Ригу для того, чтобы использовать “неудачи” на фронте в целях “окончательного” торжества контрреволюции.

Факт, что партия кадетов теперь, как и в июле, оказалась в одном лагере с предателями на фронте и злейшими контрреволюционерами в тылу.

Наша партия была права, выставляя кадетов, как вдохновителей буржуазной контрреволюции» [4, с.1].

Это фрагмент из первой полосы газеты «Рабочий» от 28 августа, которая выпускалась большевиками. Основным обвинением в адрес Корнилова является сотрудничество с кадетами. Этот прием убивал сразу двух зайцев: и поднимал народ на борьбу с «контрреволюцией», и выставлял конкурентов по политической сцене в невыгодном свете.

Вечером этого же дня выходит экстренный выпуск все того же «Рабочего». Он имеет похожую риторику, но добавляет несколько «фактов» о Корнилове.

«Заговор продолжается... События бегут. Новые факты и слухи с быстротой проносятся перед нами. Носятся слухи, еще не проверенные, о переговорах Корнилова с немцами. Определенно говорят о перестрелке корниловских полков с революционными солдатами под Питером. Появился “манифест” Корнилова, где он объявляет себя диктатором, врагом и могильщиком завоеваний русской революции.

А Временное правительство, вместо того, чтобы встретить врагов повражески, предпочитает совещаться с ген. Алексеевым, еще и еще переговаривает с Корниловым, еще и еще уговаривает заговорщиков, открыто предающих Россию...

Иначе и не может быть: с врагами бьются, а не совещаются.

Заговор продолжается, – готовьтесь к отпору!» [5, с. 1]

Выставить Корнилова в худшем свете – основная задача большевистской прессы в период мятежа. Стоит заметить, что и Корнилов в своем воззвании обвинил большевиков, Советы и Временное правительство в сотрудничестве с немцами [6, с. 152]. Понятно, что в условиях войны это было страшнейшим преступлением. Но, ни та, ни другая сторона весомых доказательств не представляла.

В стороне не осталась и Военная организация ЦК РСДРП(б). 29 августа вышел очередной номер газеты «Солдат», который был первым откликом печати Военной организации на текущие события. В целом, вся заметка была построена на обвинениях, которые в эти же дни звучали и в других большевистских газетах, но тут присутствовал фактор аудитории данного печатного органа. Важно было убедить солдат встать на сторону революции и подняться на борьбу с корниловщиной.

«Заговор открыт... Страшны не те две туземные дивизии, которые остановлены на станции Дно... страшен тот могучий механизм армии, который находится в его (Корнилова) руках, армии, подавленной и запуганной, которую он может путем гнусной провокации двинуть против революции. Мы видели здесь, в Питере, как это делается. Зачем нужны были Корнилову... злостные слухи о «резне», подготовляемой большевиками якобы в день полугодщины революции. Это дело его рук. Если бы провокация удалась, если бы на улицах Питера снова загремели выстрелы, ни Керенский, ни вожди Совета ни одной минуты не колебались бы призвать Корнилова на помощь и он явился бы сюда в ореоле «спасителя» во главе своих чеченцев и ингушей. Силы контрреволюции громадны, и едва ли не

самая огромная ее сила в готовности правительства скорее уступить Корнилову, чем пойти на полное развитие революции...» [7, с. 1].

Новый орган большевиков, газета «Рабочий путь», появилась 3 сентября 1917 г. В первых выпусках здесь были опубликованы аналитические статьи И. В. Сталина, посвященные корниловщине и ее итогам. В частности, он заявлял об окончательном разрыве с кадетами в связи с тем, что изначально партия поддерживала мятежного генерала [8, с. 1], о вероятной второй волне контрреволюции [9, с. 1] и возможной связи Корнилова с некими иностранными агентами [10, с. 1].

Меньшевики же в своих самых влиятельных газетах «День», «Единство» и в «Рабочей газете» (формально – орган объединенной РСДРП) публиковали отчеты об общих собраниях и частных совещаниях в Петросовете, на которых обсуждались текущие вопросы, в том числе и мятеж. Лишь 28 августа в газете «День» вышла краткая заметка: «Среди членов Совета р. и с. д. отношение к событиям спокойное. Поступок генерала Корнилова большинство склонно считать простой авантюрой. Указывают при этом, что генерал Корнилов имеет в своем распоряжении всего лишь две кавалерийские дивизии» [11, с. 1].

Здесь нет громких лозунгов и аналитических статей, но в отчетах о работе Петросовета предоставляется точки зрения партии на события: «Корниловщина – это всероссийский заговор буржуазии не против Керенского, а против всероссийского пролетариата» [12, с. 2]. Также говорилось о необходимости реформ всей политической системы России для предотвращения подобных событий в будущем.

Не оставалась в стороне от происходивших событий и периодическая печать партии кадетов, находившейся в фактической опале после августовских событий. В экстренном выпуске газеты «Речь» за 28 августа выступление генерала Корнилова оценивалось как плод недоразумения между Корниловым и Керенским. При этом в статье говорилось, что Корнилов заботится о спасении страны от большевистского переворота [13, с. 1]. Вполне логичное заявление, учитывая поддержку, которую партия оказала генералу Корнилову еще до начала выступления.

«Речь» и «Свободная жизнь» также напечатали отчеты о заседаниях Петроградского совета. Материалы во многом повторяли содержание меньшевистских газет. Нападки в адрес буржуазии и лично Корнилова появляются и на страницах кадетской печати, так как это соответствовало общему настроению депутатов Совета. После разгрома Корнилова кадетам нужно было сохранить свою репутацию, а в условиях прессинга со стороны левых сил это можно было сделать лишь путем подстраивания под по-

пулярные в народе настроения, отвечая одновременно на нападки со стороны большевиков.

Орган эсеровской печати, газета «Дело народа», обратила серьезное внимание на солдатский самосуд и убийство офицеров Выборгского гарнизона, которое произошло 29 августа 1917 г. Убитые были сторонниками Корнилова, но газета воздержалась от конкретных оценок выступления мятежного генерала. Особенно интересным представляется выпуск от 14 сентября, в котором было опубликовано «Письмо солдата»: «Боже мой, какая картина! Не могу описать, что я в тот день пережил. На моих глазах произошел ужас, от которого даже страшно становится и сильно болит сердце. По постановлению 42 армейского и выборгского гарнизонного комитетов были арестованы 3 генерала и 1 полковник. Они были помещены на главной гауптвахте, около моста. Скопившаяся там небольшая партия солдат стала разрастаться. Сначала солдаты вели споры, но потом потребовали, чтобы арестованных выдали им на руки, как изменников свободы и родины. Комитетом были приняты меры, чтобы не было расправы; приезжали делегаты на автомобилях, уговаривали и упрашивали товарищей-солдат, но последние не слышали мольбы делегатов и забыли даже то, что они доверились членам совета. Вдруг толпа колыхнулась и ворвалась в помещение гауптвахты. Арестованных вытаскивают и выволакивают одного за другим, бьют по лицу, по голове и, во что придется, кулаками, ногами и прикладами. Они все просили помилования, но от товарищей этого не было. Жалко было смотреть, как Васильева, генерала, тащили волоком по мостовой: он был весь в крови и ничего не просил, только крестился. Тащили и несли их на мост, где бросили в воду. А потом началась буря и даже сведение личных счетов.

Всех пострадало около 12 человек, из них – более невинных, за которых, товарищи, нам совестно. Мы теперь запятнали себя несмываемым пятном. Я сознаю, что хотели подавить приспешников Корнилова и ослабить их, но так ничего никогда не сделаешь.

Это – позор и срам для нас.

Артил. выборг. креп. *И. Морозов.*» [14]

Автор письма в редакцию считает произошедшее позором для гарнизона и уверен, что подобного развития событий необходимо было избежать. Можно предположить, что, несмотря на отрицательное отношение к мятежникам, солдаты, сохранявшие ясность ума в огне революции и жуткой войны, до последнего не хотели разрастания событий до уровня всеобщего хаоса и масштабного кровопролития уже внутри самой России. Повлияли ли на линчевателей агитация против Корнилова в периодической печати?

Мы можем лишь делать предположения, но скорее всего, здесь не обошлось без влияния публикаций в газетах, так как армия и флот являлись основными целевыми группами читателей прессы в это беспокойное время. Достаточно сказать, что к 1 июля 1917 г. цены поднялись на 400% по сравнению с довоенным временем. Многочисленные выборные органы, появившиеся на флоте, не замедлили забить тревогу относительно резко сократившегося реального размера жалованья [15, с. 4].

Заканчивая разговор об эсерах, нужно отметить, что в первые дни после корниловского выступления в партийных изданиях «Дело народа» и «Воля народа», также публиковались отчеты о работе Петросовета. При этом акцент делался на действия своих товарищей по партии в рамках этой организации.

Итак, подводя краткий итог, мы можем представить расстановку сил в политической прессе страны того времени. Кадеты, несоциалистическая пресса либеральных и консервативных групп горячо поддерживали генерала Корнилова, а печать социалистов, главным образом большевиков, давали резко негативную оценку действиям Верховного Главнокомандующего, используя страницы своих газет для антикорниловской агитации.

Фигура А. Ф. Керенского как «представителя демократии» и «министра-революционера» после корниловского мятежа хотя и не подвергалась прямой критике, перестала появляться в передовых и проблемных статьях – о председателе Временного правительства упоминалось лишь в официальных сообщениях [16, с. 41].

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Политические партии России (первая четверть XX века): Справочник / В. Ф. Блохин, В. Г. Бородачев, В. И. Калинов и др. Брянск, 1993. 152 с.
2. *Алферова И. В.* Большевистская женская печать: к истории становления (1914–1920-е гг.) // исторические, философские, политические и юридические науки, культурология и искусствоведение. Вопросы теории и практики. 2011. № 6-3. С. 16-23.
3. *Павлов А. В., Петров Е. В.* Теория «Федерализма в историко-правовых трудах барона С. А. Корфа (1876-1924) // Гражданогенез в России. Под общей редакцией В. Д. Мехедова, В. Ф. Блохина. Брянск, 2009. С. 277-302.
4. Мы требуем! // Рабочий. 1917. 28 августа.
5. Заговор продолжается... // Рабочий. 1917. 28 августа. Экстренный выпуск.
6. *Рабинович А.* Большевики приходят к власти: Революция 1917 года в Петрограде: Пер. с англ. / Общ. ред. и послесл. Г.З. Иоффе. М.: Прогресс, 1989.
7. Заговор открыт // Солдат. 1917. 29 августа.

-
8. *Сталин И.В.* О разрыве с кадетами // Рабочий путь. 1917. 6 сентября.
 9. *Сталин И.В.* Вторая волна // Рабочий путь. 1917. 9 сентября.
 10. *Сталин И.В.* Иностранцы и заговор Корнилова // Рабочий путь. 1917. 12 сентября.
 11. День. 1917. 28 августа.
 12. Отчет об общем собрании // Рабочая газета. 1917. 1 сентября.
 13. Речь. 1917. 28 августа. Экстренный выпуск.
 14. Дело народа. 1917. 14 сентября.
 15. *Назаренко К. Б.* Материальное обеспечение красных моряков в конце 1917-1918 гг. // Вестник Санкт-Петербургского университета. Серия 2. История. 2010. № 2. С. 3-13.
 16. *Шевцов В. В.* Революция и Гражданская война в освещении губернских ведомостей Сибири // Новый исторический вестник. 2014. № 42. С. 31-48.

Об авторе:

Чувиллов Никита Петрович – студент IV курса Института истории СПбГУ. Кафедра источниковедения истории России. Научный руководитель – д. и. н., профессор Назаренко Кирилл Борисович

**ДИСКУССИИ О ПОСЛЕВОЕННОМ РАЗВИТИИ г. ВЫБОРГА
В 1945-1946 гг.:
ПО МАТЕРИАЛАМ ФОНДА
ЛЕНИНГРАДСКОГО ОБЛАСТНОГО КОМИТЕТА КПСС
(ЦГА ИПД СПб)***

Т. С. Криницына, Е. В. Петров

Статья посвящена вопросам изучения ранней страницы истории Выборгского градостроения в советское время. В ней рассматриваются некоторые аспекты процесса разработки первого послевоенного генерального плана города. Приведённые архивные документы и материалы позволяют говорить о специфике проектно-планировочных работ, суть которой, на взгляд авторов, сводится к противоречиям переходного периода (от финского генерального плана к схемам и чертежам советского времени). Данное положение иллюстрируется выдержками из материалов партийных дискуссий о будущем Выборга, связанного с утверждением исходных установок для разработки генерального плана. Архивные документы позволяют говорить о постоянной корректировке органами власти исходных положений и свидетельствуют о незавершённости начального периода проектно-планировочных работ по разработке генерального плана Выборга.

Ключевые слова: градостроительное развитие г. Выборга, исходные положения разработки генерального плана города, партийные дискуссии.

В Центральном Государственном архиве историко-политических документов города Санкт-Петербурга находятся на хранении материалы областного комитета партии (ВКП (б), а затем КПСС). Особый интерес для нас представляли документы фонда Ленинградского областного комитета КПСС [1], относящиеся к послевоенной истории Выборга, датируемые 1945–1946 гг. В ходе Выборгской операции (июнь 1944 года) город был освобожден и в ноябре 1944 года включён в состав Ленинградской области. Вопрос о восстановлении города и необходимости разработки архитектурного плана остро обсуждался на заседаниях объединенного пленума обкома и горкома ВКП (б) [2, оп. 11, д. 10, л. 2].

Комплекс данных источников характеризует сложный и весьма противоречивый процесс дискуссий о будущем развитии Выборга. Анализ документов позволяет проследить различные точки зрения по поводу разви-

* Работа выполнена при поддержке РГНФ. Грант № 14-21-18001 а(м).

тия данной территории. В конечном итоге, все они были включены в качестве базовых «исходных условий» для разработки основных положений генерального плана города Выборга. В качестве основных источников выступают протоколы заседания бюро обкома партии, подготовительные материалы к указанным заседаниям, стенограмма объединенного пленума обкома и горкома ВКП (б), а также доклад И. В. Сталину «О проведенных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах Карельского перешейка Ленинградской области».

Говоря о процессе разработки концепции территориального развития Выборга после его вхождения в состав Ленинградской области, представляется важным учесть материалы заседания объединенного пленума ленинградского обкома и горкома ВКП (б), который состоялся 15 января 1945 года [3].

На данном заседании председатель Выборгского горкома Н. Я. Панарин представил доклад о состоянии города после его освобождения. Помимо сообщений о проделанной работе по восстановлению городского хозяйства, Н. Я. Панарин оговорил те сложности текущего положения дел, с которыми столкнулся горком: нехватка материальных средств, нехватка кадров (как технических, так и партийных), отсутствие плана восстановления и развития города. Примечательно, что Н. Я. Панарин выступил с предложением развивать Выборг не только как «торговый порт, как форпост Ленинграда на Карельском перешейке, как военный город», но и как место развития «подсобного хозяйства на базе ленинградских промышленных предприятий». Председатель горкома сделал особый акцент на наличии в Выборге «прекрасного жилого фонда, хороших шоссежных дорог, дешевого водного пути» [1, оп. 2, д. 5472, л. 151]

17 января 1945 года А. А. Кузнецов, И. С. Харитонов (председатель исполкома областного Совета депутатов трудящихся) и другие члены бюро обкома получили для ознакомления материалы, которые были рассмотрены на заседании бюро, состоявшемся 19 января 1945 года. В папке материалов к протоколу заседания бюро обкома № 93 [1, оп. 2, д. 5517] находится на хранении выступление А. А. Кузнецова «Об отправных установках по восстановлению и развитию города Выборга» [1, оп. 2, д. 5517, л. 5-6], а также характеристики промышленного и городского хозяйства с предложениями развития города на 1945 год [1, оп. 2, д. 5517, л. 140-143].

В своем выступлении А. А. Кузнецов вновь отметил, что «нельзя вслепую развивать такой город как Выборг. Это шарнир, на котором держится вся оборона на Карельском перешейке. Для Ленинграда и области Выборг – форпост на северных границах» [1, оп. 2, д. 5517, л. 5]. Примечательно, что руководством ленинградской партийной организации, в частности,

А. А. Кузнецовым и А. А. Ждановым, предполагалось сделать Выборг пограничным военным городом, так как граница с Финляндией располагалась в 30 км. от города. Предполагалось также, что в городе будет размещен «определенный контингент людей» и размещены военные школы. Тем не менее, вопрос о статусе Выборга оставался открытым («пока это у нас будет крупнейший город из городов области и самый важный с точки зрения его значения»).

Согласно тексту протокола, Выборг являлся пограничным военным городом, восстановление которого подлежало в качестве крупного порта, базы морского и речного судоремонта и железнодорожного узла. По причине тяготения районов и предприятий Карельского перешейка к Выборгу, планировалось создание промышленной ремонтной базы сельхозмашин, тракторов, производства мебели и др., необходимых для обслуживания нужд районов области. Топливная промышленность региона должна была ориентироваться, главным образом, на добычу торфа.

Весьма важным для партийных и советских органов оставался вопрос о переселенческой политике. В ходе обсуждений областному и городскому звену было предложено ориентироваться на установленную предельную численность населения – на 1 января 1946 года была принята численность в 15 тысяч человек с предусматриваемым опережением в 3 тысячи человек. Оговорен был и порядок въезда населения в Выборг как прибывающего в порядке реэвакуации, так и в порядке завоза наркоматами для работ на восстанавливаемых предприятиях. Примечательно, что в подготовительных материалах, часть текста была вычеркнута и вместе с протоколом принята не была. Согласно вычеркнутому фрагменту текста, город должен был «заселен населением русского происхождения, воспретив въезд в г. Выборг гражданам немецкого и финского происхождения. В случае появления их, немедленно возвращать в места, откуда они прибыли или в тыловые районы Союза ССР» [1, оп. 2, д. 5517, л. 142-143]. В финальном варианте текста, который вошел в протокол, этого фрагмента нет. Тем не менее, подобные записи, принимая во внимание условия военного времени, не вызывают удивления.

Согласно предложению А. А. Кузнецова, была создана специальная комиссия с целью создания плана восстановления и развития промышленного и городского хозяйства на 1945 год. Комиссии была предоставлена краткая справка о состоянии промышленности, хозяйства и транспорта города Выборга [1, оп. 2, д. 5517, л. 141-142]. Эта справка, вместе с отправными установками к разработке плана, представляет собой ту базу, которая затем легла в основу принятых на заседании исходных установок. План, разработанный комиссией, был подвергнут критике А. А. Кузнецова

на заседании обкома 28.02–2.03 1945 года [1, оп. 2, д. 5543, л. 17-18]. Главной причиной критики были объемы восстановительных работ на 1945 год (был запрос на 9 миллионов рублей). А. А. Кузнецов, отмечая, что «все-таки, год военный», призывал «уменьшить аппетиты», аргументируя тем, что «Совнарком откажется рассмотреть, и Госплан не будет рассматривать. Если вынесут решение о восстановлении, то не в таких количествах» [1, оп. 2, д. 5543, л. 18]. Важно отметить, что было предложено обратиться к Военному совету Ленфронта, Наркомату военно-морского флота и др. с требованием восстановить те помещения, которые ими были заняты.

На этом же заседании рассматривался вопрос об исходных положениях для разработки генеральных планов по городам Ленинградской области, который был отправлен на доработку с формулировкой «записать не просто "об исходных данных", а "о предварительных исходных данных", потому что обстановка может измениться» [1, оп. 2, д. 5543, л. 24].

Но особую роль в чреде партийных документов занимает доклад А. А. Кузнецова И. В. Сталину о проведенных мероприятиях по восстановлению хозяйства в районах Карельского перешейка Ленинградской области, датированный 26 января 1946 года [1, оп. 2 в, д. 7937, л. 84-95]. Отдельную роль в данном докладе А. А. Кузнецов отводит вопросу восстановительных работ, проведенных в Выборге. Несмотря на опасения Кузнецова, что правительство не выделит и 9 миллионов на восстановление городского хозяйства, из доклада мы видим, что было выделено 13,5 миллионов рублей.

Согласно докладу, были проведены обширные работы по восстановлению промышленного потенциала города, портовых сооружений, железнодорожного узла, жилого фонда. Помимо восстановительных работ, были организованы учебные заведения (педагогическое училище, школа медсестер, школа ФЗО, строительная школа и т. д.)

Примечательно, что уже в 1946 году было положено начало созданию санаторно-курортной зоны для трудящихся Ленинграда в приморской полосе Карельского перешейка, а по постановлению Совнаркома РСФСР в Выборгском районе создавался курорт республиканского значения. Однако развертывание работ по созданию сети санаториев и домов отдыха шло крайне медленно [1, оп. 2 в, д. 7937, л. 94].

Помимо отчета о проделанной работе, в текст доклада входит перечень намеченных ленинградским обкомом работ, которые предполагали создание санаторно-курортной зоны, исследование и изучение природных богатств Перешейка, а также проведение работ по восстановлению города Выборга и его порта. К сожалению, распоряжения бюро обкома не могли быть выполнены должным образом в условиях военного времени.

На заседании бюро обкома от 22 июля 1946 года вновь поднимался вопрос о мероприятиях по дальнейшему освоению районов Карельского перешейка Ленинградской области [1, оп. 2, д. 5975, л. 9-14]. Особый интерес для нас имеет часть этого пункта, связанная с городом Выборгом.

В области развития промышленности: предполагалось обязать Лен-облисполком и Министерство местной промышленности к 1947 году закончить восстановительно-строительные работы по ряду предприятий (например, по Выборгскому заводу сельхозмашин), а также организовать в регионе сеть производственных и ремонтно-починочных мастерских по местной промышленности, промысловой кооперации и кооперации инвалидов, увеличив их число [1, оп. 2, д. 5975, л. 12].

Предполагалась и обширная работа по восстановлению Выборга как транспортного узла: Министерство путей сообщения в 1946 году должно было провести подготовительные работы по строительству нового вокзала, а Министерство морского флота – закончить в 1946 году проектно-сметные работы по реконструкции и восстановлению Выборгского морского порта и приписанных к нему портопунктов. Должна была быть создана собственная база для ремонта портового флота и текущего ремонта портовых судов, для чего судовой верфь и судоремонтный завод должны были выйти из юрисдикции Министерства речного флота и перейти в ведение Министерства морского флота [1, оп. 2, д. 5975, л. 13].

Разработка первого советского генерального плана Выборга в условиях послевоенного времени являлась сложным и долгосрочным по времени процессом, инициированным властями в 1944 г. и окончательно завершившимся лишь в 1953 г. Организационно-управленческие противоречия, которыми он сопровождался и характеризовался, являлись свидетельством и отражением не менее противоречивого процесса закрепления территории за СССР. Восстановление разрушенных городов стало испытанием не только для социально-экономической сферы советского государства, но и для градостроителей, которым нужно было учесть не только архитектурные особенности восстанавливаемой территории, но и утверждать новый советский стиль градостроительного развития. В этом отношении, как показывают документы и источники, Выборг был не самым простым испытанием для советской власти.

Процесс градостроительного перехода от финской застройки Виипури к советскому городу социалистического типа обладал рядом специфических особенностей. Существенно пострадавший в ходе войн город, войдя в состав СССР, сразу же не был обойден вниманием центральной и региональной власти отдававших себе отчет в стратегической важности региона вообще и

Выборга, в частности. Подтверждением тому служит доклад А. А. Кузнецова И. В. Сталину о состоянии дел на перешейке. Обсуждение проблем восстановления городского хозяйства Карельского перешейка и Выборга проходило на самом высоком государственном уровне. Тем не менее, нужно признать, что партийные власти, при условии освобождения Карельского перешейка и включения Выборга в состав Ленинградской области, не имели четкого плана развития данной территории, а во многих вопросах продолжали оставаться в сомнениях вплоть до договора 1948 г.

Отсутствие четкого плана действий, с одной стороны, породили стихийное и хаотичное развития города, а с другой – создали некоторую путаницу при разработке и принятии исходных условий. Несмотря на попытки представления развития Выборга в качестве военного форпоста, из позднейших документов следует, что власти от данной концепции отказались, предпочтя развивать город как индустриальный центр и рекреационную зону. Постоянные изменения исходных условий неизбежно влекли за собой ревизию и коррективы в работе над проектом генерального плана, отсутствие которого провоцировало развитие Выборга согласно временным схемам и инструкциям.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. ЦГА ИПД СПб. Ф. 24. – фонд Ленинградского областного комитета КПСС.
2. ЦГАНТД СПб. Ф. 388. – фонд Архитектурно-планировочного управления Ленинградского Областного Исполнительного комитета Совета народных депутатов РСФСР (ОБЛАПУ).
3. В фондах ЦГА ИПД СПб находится несколько вариантов стенограмм данного заседания. В данном случае, мы будем опираться на неправленный (Ф. 24. Оп. 2. Д. 5472. Лл. 144-152) и правленный (Ф. 24. Оп. 2. Д. 5471. Лл. 61-64) экземпляры стенограммы.

Об авторах:

Петров Евгений Вадимович – доктор исторических наук, профессор кафедры Источниковедения истории России Санкт-Петербургского государственного университета.

Креницына Таисия Сергеевна – студентка 4 курса Института истории Санкт-Петербургского государственного университета.

РОССИЯ И БЛИЖНЕВОСТОЧНЫЙ КОНФЛИКТ В 1991–2003 гг. В ПУБЛИКАЦИЯХ ИНСТИТУТА БЛИЖНЕГО ВОСТОКА

Е. Денисова

В статье содержится историографический обзор сборников научных статей, содержащих оценки участия России в мирном процессе в 1990-х – начале 2000-х гг.

Ключевые слова: *внешняя политика, Ближний Восток, мирное урегулирование, ближневосточная политика, общественное мнение.*

В отечественной и зарубежной историографии существуют различные оценки участия России в мирном процессе в 1990-х – начале 2000-х гг. Одна часть исследователей считает, что Россия после распада СССР не имела возможности влиять на процессы на Ближнем Востоке, в том числе, практически не принимала участия в мирном урегулировании арабо-израильского конфликта, несмотря на свой формальный статус коспонсора. Одновременно с этим существует ряд исследований, авторы которых стремятся показать заслуги российских дипломатов в продвижении мирного урегулирования, привлечении сторон конфликта к переговорам.

В разных кругах и научных институтах можно встретить приверженцев обеих точек зрения. Данного вопроса касались в своих работах как профессиональные дипломаты, так и эксперты из Института Востоковедения РАН, Дипломатической академии, МГИМО, Нижегородского университета и других научных центров. В данной статье рассматриваются мнения признанных специалистов-востоковедов и политологов, высказанные ими на страницах сборников статей Института Ближнего Востока.

Институт, на наш взгляд, является на сегодняшний день важнейшим центром изучения ближневосточной политики, выпускающим подавляющее большинство израилюведческих исследований в России. Мнение экспертов, сотрудничающих с ним, оказывает большое влияние на формирование общественного мнения по вопросам, касающимся международных отношений и внешней политики России в ближневосточном регионе. Институт представляет собой негосударственную организацию, существующую на средства группы компаний «Ариэль», занимающейся металлургией, поскольку к ней имеет непосредственное отношение президент Института, Е. Я. Сатановский, признанный авторитет в востоковедении. В стрем-

лении к объективности и независимости Институт отказывает себе в праве получения грантов и зарубежного финансирования.

Сборники, публикуемые Институтом, посвящены актуальным вопросам текущей политики, и потому в них мы находим не историческую, а политологическую оценку ситуации, современной времени написания статьи, а также рекомендации и прогнозы. Однако они представляют интерес для данного историографического исследования, поскольку мнения и рекомендации экспертов, с одной стороны, отражают их представления о ситуации как ее современников, с другой стороны, могли влиять как на формирование представлений и принятие решений лицами, непосредственно определяющими характер внешней политики России и других стран, так и на общественное мнение по данному вопросу.

Данное исследование опирается на основные положения статей, изданных в 2001 году в составе сборника «Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности» [1] и книги А. Эпштейна и С. А. Кожеурова. «Россия и Израиль: трудный путь навстречу» [2].

Книга «Россия и Израиль: трудный путь навстречу» в основном посвящена истории русско-израильских отношений и проблемам израилеведения в России. В незначительной степени в ней также затрагивается участие России в мирном процессе как неотъемлемая часть контекста русско-израильских отношений. А. Эпштейн – известный в России израильский политолог русского происхождения, занимающийся широким спектром проблем, связанных с Израилем и ближневосточным мирным урегулированием. А. Эпштейн пишет на русском языке и сотрудничает с Институтом Ближнего Востока, одновременно являясь преподавателем Открытого университета Израиля. Его взгляды интересны тем, что А. Эпштейн причастен как к русской, так и израильской стороне, и на обе смотрит как бы изнутри, хорошо знает их недостатки и достоинства. Тем не менее, это же обстоятельство заставляет задуматься о беспристрастности автора в его поддержке Израиля.

Первая глава книги посвящена проблемам исследования российско-израильских отношений. Авторы настаивают на невозможности полного анализа событий 1990-х – 2000-х гг., поскольку как в России, так и в Израиле все еще отсутствует доступ к архивным документам той эпохи. Доступные источники, такие как официальные коммюнике, конечно, не дают в полном объеме представления о происходящем за кулисами политической сцены. Авторы лишь предполагают, что на самом деле дипломатия России в этом регионе в указанный период представляет собой большой интерес и может отличаться от сложившихся представлений о ней. Тем не менее, ав-

торы предпринимают весьма удачную попытку историографического обзора имеющихся на сегодняшний день работ по теме российско-израильского взаимодействия и арабо-израильского конфликта.

Историографические исследования представляют интерес потому, что в них также описываются различные точки зрения по вопросу участия МИД РФ в ближневосточном урегулировании, существовавшие в российской науке в 1990-х – начале 2000-х гг. В 2001 г. помимо А. Эпштейна и С. А. Кожеурова, среди авторов, попавших в поле зрения данного исследования, краткий обзор российских научных конференций и сборников исследовательских работ, посвященных проблематике российского участия в палестино-израильском урегулировании, представляет А. Ф. Чистяков, в 1995–2000 г. – представитель РФ при Палестинской национальной администрации в г. Газа.

Стоит отметить, что этот автор – единственный из тех, что сотрудничают с Институтом Ближнего Востока, в целом отмечает активную деятельность МИД РФ в разрешении конфликта. Вероятно, это связано с тем, что А. Ф. Чистяков, советский и российский дипломат, выступает непосредственным участником интересующих нас событий. С другой стороны, это может быть связано с неким патриотическим долгом государственного служащего, которому надлежит всегда выставлять деятельность своего министерства в наилучшем свете. А. Ф. Чистяков приводит в доказательство своей точки зрения примеры резолюций и поддержанных Россией в ООН палестинских инициатив, а также обсуждение коспонсорства России в Каире в 2002 г. Он оправдывает отсутствие значимой российской мирной инициативы и значительного прорыва в переговорах сложностью палестино-израильских противоречий.

Подавляющее большинство экспертов, связанных с Институтом Ближнего Востока, напротив, негативно оценивают деятельность МИД РФ в мирном процессе. Такого мнения придерживаются и А. Эпштейн и С. А. Кожеуров. Авторы определяют участие России в мирном процессе как «фикцию». Дается низкая оценка русско-израильским встречам на высоком уровне, поскольку все мирные инициативы выносились в них на обсуждение уже после согласования с США и ЕС. С ними солидарен и А. Ж. Хасянов, исследователь палестинских политических процессов.

По его мнению, на 2001 г. Россия перестала оказывать сколько-нибудь значительное влияние на динамику изменения ситуации на Ближнем Востоке. Россия рассматривается им как региональная держава, не имеющая реальной политической или экономической силы, и уступающая в регионе по значимости таким игрокам, как например, Турция.

Низкую оценку деятельности МИД РФ в ближневосточном урегулировании дает С. Гоффман, американско-израильский советолог: коспонсорство с подачи США лишь создавало впечатление, что России отводилась важная роль. С. Гоффман не склонна считать плодотворными усилия России в урегулировании конфликта. В первую очередь, имеются в виду попытки проведения многосторонних переговоров с представителями Сирии и Ливана, поскольку США, по мнению С. Гоффман, монополизировали палестино-израильскую ветвь урегулирования. Хорошие отношения России с Израилем и арабскими странами также не смогли на деле поспособствовать мирному процессу, считает исследователь.

Одновременно российские аналитики отмечают наличие у России потенциальных средств воздействия на стороны конфликта. Например, в качестве такового, по мнению А. Ж. Хасянова и Е. Я. Сатановского, выступают граждане Израиля, прибывшие из стран СНГ и России. Заслуженные специалисты-востоковеды, Г. Г. Косач и Е. С. Мелкумян объясняют интерес арабских государств в российском посредничестве тем, что большая численность мусульман в России рассматривается ими как определенный залог поддержки палестинцев на почве религиозной солидарности. А. Ж. Хасянов, Г. Г. Косач и Е. С. Мелкумян также подчеркивают заинтересованность арабских государств в России как противовесе США в мирном процессе и в регионе в целом. В России, по мнению С. Гоффман, также разделялся этот взгляд: политика Е. М. Примакова расценивается в ее статье в том числе как попытка создать многополярную систему в отдельном регионе. Заинтересован в этом и Израиль, и потому стремится наладить отношения с Россией, что отмечают Г. Г. Косач, Е. С. Мелкумян и Е. Я. Сатановский. А. Эшштейн пишет, что Израиль, кроме того, возлагает надежды на Россию в деле налаживания отношений с Сирией и другими арабскими странами, откуда вытекает, что израильское руководство склонно высоко оценивать возможности русского влияния на арабскую сторону конфликта.

В то же время С. Гоффман, А. Эшштейн и С. А. Кожеуров отмечают, что Израиль и США не испытывают доверия к России и не видят в ней объективного посредника в переговорах, прежде всего, из-за сотрудничества России с рядом арабских стран. Взаимное недоверие в отношениях мешает взаимодействию, и в качестве примера А. Эшштейн и С. А. Кожеуров приводят отклоненные без объяснения причин предложения российских дипломатов о посредничестве в урегулировании, а также то, что русские дипломаты не были приглашены на ряд встреч, например, в Шарм-эль-Шейхе.

Большое внимание эксперты уделяют интересам России в ближневосточном урегулировании. Е. Я. Сатановский перечисляет интересы России

в отношениях с израильской и с палестинской стороной. Например, важность российско-палестинских отношений заключается, в том числе, в их влиянии на отношения России с арабским миром в целом. Г. Г. Косач и Е. С. Мелкумян также обращают внимание на стремление России восстановить существовавшие до распада СССР экономические связи со странами региона, в том числе связанные с поставками оружия. Авторы также рассуждают о российских интересах в регионе, которые, кроме политики и экономики, затрагивают также и вопрос о недвижимости РФ, ее организаций на Святой Земле, и сферу туризма и паломничества.

В качестве еще одной причины участия МИД РФ в ближневосточном мирном урегулировании Г. Г. Косач, Е. С. Мелкумян и А. Ф. Чистяков называют международные обязательства России как коспонсора мирного процесса и члена СБ ООН, взятые до 1991 г. Е. Я. Сатановский также настаивает, что Россия должна непременно сохранять статус коспонсора даже несмотря на обреченность самого мирного процесса.

По мнению А. Эпштейна и С. А. Кожеурова, участие РФ в мирном урегулировании в 1990х гг. было продиктовано необходимостью для Б. Н. Ельцина продемонстрировать своим внутренним противникам, коммунистам и националистам, что Россия сохраняет прежний статус в международных отношениях. Той же точки зрения придерживается С. Гоффман. Она пишет, что Б. Н. Ельцин должен был заботиться о сохранении статуса России на Ближнем востоке ради того, чтобы заручиться поддержкой избирателей в условиях, когда еще сильны были позиции коммунистов и националистов, поскольку Ближний восток в тот момент был единственным регионом, где еще возможно было добиться признания статуса великой державы. При этом, по мнению исследователя, признания ее роли в урегулировании Россия пыталась добиваться через налаживание связей с Израилем. В действительности же, считает С. Гоффман, значение Ближнего востока во внешней политике России было преувеличено.

Касательно других факторов, влияющих на выработку внешнеполитического курса, Г. Г. Косач и Е. С. Мелкумян в 2001 году замечают, что еще сохраняется влияние стереотипов, доставшихся России от внешней политики СССР, на политическую элиту, как правящую, так и оппозиционную, хотя оно постепенно уходит.

Таким образом, в целом большинство экспертов Института Ближнего Востока низко оценивают деятельность МИД РФ по урегулированию ближневосточного конфликта в 1991–2003 гг. В то же время они указывают на наличие у России возможности оказывать давление на стороны конфликта как через русских переселенцев в Израиле, так и за счет связей Рос-

сии с мусульманскими странами региона. Авторы отмечают недоверие к России как посреднику со стороны Израиля и США, которое сказывается напрямую на степени вовлеченности МИД РФ в мирный процесс. Большое внимание исследователи уделяют интересам России в ближневосточном урегулировании, прежде всего ее международному статусу, отношениям со странами региона, религиозному фактору.

СПИСОК ИСТОЧНИКОВ И ЛИТЕРАТУРЫ

1. Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конференции. М., 2001. 268 с.
2. Эпштейн А. Д., Кожеуров С. А. Россия и Израиль: трудный путь навстречу. Ин-т Ближнего Востока, Центр содействия гуманитарному развитию о-ва «Право мира». М. ; Иерусалим: Мосты культуры Гешарим, 2011. 222 с.
3. Гоффман Стефани. Российско-израильские отношения в последнее десятилетие. // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конф. Сб. ст. / Отв. ред. А. О. Филоник. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2001. С. 313-334.
4. Косач Г. Г., Мелкумян Е. С. Россия, Ближний Восток и арабский мир. К вопросу об основах взаимодействия. // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конф. Сб. ст. /Отв. ред. А.О. Филоник. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2001. С. 106-131.
5. Сатановский Е. Я. Россия и ближневосточный мирный процесс // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конф. Сб. ст. / Отв. ред. А. О. Филоник. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2001. С. 206-212.
6. Хасянов А. Ж. Итоги ближневосточного мирного процесса и возможная роль России в регионе // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конф. Сб. ст. / Отв. ред. А. О. Филоник. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2001. М., 2001. С. 232-237.
7. Чистяков А. Ф. Палестинский вопрос и российские интересы // Россия на Ближнем Востоке: цели, задачи, возможности. Материалы конф. Сб. ст. / Отв. ред. А. О. Филоник. М.: Ин-т изуч. Израиля и Ближ. Востока, 2001. С. 238-240.

Об авторе:

Денисова Екатерина – аспирант I курса Института истории СПбГУ.

РОССИЯ В ЭПОХУ ПОЛИТИЧЕСКИХ И КУЛЬТУРНЫХ ТРАНСФОРМАЦИЙ

Выпуск II

Материалы всероссийской научной конференции
«ПЕЧАТЬ И ЦЕНЗУРА В ИСТОРИИ РОССИИ»
14 марта 2016 г.

ООО «Издательство Курсив»
241036, Брянск, Бежицкая, 14, ком. 147.
Тел./факс: 66-65-53.
kursiv2004@yandex.ru

Формат 60x84 ¹/₁₆ Печать офсетная.
Бумага офсетная. Усл. п. л. 10,5. Тираж 500 экз.

Отпечатано с готовых диапозитивов
в Клинцовской городской типографии.
243140, Брянская обл., г. Клинцы,
пер. Богунского полка, 4 а.